

10.335

1960

• 14036340
8084000333

7

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания четвертый

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Слово молодым	3
РОДАМ ЧАЧАНИДЗЕ. Песня о золотистых голубях. Повесть	5
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ, НАЗИ КИЛАСО- НИЯ, ЗАУР БОЛКВАДЗЕ. Стихи	23—25
СОСО КОРИНТЕЛИ. Семья Менабде. Повесть МЕДЕЯ КАХИДЗЕ, НОДАР ГУРЕШИ- ДЗЕ, ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ, ЗУРАБ КУХИАНИДЗЕ, ОТАР ЧИЛАДЗЕ, ГИ- ВИ ГЕГЕЧКОРИ, МОРИС ПОЦХИ- ШВИЛИ, ГЕОРГИЙ ЧАРКВИАНИ. Стихи	27 51—56
ЛОТАР СТРЕБЛОВ. Разбитые брикеты. Рас- сказ	57
РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. Хроника одной деревни. Продолжение	61
ШОТА НИШНИАНИДЗЕ, МУХРАН МА- ЧАВАРИАНИ, НОДАР ТАРХНИШВИ- ЛИ. Стихи	75—77
МЕРАБ ЭЛИОЗИШВИЛИ. Дорога длиною в тысячу километров. Очерк	78

См. на обороте.

ИЮЛЬ

1960

95749

7

ЭТЕРИ ГУГУШВИЛИ. Вы пришли в театраль-
ный институт... 89

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЗУРАБ ЧУМБУРИДЗЕ. Рассказы молодых 93

ГУРАМ АСАТИАНИ. Дружба, взаимообогаще-
ние... 99

УБЕЛЛА АХМАДУЛИНА. Стихотворение, подле-
жащее переводу... 104

СРЕДИ КНИГ

Г. КАНКАВА. «Летите, листья»; Л. ДОЛИДЗЕ.
Путь к зрелости; Л. АННИНСКИЙ. Взра-
щенные войной 106—110

СЛОВО—МОЛОДЫМ

Дорогие друзья-читатели!

В этом номере нашего журнала выступают молодые писатели Грузии: прозаики, поэты, критики и литературоведы, а также молодые переводчики, благодаря труду которых с произведениями грузинских писателей имеет возможность познакомиться многомиллионный русский читатель.

Авторы этого номера журнала вступили на путь творчества только в последнее десятилетие. Наши пятилетки застали их детьми, а характер их формировался в годы войны и послевоенного строительства.

Как и творчество советских писателей старшего поколения, творчество молодых писателей Грузии ищется нашей современностью, вдохновляется великими идеями коммунизма. Радостно думать, что молодые голоса — пусть пока не все они окрепли, пусть многие из них не зазвучали еще в полную силу — говорят о наших героических буднях, о замечательных советских людях — строителях коммунизма.

С некоторыми из молодых писателей читатели уже встречались на страницах журнала. Но многие из них впервые будут представлены русскому читателю. Хочется думать, что это будет радостное знакомство, тем более радостное, что произойдет оно в дни, когда трудящиеся нашей республики готовятся праздновать 40-летие установления в Грузии Советской власти.

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

Родам Чачанидзе

Первый рассказ Родама Чачанидзе «Гаврош» напечатан в 1946 году. В 1952, 1957 и 1960 годах изданы четыре сборника рассказов. Радиопостановка повести «Песня о золотистых голубях» удостоена диплома всесоюзного конкурса.

Песня о золотистых голубях

ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского Г. Миндадзе

Рис. Д. Эристави

Познакомился я с ней в то лето, когда получил аттестат зрелости. Мы жили на даче в Манглиси. Домик отец присмотрел на холме, откуда были хорошо видны Алгетское ущелье, стройные ели, упирающиеся в самое небо, хлебные поля Буденновки.

Она пришла с отцом, высоким и чуточку сутулым человеком, который работал с моим отцом в маленькой конторе. Долго и бесцельно бродили мы в тот день по лесу.

Это был первый день знакомства, говорить нам было не о чем, и вообще я почти не смотрел в ее сторону. Но потом, когда мы подружались, я увидел, что она красива—раньше я этого просто не замечал. И тут со мной произошло что-то странное: я вдруг потерял всю свою уверенность, и вместо простоты в обращении с ней появилась скованность, делавшая меня удивительно неуклюжим.

Однажды утром, когда мы вешали в лесу гамак, я уловил в ее глазах новый, незнакомый мне блеск. Черные зрачки смотрели мимо, словно что-то высматривая позади меня.

— Садись, — сказала она.

— Ты садись, — ответил я (еще вчера мы сидели вместе!).

Она молча опустилась в гамак. Я стоял рядом, слегка подталкивая тугие веревки.

— Теперь твоя очередь.

Я не сел, и мы сняли гамак.

Вечером на танцевальной площадке нас застал дождь. Посыпались крупные, как град, капли. Мы побежали к дому. Мы бежали быстро и все же насквозь промокли. Обувь отяжелела, пускала водяные пузыри на каждом шагу и смешно чавкала.

— Мне холодно, — сказала она.

На мне не было ничего, кроме сорочки, я снял ее и накинул ей на плечи.

Летний дождь недолговечен, как жизнь бабочки. Едва мы пробежали лес и вошли в ущелье, как снова показалась луна. Мы сняли вконец размокшие туфли, закинули их за плечи и босиком стали подниматься вверх.

— Я устала, — услышал я ее голос.

Повинуясь какой-то новой силе, я вдруг подхватил ее и понес на руках.

— Осторожно, сумасшедший! — прошептала она, крепко обнимая мою шею. Где-то близко, совсем близко я слышал ее дыхание. Я не помнил, как шел, куда шел. Наконец я остановился и осторожно опустил ее на землю.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Передо мной светилось ее смуглое, покрытое легким загаром лицо.

На другой день мы спустились к Алгетскому ущелью. У самого края леса наткнулись на большой стог свежескошенного сена. Издали он был похож на юрту. Мы молча опустились в тени стога.

— Кукури, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Ты всегда будешь со мной?

Я ничего не ответил, лишь поцеловал ее.

— Ты никогда меня не разлюбишь?

Солнце настигло нас, и мы отодвинулись в тень. Потом оно снова нашло нас, и мы опять отодвинулись в тень. Когда удлинились тени, мы встали, и она опять спросила:

— Мы всегда будем вместе?

— Будем, всегда будем вместе...

Около калитки их дачи нас ждала высокая женщина. Длинный острый нос, неприветливое лицо, собранный гармошкой лоб, выдающийся вперед подбородок.

— Мама, это сын папиного сослуживца, — сказала Манана.

— Меня не интересует, кто он! — прогудела она в ответ так, как будто на колокольне манглисской церкви ударили в самый большой колокол. — Иди домой!

Манана сделала шаг и... дверь дачи Одишвили захлопнулась перед самым моим носом.

Много дней бродил я вокруг дачи, но так и не смог увидеть Манану. Наконец отец, для которого не осталось незамеченным мое состояние, сказал мне:

— Одишвили вдруг решили уехать. В городе жара...

Я вздрогнул. Отец подошел ко мне и, пропуская мои волосы сквозь свои узловатые пальцы, улыбнулся:

— Не хандри, ведь ты уже взрослый.

* * *

Мы съехали с дачи в конце июля.

В городе стояла невыносимая жара. На растаявшем асфальте тяжелые машины оставляли отпечатки колес. Временами со стороны Ваке дул прохладный ветерок, и изнуренные зноем тбилисцы облегченно вздыхали.

Я шел по улице Меликишвили.

— Кукури!

Это был ее голос. Я оглянулся. Она стояла напротив, у входа в ме-

дицинский институт, и улыбалась. Потом быстро сбежала на мостовую. Я перешел на ту сторону.

— Куда ты пропал, Кукури?

Она смеялась, показывая ровные белые зубы.

— Я никуда не пропадал, ты сама исчезла.

— Знаешь, я по письменному получила пять!

Мы уже миновали улицу Меликишвили, а она все говорила.

Неожиданно она заявила:

— Сейчас мы пойдем в кино и посмотрим «Большой вальс»!

Если бы меня спросили: чего тебе больше хочется — пойти в кино на самую распрекрасную картину или шататься по городским улицам с этой девчонкой, я, не задумываясь, предпочел бы второе. Но, не говоря ни слова, я кинулся к билетным кассам.

Через два часа я провожал ее домой. Мы шли, с воодушевлением рассуждая о фильме. У ворот она остановилась, улыбнулась и стала спокойно прощаться, так, как если бы я провожал ее каждый день.

— Живем мы на пятом этаже... Прямо у господ бога. Нас разделяет только железная крыша!.. Пятнадцатого день моего рождения, придешь? — добавила она вдруг.

— Приду, если ты хочешь...

— Если бы не хотела, не приглашала бы.

— А как же мама?

— Не волнуйся, все будет в порядке. Жду тебя непременно.

И исчезла за дверью. Я долго стоял на месте. Только теперь я вспомнил все, что мог бы ей сказать.

* * *

В назначенный день я, поднявшись по винтовой лестнице на пятый этаж, дотронулся пальцем до пуговки электрического звонка на двери, окрашенной в какой-то немисливо яркий цвет. Дверь распахнулась. Передо мной стояла мать Мананы.

— Я к Манане...

— Сейчас, — коротко и холодно ответили мне, и я услышал: — Манана, к тебе пришли!

На пороге появилась Манана. Она схватила меня за руку и втащила в комнату.

— Не бойся, ты же не посторонний. Мама, это — Кукури.

Наконец мне милостиво подали руку. Мне пришлось еще раз убедиться, что в этой семье я никогда не буду желанным гостем.

Посередине комнаты в золоченом кресле дремал какой-то толстый человек. Рядом с ним на мягком стуле сидела бледная девица и, что-то лепеча, пыталась разбудить толстяка, а поодаль, у столика, другая изучала семейный альбом.

У рояля сидел молодой человек. На коленях его лежал маленький блокнот, и он что-то в него записывал. Из соседней комнаты доносился женский смех и громкие голоса мужчин.

— Будьте знакомы, — сказала Манана, и сразу на меня устремились три пары глаз. Сидящий у рояля молодой человек даже не шелохнулся.

Я по очереди поздоровался со всеми; когда же остановился перед ним; он вдруг вскочил и слегка подпрыгнул. Должно быть, он считал, что это очень по-светски. Он бесцеремонно рассматривал меня. Я попытался хоть на мгновение поймать его взгляд, но маленькие мышинные глазки сразу начинали глядеть в сторону. Когда наши руки соприкоснулись, мне почему-то стало противно.

— Я вас знаю, ваше имя Кукури, не так ли? Меня зовут Нико.

— Леонтий Георгиевич, пожалуйста сюда, — прогудел знакомый голос, и в дверях появилась мадам Одишвили. Она тянула за рукав какого-то мужчину. — Манана, подай, пожалуйста, карты, мы с Леонтием Георгиевичем сыграем партию. — За ними шел дядя Георгий, отец Мананы.

Наконец дядя Георгий заметил мое присутствие. Мы встретились под ослепительно горящей люстрой, и он дружески похлопал меня по плечу.

— Где ты пропадал, гуляка? — он улыбнулся и погрозил мне пальцем.

Манана принесла карты.

Дядя Георгий и Леонтий Георгиевич примостились у маленького столика. Я хорошо видел пачку денег, которые Леонтий Георгиевич извлек из кармана и спокойно положил на стол. От него не отстал и дядя Георгий, он тоже положил на стол деньги. Толстый мужчина, дремавший в кресле, сразу проснулся, вскочил и побежал к столику. Девушка громко засмеялась. Игра началась.

Все это время Нико с блокнотом в руках стоял у рояля и по-прежнему бесцеремонно меня рассматривал.

— Не сыграть ли и нам? — Нико подошел ко мне.

Я тут же вспомнил о двух трехрублевках на дне моего кармана и покраснел. Должно быть, вид у меня был жалкий. Манана бросилась к отцу и стала что-то горячо шептать ему на ухо. Дядя Георгий улыбнулся, рука его смела лежавшие в банке деньги. Присовокупив пачку к своим деньгам, он взглянул на дочь и обнял ее за плечи. Видимо, он не слышал того, что говорила ему Манана, а думал только об игре. Манана набралась храбрости и вытянула несколько десятирублевок. Дядя Георгий и этого не заметил, лишь Леонтий Георгиевич прищурился и заерзал на стуле.

Манана вернулась ко мне и так, чтобы никто не видел, всунула в руку деньги.

— Присаживайтесь, — сказал мой новый знакомый. Я сел в кресло, Нико щелкнул картами:

— В банке десять рублей...

— Привет молодежи, — произнес кто-то за моей спиной.

— Ах, Эдик, — воскликнул мой партнер, — садись, сыграем. Познакомься, это сын сослуживца дяди Георгия.

Эдик поздоровался и присоединился к нам.

Скоро почти все деньги собрались у Нико — он играл с мастерством профессионала. Погрустневший Эдик повернулся ко мне:

— Не дашь ли ты мне займы немного?

— С удовольствием, но вот все мое достояние... — Я указал ему на десятку и две трешки.

Эдик сердито махнул рукой.

— Интересно, чего они ждут? Скоро полночь. Манана, почему не начинают?

— Ждем профессора Аробелидзе...

— Черт возьми, теперь надо ждать какого-то профессора! — проворчал Эдик.

— Во-первых, это не какой-то профессор, а мой дядя. Во-вторых,

он близкий этой семье человек, ему предстоят большие хлопоты... Манана желает поступить на медицинский, а это, знаете ли, проблема... — объяснил Нико.

Наконец вошла хозяйка дома и, воздев к потолку очи, горделиво протрубила:

— Пожалуйте к столу.

Приглашение не пришлось повторять, все встали со своих мест и двинулись в другую комнату. Толстяк, спавший в кресле, боком обошел всех гостей и первым добрался до стола.

Когда я проходил мимо матери Мананы, стоявшей между двумя густо напудренными женщинами, то услышал, как они переговаривались:

— С чего ты взяла?

— Ей-богу, Анета, не сойти мне с места, если Нико не метит на Манану. Он так явно ухаживает!

Анета нахмурилась.

— Татьяна, дорогая, прошу тебя при мне так не говорить. Никогда этот верблюд не получит моей Мананы!

Мне стало смешно, и я с удовольствием занял место рядом с верблюдом.

Как только гости разместились вокруг стола, глава семьи поднялся с бокалом в руке.

— Благодарю вас, друзья, за внимание, за то, что пришли. Я и моя единственная дочь весьма тронуты. Теперь осталось только избрать достойного тамаду. Мне кажется, наш уважаемый Валико Гурабанидзе прекрасно справится с этим почетным и ответственным делом.

Валико притворно замахал руками:

— И не подумаю, дружище Георгий! Тут есть мальчики поречистей!

Разумеется, дядя Георгий не обратил на него никакого внимания и спокойно продолжал:

— Итак, да здравствует наш дорогой тамада!

— Ура, ура! — зашумели гости, которые, видимо, изрядно проголодались.

Я посмотрел на Эдика. Те несколько минут, которые обычно уходят на выборы тамады, не прошли для него даром. Снеди на тарелках вокруг него заметно поубавилось.

Наконец суматоха кончилась, и Гурабанидзе приступил к первому тосту.

— Я поднимаю, друзья, первый бокал за здоровье...

Но тамаду прервала хозяйка, торжественно объявившая, что пожаловал долгожданный профессор.

В комнату медленно вошел маленький широколицый старичок с седой бородкой.

— Приветствую вас, дорогие, здравствуйте, не судите меня строго — когда речь идет о человеческой жизни, все простительно! Я прямо из операционной! Несчастный случай, тяжелое ранение, большая потеря крови...

Женщины так всполошились, словно и впрямь увидели окровавленные руки профессора. Нико не мог сдержать своего воодушевления:

— Товарищи, говорил же я, что профессор Аробелидзе не опаздывает!

Профессора потащили к столу, и тамада продолжил прерванный тост с еще большим пафосом:

— Дорогие друзья, предлагаю вам осушить бокал за здоровье той,

ради которой мы здесь собрались. Выпьем за нашу жемчужину Манану! Ей сегодня исполнилось девятнадцать. Но есть еще один повод для этого тоста. Сегодня наша Манана зачислена на медицинский факультет. Природа одарила ее многими талантами... — И тамада начал перечислять таланты Мананы.

Как только тамада сел, вскочил Нико. На мой взгляд, игра в карты удавалась ему больше, чем пространная речь. Но он, гордо поглядывая на присутствующих, в полной тишине болтал без умолку, по крайней мере, минут пятнадцать.

Бокал опустошался за бокалом, тост следовал за тостом, и, по правде сказать, я изрядно о пьянел.

Из-за стола встали на рассвете. Манана проводила нас до лестницы, и я окунулся в утренний тбилисский туман.

* * *

Я жил в Сабуртало. Наш двухэтажный дом стоял на тихой улочке и был похож на казарму. Во дворе, довольно замусоренном, тянулись выстроенные в ряд досчатые сараи для дров и разного хлама. В конце ряда, как раз напротив окон соседа — дяди Котэ, находился наш сарай. Стараниями моего отца сарай выглядел весьма достойно. На его крыше мы с младшим братом устроили голубятню.

Моя мать умерла рано, и мы были предоставлены самим себе. Мы вставали на рассвете (раньше нас во двор спускалась только дворничиха Айкануш), взбирались на крышу сарая и... От нашего свиста просыпался весь двор.

Первым показывался дядя Котэ. Высунет растрепанную со сна голову и говорит сдержанным басом:

— Каждый день одно и то же... Эти голуби высушили мою кровь.

В уходе за голубями нам иногда помогала дочка дяди Котэ, Натела. Она была года на три моложе нас. Подойдет к сараям, уставится своими большими лучистыми глазами:

— Мальчики, и я здесь!

— Нател, ну-ка сбегай за водой, голуби умирают от жажды!

— Нател, тащи просо! — командовали мы.

Во дворе часто возникали потасовки, и не удивляйтесь, что большей частью все начиналось из-за наших совершенно безобидных птиц.

Приходили мальчики с соседнего двора, становились против нашего окна и говорили:

— Тенгиз украл голубей.

— Не болтайте, — отвечал Тенгиз, не моргнув глазом, — голуби сами садятся на нашу крышу.

— Ты переманиваешь, это не в первый раз!

Дело осложнялось, и тогда Тенгиз, не задумываясь, пускал в ход кулаки.

После поступления в техникум я постепенно забросил голубей. Уход за ними теперь всецело лежал на Тенгизе. Но несмотря на все его старания, дела шли неважно: на крышу сарая садилось все меньше и меньше птиц.

Даже дядя Котэ огорчался:

— Мальчики, что с вами? Голубей стало совсем мало!..

В тот год я перешел на второй курс техникума. Я сидел на крыше сарая и помогал брату.

— Кукури! — услышал я снизу.

Посмотрел — внизу стояла Натела.

— Подай миску, воды налью.

Я засмеялся:

— Уже есть, Натела...

— Послушай... Я получила аттестат...

— Да ну?! Вот здорово!— По правде сказать, я понятия не имел в каком она классе.— Теперь на медицинский?

— Не угадал.

— Сейчас медицина в моде.

— Я поступаю в консерваторию.

— Вот хватила!

— Нет, правда... Знаешь, я сочиню песню. Не смотри куда-то в сторону! Она будет называться... Не смейся, пожалуйста, она будет называться «Песня о золотистых голубях»...

Я спрыгнул с крыши и обнял Нателу:

— И ее будут петь все мальчишки с нашего двора!

— Твой голос особенно украсит наш хор,— засмеялась Натела. Потом, помолчав, добавила: — Знаешь, приехал Сурен Кочарян. Хочешь, пойдём на его концерт?

— Не знаю...

— Он будет читать сказки «Тысячи и одной ночи». Закрой глаза и слушай. Ты видишь Багдад и дочь Гаруна Аль-Рашида... Каждое утро ты с нею пьешь кофе... — Она мечтательно смотрела вдаль. Могу поклясться, что мысленно она и впрямь была в Багдаде.

— Очнись, здесь нет никакого Гаруна!

— Он и «Витязя» читает.

— Я тоже читаю. Могу продекламировать...

— Нет-нет, не надо. — Она выпрямилась, лучистые глаза сияли. — «Был в Аравии властитель Ростеван, избранник бога...» — голос ее звенел.

— Ладно. Пойдем. Только с условием, что нас будет трое.

— А кто третий?

— Узнаешь.

Через некоторое время я звонил по телефону.

— Манана, пойдём сегодня на концерт? Выступает Кочарян...

Манана сразу согласилась, только спросила, долго ли продлится концерт.

— Ну, часа два...

— Ой, кто же вытерпит!..— Это было сказано так тихо, что, видимо, я не должен был расслышать.

Вечером мы направились в концертный зал. У входа нас уже ждала Манана. На ней было красное в белую крапинку платье, которое ей очень шло.

— Познакомься, моя соседка,— представил я Нателу.

Манана нахмурилась и холодно протянула Нателе маленькую руку. Приветливая Натела, Натела с лучистыми глазами, не осталась в долгу. С неменьшей холодностью пожала она руку Манане и свысока оглядела ее.

Мы сели. Вышел одетый в черный фрак Кочарян. Опустился в кресло, и... спокойно, мерно поплыл его мягкий голос. Он начал рассказывать удивительную историю... Я посмотрел на Нателу. Она, конечно, была уже в Багдаде...

Поздно вечером мы шли ярко освещенным проспектом. Натела молчала, Манана говорила с увлечением. Подошли к дому Одишвили, простились с Мананой и молча повернули обратно. Около наших ворот Натела сказала:

— Ты ее любишь, Кукури...

— Правда, хороша?

— Хороша... очень...— Натела подняла голову и стала рассматривать темные облака, которые надвигались со всех сторон. Они гасили яркие звезды.

04135340
3134010133

* * *

...Утром радио объявило о вторжении фашистов, и уже на другой день я получил повестку. Отец вышагивал взад и вперед по комнате, Натела укладывала рюкзак. Около маленького столика примостилась Манана, она просила брата уступить ей мою фотографию...

А дальше — развороченные траншеи, ранение в грудь, госпитали. Скупые письма из дому. Неожиданная смерть отца... Где-то далеко от меня воюет братишка... Опустела наша маленькая квартира.

В письмах Нателы одно и то же: Кукури, береги себя...
Снова фронт, снова дым и кровь...

* * *

Стоит декабрь. В проводах, протянутых вдоль железнодорожных путей, не переставая, гудит ветер. Кто-то пошутил: «Джентльмены, нас встречают с оркестром».

Говорящего я не вижу, но знаю, что это старшина с верхней полки. Старшина все острит. Он лежит на полке, свернувшись наподобие бутафорской колбасы в витрине гастрономического магазина, лежит и острит. Время от времени поднимается и, звеня орденами и медалями, перегибается к нам:

— Джентльмены, не спите, а то мне кажется, что я нахожусь в склепе!

Сидящий напротив меня боец Отар Вардосанидзе косо смотрит вверх:

— Эх, Васька, хоть бы и впрямь скорей рассвело!

Потом кто-то печально рассказывает, что на войне потерял все — жену, ребенка, родителей. Теперь он едет на юг, чтобы начать жизнь заново. Когда он говорит, на лбу у него натягиваются толстые, как веревки, жилы. Время от времени он посылает ругательства в адрес Гитлера.

Сержант, который вчера целый день шутил с проводницей, наклонился к рябому солдату:

— Вот лихо отмачивает! Завидно даже!

А поезд все мчится и мчится. За дрожащими стеклами нескончаемым рядом бегут голые деревья и телеграфные столбы.

Старшина прыгает с верхней полки прямо на колени солдат; с наслаждением распрямляя затекшие ноги, громко кричит:

— Кто богат трофеями! Нет ли у кого календаря?

Старшина облазил весь вагон и наконец все-таки раздобыл календарь.

— Сегодня двадцать седьмое декабря,— говорит он, стоя в дверях купе, — но, допустим, сегодня уже тридцать первое. Тем, кто еще находится в двадцать седьмом, советую переходить к нам. Завтра Новый год!

— Ай да старшина! — закричал рябой солдат.

Поезд пошел медленнее, в окне поплыла платформа. Старшина открыл окно, ворвавшийся холодный ветер колыхнул густой табачный дым.

— Что за станция?

— Риони.

— Можно здесь найти что-нибудь, чтобы утолить жажду? — серьезно спросил старшина и почему-то посмотрел на рябого солдата.

Рябой встал и вместе со старшиной вышел из купе.

Когда поезд тронулся, мы уже сидели вокруг чемодана, на котором была разложена всяческая снедь.

— Я пью за тех, кому не довелось дожить до победы! — с непривычной серьезностью сказал старшина.

Пьем мы из консервной банки, она переходит из рук в руки. Теперь говорит рябой солдат:

— Ребята, я старый солдат, и я пью за тех, кто ждет нас дома!

— Старичок вспомнил о своей старушке!

— Так точно, вспомнил! Кто не любит семьи, тот не любит самого себя, тот никого не любит!

— Правильно!

— Я пью за Новый год, ребята, — сказал старшина. — Пью за то, чтоб пушки молчали, чтоб никогда больше мы их не слышали!

Меня заливает теплая волна, я чувствую, что пьянею. Передо мной расплываются окутанные дымом суровые и сильные солдатские лица. А поезд все мчится и мчится, гудками прокладывая себе дорогу...

* * *

Вот он, наш дом. Передо мной балкон, окаймляющий дом, во дворе тихо. Мне кажется, что декабрьская луна ярче, чем всегда, освещает наш двор. Я толкаю дверь. Зачем я это делаю? Я же знаю, что там никого нет.

Дверь не открывается, и я направляюсь в дальний конец коридора, где у нас с братом стояла клетка для голубей и где обычно мы прятали ключ от двери. Я нагибаюсь и шарю рукой. Да, он здесь, и я впервые с тех пор, как вошел во двор, испытываю радостное чувство. Нашупав замочную скважину, поворачиваю ключ два раза. Дверь отворилась, и сразу же на меня дохнуло запахом сырости, паутины и еще чего-то незнакомого.

В темноте я легко нахожу выключатель, и, когда комната осветилась, первое, что я вижу, — паутина, протянувшаяся гирляндами между книжными шкафами, и покрывшая письменный стол черная пыль. Я прохожу в спальню и там тоже зажигаю свет. Неубранные постели совсем почернели от пыли. Тот, кто последним ушел из дому, видно, очень спешил.

Сердце мое сжимается. Я сажусь на постель и рассматриваю развешанные по стене фотографии. Я не помню, сколько времени просидел так — наверно, долго, потому что, когда очнулся, небо стало сереть. Оказывается, я уснул. Во сне видел маму, уже седую, с лицом в морщинах. Такой, наверно, она была бы теперь.

— Кукури! — слышу я. — Кукури, проснись!

Я открываю глаза, надо мной стоит Натела, я сразу узнаю ее. Стоит растерянная, глаза блестят, и в них — невысказанное счастье.

— Приехал! — Сколько тепла в этом слове!

Она подходит ближе, и я встаю, нет, вскакиваю и сжимаю ее холодные пальцы. Мы долго стоим молча, не в силах произнести ни слова.

— Пойду позову маму, — говорит, наконец, Натела и убегает.

Через мгновение в комнату набились соседи. Все смешалось — смех, слезы, восклицания... Какая-то толстуха, которой я совсем не помню, горячо шепчет:

— Не печалься, сынок, горе большое у тебя, но надо крепиться. Не с одним тобой такое. Война!

Наверно, у меня очень растерянное лицо, потому что соседи изо всех сил стараются быть сердечными и приветливыми.

— А ну-ка, Кукури, пошли к нам,— решительно говорит дядя Котэ. — Смотрите, он до сих пор не разделся! Снимай шинель, уж не думаешь ли ты улизнуть от нас?

Дядя Котэ тащит меня к себе. Там он, что-то пошептав на ухо жене, садится к столу. Жена его шумно раскладывает тарелки и сердито поглядывает на Нателу, которая не сводит с меня лучистых глаз. Увидев накрытый стол, я вдруг чувствую, что страшно голоден.

— Ну-с, приступим к делу, — торжественно объявляет дядя Котэ и почему-то снимает очки с горбатого носа.— Поговорить, разумеется, у нас есть о чем, но, как известно, прежде всего человек научился есть, — и он подносит ко рту основательный кусок свинины, насаженный на алюминиевую вилку.

— Котэ, — говорит хозяйка и с упреком смотрит на мужа.

— А-а! Не стесняйся, Кукури, солдат должен быть смелым!

Он вилок подцепил, по крайней мере, пол-окорока и шлепнул его прямо на мою тарелку.

— Ешь, ешь, говорю, а то, видишь, и Натела не ест... Кстати, как ни странно,— война, а положение с голубями улучшилось.

— Как?

— Как? Мы, брат, все там обновили. Натела и я. Теперь голубей не меньше сотни. Сам увидишь, — улыбается дядя Котэ и смотрит на Нателу.

— Не горюй, я раньше твоего начал жизнь — бывало и трудно, и тяжело, но я не терялся,— продолжает дядя Котэ и с аппетитом наполняет рот. — Неважно, что я всего лишь трамвайный кондуктор. У меня есть все для счастья. Дам тебе один совет. Не болтайся зря, иди работать. Время нелегкое, еще вчера война была... Иди хотя бы к нам, в парк. Освободилось место сварщика, начальник хороший человек. Я поговорю!

К концу своей тирады он вдруг нечаянно прикусил язык и смешно скривился. Потом продолжал как ни в чем не бывало:

— Так вот, поступай к нам, ученье — оно от тебя не уйдет. Потом обзаведешься семьей — я думаю, и без этого тоже нет счастья!

— Разумеется, нет, — подтвердил я, — но пока что у меня есть другие дела.

* * *

Навсегда памятны мне Сололаки, улица Энгельса, липы вдоль тротуара, пятиэтажный дом за липами. Едва я подошел к этому дому, воспоминания охватили меня — замелькали знакомые лица. Вот высокий, сутуловатый мужчина вышагивает по комнатам, словно не находит себе места в просторной, хорошо обставленной квартире. Ходит, задумавшись, чем-то недовольный. Вот жена его — я слышу голос, привыкший повелевать, холодное лицо, холодные глаза...

И теперь, когда я поднимаюсь по витой железной лестнице, мне кажется, что я иду куда-то далеко-далеко, бесконечной дорогой моих мечтаний.

На пятом этаже отворена дверь; на пороге — дядя Георгий. Он в пальто — видимо, собрался уходить. Когда он увидел меня, улыбнулся.

— Узнал, узнал тебя, молодой человек! Заходи, гостем будешь! Он обнял меня за плечи и повел в комнату.

— Проходи сюда,— сказал дядя Георгий,— скорее снимай ши-

нель, от нее окопный дух идет!—засмеялся он. Его супруга так повела своим длинным носом, как будто я, действительно, прямо из окопов шагнул на натертый паркет.

Пока я снимал шинель, дядя Георгий по крайней мере раза два взглянул на часы. Тетя Анета открыла дверь гостиной и громко позвала:

— Манана, угадай, кто пришел!

Из гостиной вышла Манана — выросшая, пополневшая...

Она смотрела на меня, словно не узнавала. В ней появилось что-то новое, сделавшее ее очень похожей на мать, наверно, тот же высокомерный холодок... Глядя на нее, трудно было представить ту девушку, с которой я познакомился в Магниси. Но вот прежней улыбкой засияли глаза:

— Кукури, ты приехал!

Мы смотрели друг на друга, и, казалось, так много было сказано между нами...

Дядя Георгий вдруг заметил на моей груди медали.

— Однако ты не терял времени! Молодец!

И, отыскав свою шапку, он исчез за дверью. Супруга пошла за ним.

Я воспользовался этой минутой и, притянув к себе Манану, хотел ее обнять, но она сердито оттолкнула меня:

— Милый, с девушками так не обращаются...

Вечером я возвращался по улицам, запруженным беспечной, веселой толпой, и радовался всему: и этой ночи, и звездам, и холодному ветру. А больше всего — тому, что, провожая меня, Манана сказала при матери:

— Кукури, приходи тридцать первого. Вместе встретим Новый год... Будут только близкие...

Тетя Анета молча кивнула в знак согласия.

...Последние дни старого года выдались на редкость холодные. Сырая изморось проникала сквозь шинель. Я торопился, желая скорее добраться до дому. Когда я отпирал дверь, меня окликнула Натела.

— Кукури, куда ты пропал? Сейчас принесу обед!

— Спасибо, я ужинал.

— Мама обидится!

Разумеется, я вовсе не хотел их обижать, но все же есть отказался. Вошел в комнату. Чья-то старательная рука привела здесь все в порядок. Исчезли гирлянды паутины между шкафами, блестел письменный стол, сверкала белизной скатерть.

Я разделся и впервые за многие месяцы лег в собственную постель. Каким теплым показалось мне мое тонкое одеяло. Тепло исходило даже от никелированных шаров на спинках моей кровати! Я повыше натянул на себя одеяло и подумал: «Кукури Орбелидзе, ты начинаешь новую жизнь. Все сначала!»

* * *

Приглашение на новогодний пир к Одишвили сбило меня с толку. Вернее, все это началось еще в то утро, когда я отправился к ним. Открыв гардероб, чтобы сменить мою выдавшую виды гимнастерку на штатский костюм, я остолбенел. То, что раньше называлось моим пиджаком, висело жалкими клочьями, изрешеченное молью. На другом костюме тоже зияли такие дыры, что небольшая птичка свободно могла бы свить там гнездо. Не лучше выглядели и костюмы моего брата.

Оставалось одно: отправиться к Одишвили в военной форме. И я принялся начищать свои отнюдь не шегольские сапоги с широкими голенищами. Короче говоря, ровно в восемь я позвонил у дверей Оди-

швили. Манана открыла мне дверь и после внушительной паузы сказала:

— Еще никого нет. На Новый год приходят к двенадцати. **Давай** пройдемся, Кукури! Подожди меня, я сейчас!

Она ушла и вернулась в пальто.

— Под шинелью на тебе форма?

— Разумеется.

— Давай забежим к вам — переоденься. Вечером лучше быть в костюме.

Что я мог ответить ей. Я только пробормотал:

— Разве это имеет значение?

— Нет, я просто так сказала.

Мы пересекли Сололаки, и, когда вышли на проспект, она сказала: — Хочешь устроим проводы? Проводим старый год — пройдемся по Руставели, потом спустимся к Плехановскому и снова поднимемся в Сололаки. Хочешь?

Но я ничего не ответил.

Не разговаривая, мы прошли до самого моста. Остановились у перил и долго смотрели вниз на Куру. Потом Манана сказала:

— Знаешь, мне иногда кажется, что мама во всем неправа. Трудно с ней... Отец, тот совсем другой.

— О чем ты?

— Так, ничего... Вот Кура течет, и ее ничуть не беспокоит, если какая-нибудь рыбешка попадет в невод!

— К чему ты это говоришь?

— К тому, что у каждого в жизни есть свой путь.

— Манана, не говори чепухи!

— Что делать, с чепухой жить легче... Вот закончу медицинский, и пошлют меня куда-нибудь в Тьмутаракань... Потом муж, дети... А сегодня так хорошо!..

Кто-то бросил в воду камень. Камень шлепнулся на поверхность реки и исчез в глубине. На освещенной фонарями маслянистой поверхности возникли тонко очерченные круги.

— Манана, помнишь Буденновку, хлебные стога?

— Пошел снег. Как хорошо...

Мы отошли от перил и продолжили наш путь.

Вдруг кто-то подбежал к Манане и, обхватив ее голову сзади, закрыл пальцами глаза. Этот человек делал мне знаки, призывающие к молчанию.

— Нико! — воскликнула Манана и повернулась к нему лицом. Она даже не пыталась сбросить его руку со своего плеча, так они и шли некоторое время, обнявшись. Странно, как это я не узнал его сразу.

— Ты куда, Нико? — спросила Манана, когда, наконец, он снял руку с ее плеч.

— Да никуда, — захохотал он, — я целый час ищу вас, мама сказала, что вы вышли пройтись...

— Нико, ты узнаешь его?

— Узнаю. Весьма рад, молодой человек, вашему столь благополучному возвращению.

Он протянул мне руку с таким видом, словно это для меня была бог знает какая честь.

— Знаешь, Кукури, Нико уже аспирант!

— Так точно. Молитвами профессора Аробелидзе, — смиренно сказал Нико.

Мы прошли мост. Нико шел между мной и Мананой. Я готов был

удрать в любую минуту, тем более, что они все равно не заметили бы моего исчезновения. Но все же я шел рядом, а они продолжали толковать о каких-то одним им ведомых делах. Когда мы поднялись к ней домой, Нико снял свое модное пальто.

— Пора переходить на штатское. — сказал он мне, — а то можно подумать, что ты явился на заседание военного совета...

— Входи, входи, — ответил я и так крепко сдвинул ему локоть, что Нико застонал.

* * *

Как бы там ни было, но прежде всего человек должен работать! Решил стать сварщиком! Раз это выбор дядюшки Котэ, я уверен — все будет хорошо.

Я и дядя Котэ входим в окрашенные серебряной краской железные ворота. Здоровенный парень, кажется, одних лет со мною, внимательно рассматривает меня.

— Из тебя получится толковый сварщик, — приветливо говорит он. — Будем знакомы, я — мастер Гиви Вардиашвили. Ну-ка, возмись за ручку. Не так, в кулак зажми! Теперь жарь по этой железке! Сильнее, сильнее. Теперь берись за замок. Не так, большой палец сверху. Открывай! Хорошо.левой рукой бери этот железный вертел и клади в открытую пасть... пусти огонь, вот так, теперь все...

Разумеется, это было далеко не все, и Гиви не раз приходилось поправлять меня, тем не менее дело пошло на лад. Когда же я получил первую полочку, она показалась мне почти заслуженной.

Теперь предстояло решить еще одну немаловажную проблему. Мне совершенно не в чем было ходить: как ни берег я свою шинель, она все же порядком обтрепалась. К счастью, это не осталось незамеченным дядей Котэ. Однажды он принес телогрейку, в которой проехал немало лет. Но сейчас телогрейка, постиранная, наверно, в сорока водах, обрела вполне приличный вид и была вручена мне на пользование.

Первый же день, когда я облачился в подаренную мне телогрейку, был ознаменован встречей с Мананой. Я вышел из депо, трамваи почему-то стояли, пришлось тащиться пешком через весь город. Я спустился к мосту Челюскинцев и около здания киностудии еще издали заметил Манану и Нико.

Я хотел избежать встречи, но было уже поздно. Нико заметил меня и очень учтиво, даже, пожалуй, слишком учтиво, снял шляпу со своей круглой головы.

Они остановились. Остановился и я. Нико пожал мне руку, Манана слабо улыбнулась.

— Ты откуда? — спросил Нико.

— С работы.

— С работы?

— Да, я работаю. В трамвайном парке, сварщиком.

— Недурно, недурно! Нам не по пути? Нет? — И они двинулись в сторону Плехановского проспекта.

Через три дня я увидел Манану около ее дома и окликнул издали:

— Манана!

Она обернулась, нахмурилась:

— Зачем так громко, ведь мы на улице...

— Я по делу. Пройдемся немного.

Она глянула на часы:

— Я жду Нико, мы идем в оперу.

— Я не задержу тебя. Всего две-три минуты.

Мы прошли один квартал, когда навстречу нам вылетел Нико.

Мы кивнули друг другу.

— Разрешите поинтересоваться, куда направляетесь? — спросил он.

— У меня дело, — сказал я.

— Разрешите поинтересоваться, какое?

— Тебя это не касается.

— Может быть, я все-таки имею право...

— Помолчи о правах. Может, их у меня побольше, чем у какого-то верблюда!

Наверно, не стоило называть его верблюдом, но он все же здорово на него смахивал.

Нико сразу присмирел. Его маленькая голова сперва высунулась из ратинного панциря, потом нырнула обратно.

— Я жду тебя около оперы, Манана, — сказал он и ушел.

Я взял Манану под руку, и мы пошли дальше. Когда мы остановились около маленького сквера, я посмотрел ей в лицо и увидел, что она улыбается.

— Ты чего? — спросил я.

— Ничего! Он правда похож на верблюда! Наши помрут со смеху, когда узнают!

— Манана, перестань!

— Мама обожает такие вещи!

— Манана!

Конечно, я знал, что ее мамаша не прочь позлословить. Но мне было не до смеха.

— Ладно, не буду! Говори, что у тебя за дело...

— Манана, ты же знаешь, что я...

— То было детство... Золотое детство! Кстати, о детстве. Не пора ли тебе стать на ноги? Долго ты будешь возиться с этим железом?

— Меня осенью обязательно восстановят в техникуме. Подожди, придет время — и в институт поступлю...

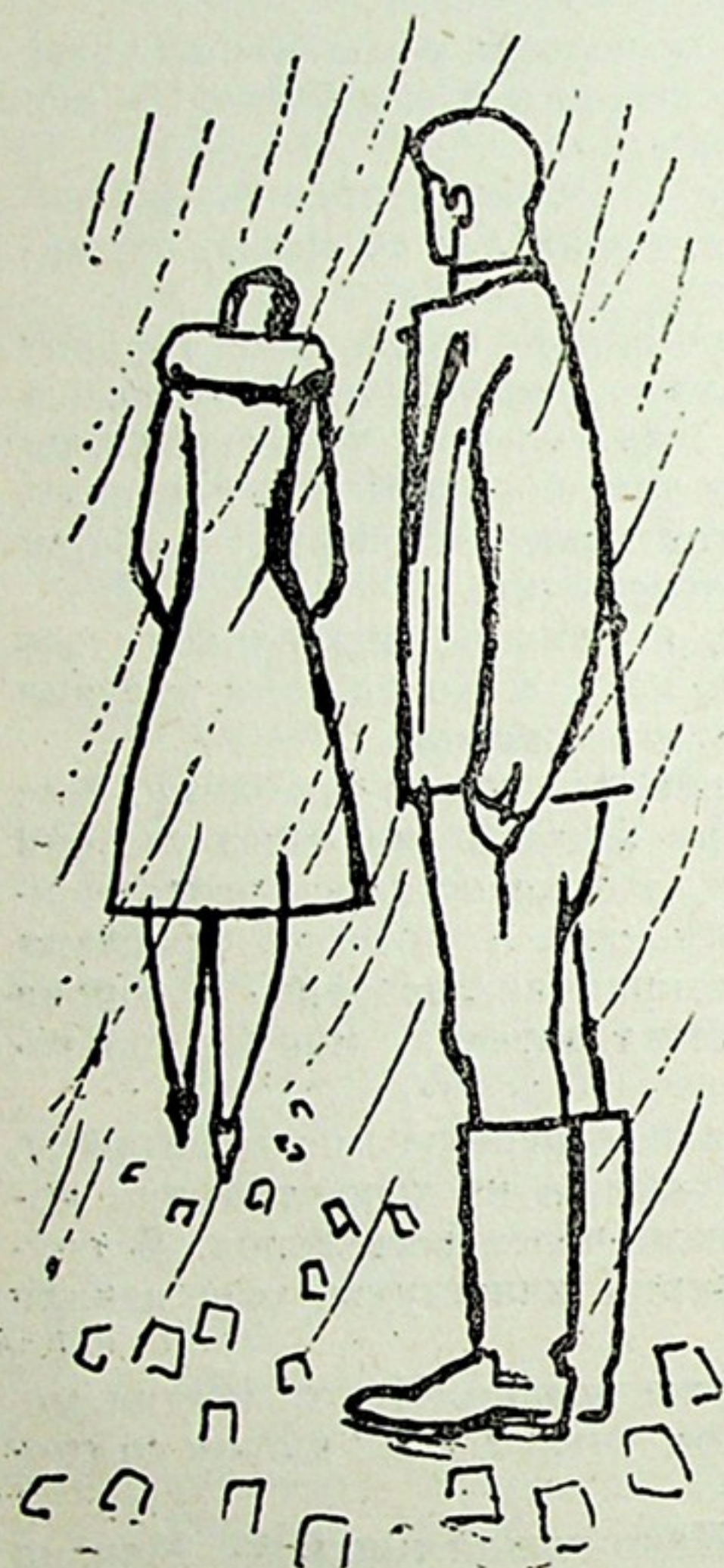
— Гляди, опять пошел снег. Как много нынче снега, и не сразу тает. Мама говорит, что если так будет продолжаться, крыша упадет нам на голову!..

— Манана, послушай...

Она пристально посмотрела на меня.

— Ты непременно хочешь знать? Я не собираюсь выходить замуж. Не привлекает меня семейная жизнь! — сказала она и, не прощаясь, свернула в переулок.

Я стоял у сквера, наверно, очень долго, так как меня всего облепило снегом. Лицо горело, почему-то кружилась голова, и стало очень

холодно. Но я никак не мог сдвинуться с места. Потом поплелся обратно. Когда проходил мимо оперы, подумал, что она, наверное, уже там. Сидит и наслаждается музыкой.

Утром я еле поднялся с постели, с трудом натянул брюки и сапоги. Накинул шинель и, кое-как спустившись с лестницы, вышел во двор. Ого, как все занесло снегом!

К моему сараю кто-то приставил лесенку и взбирается на крышу. Наверно, это Натела. И, конечно, с миской в руке.

— Натела, Натела!

Мне кажется, что лесенка качается, или это меня шатает, не пойму!.. Надо мной кто-то дышит, и я слышу голос дяди Котэ.

— Что с тобой, парень?

Потом меня ведут наверх. Справа от меня дядя Котэ, слева Натела. Моя рука встречается с ее рукой. Какая, оказывается, у нее холодная рука!

Меня укладывают в постель. Громко топая ногами, заходит врач. Посмотрите, снег погонами лег на его плечи!

Холодный кружок трубки прикасается к моей груди.

— Двустороннее воспаление легких.

Наконец он убрал свою трубку. Теперь голос его доносится откуда-то издалека.

— Здесь оставлять невозможно, в комнате ледник, надо везти в больницу.

Кто-то громко ахнул. Ну да, это Натела... Потом я слышу, как ставят печку-временку. Поставили. Слышу, как гудит огонь. Или это гудит приемник? Надо бы выключить...

...В комнате запах лекарств. Кто-то сидит у моего изголовья. Как он похож на шутника-старшину, того, что вместе со мной ехал в поезде. Поодаль, у стола, кто-то дремлет. Страшно хочу пить.

— Воды!

Тот, что похож на старшину, приносит воду. Я пью. Господи, я же просил воду, а они поят меня молоком!..

Потом тот, что сидел у изголовья, надевает пальто.

— Теперь все в порядке, — говорит он и смеется. — Отступила нечистая сила... Теперь он к нам вернулся...

И уходит. Место у изголовья занимает Натела. Она сидит молча, сосредоточенно. По радио что-то передают, но теперь гуденье сменила тихая музыка. Интересно, на улице по-прежнему идет снег?

— Ты меня слышишь, Кукури?.. Как ты себя чувствуешь?.. — Натела наклоняется, смотрит мне в глаза и улыбается. И я стараюсь улыбнуться, но улыбка у меня никак не получается.

— Воды! — произношу я наконец. И снова мне приносят молоко. Наверно, я никогда больше не попрошу воды!

— Знаешь, сколько ты лежишь? — спрашивает Натела. — Семь дней и семь ночей.

Вдруг я вспоминаю о голубях. Ведь за семь дней они могли все погибнуть!

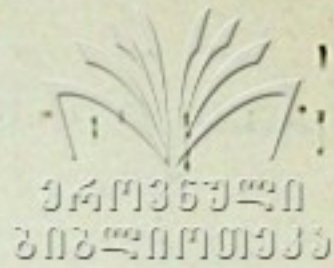
— Голуби, — говорю я, — что с голубями, ведь шел такой снег...

— Не волнуйся, о них позаботились ребяташки! Трех сюда принесли, видишь, в углу сидят.

Действительно, в углу сидят три голубя. Белый и два коричневых, вернее золотистых, нет, и не золотистых, а каких-то совсем особенных, с нежным, туманным оперением.

— Знаешь, тебя спас пенициллин, — говорит Натела.

— Натела, Кочарян не приехал?

Натела смеется.

— Приезжает...

— Пойдем! Я приглашаю тебя и никого больше...

Я вижу, как она краснеет и отворачивается.

Вечером мы одни — я и Натела. Она хозяйничает. Я пью кофе, удивительный бодрящий кофе. Натела включила радио.

— Слушайте произведения молодых композиторов, — объявляет диктор. Я смотрю на Нателу и удивляюсь, почему вдруг она смутилась.

— Натела Джандиери. «Песня о золотистых голубях». Памяти Тенгиза Орбелидзе, погибшего на фронте.

Натела садится рядом со мной, лицо ее светится радостью.

— Закрой глаза и слушай, — шепчет она. — Представь, что ты лежишь в тростниковой хижине и над тобой голубое небо...

Я слышу первые аккорды... Да, это утро! Такое, как у нас во дворе, когда он залит слепящим, но не жарким еще солнцем, когда все спят; только голуби уже слетели на крышу нашего старого сарая и, хлопая крыльями, один за другим взмывают в небо. Открылось первое окно — это дядя Котэ... И чей-то свист... Это же Тенгиз! Конечно, это он! Голуби возвращаются и воркуют... Может быть, все это мне показалось, может, это воркуют голуби, которые сидят у нас в комнате?

Но вот все смолкло. Я не сразу посмотрел на Нателу. Честное слово, я просто не мог сразу посмотреть на нее. «Ты слышал? — спросили меня ее глаза, когда я повернул голову. — Это я написала. О юности, о голубях и обо всем прекрасном, что только есть на свете»...

Каждый вечер моя комната полна людей, и сегодня за столом сидит дядя Котэ, который допивает третью чашку чая, а рядом с ним — мастер Гиви Вардиашвили, ему чаепитие не доставляет решительно никакого удовольствия. Тут же примостилась супруга дяди Котэ. Гостей потчует Натела.

— Хворь не к лицу сварщику, — говорит Гиви. — Другое дело, скажем, бухгалтеру. Не сойти мне с места, если я хоть раз видел захворавшего сварщика. И на поминках сварщика не бывал, — добавил он не без удовольствия. Потом заглянул в стакан, словно желая удостовериться, что чай, наконец, выпит.

Вскоре я приступил к работе.

По утрам натягиваю сапоги, про которые в семье Одишвили сказали бы, что они могут украсить разве что слона. Я уже чинил их три раза, и все же не расстаюсь с ними, ведь в них я так смело шагаю по широким улицам. И хочу, чтобы Одишвили непременно меня увидели. Пусть знают, как шагает рабочий человек.

Я так хочу быть настоящим рабочим, что Натела смеется:

— Послушай, ты уж слишком похож на мастерового. Этакого, знаешь, что жил полвека назад! Нынче мастеровые в университет ходят.

Но что знает Натела! Вот придет сентябрь, и я вернусь в техникум, а там и до института рукой подать! А пока что я беру кусок металла и расплавляю его на синем огне. Теперь я проделываю все это так ловко, что мастер Гиви Вардиашвили доволен мной.

...Летят месяцы, и вот идет весна. Она, как вздущаяся от внезапного дождя горная река. У нас во дворе покачиваются пушистые ветви цветущей алычи, и в воздухе носится ее пьянящий аромат. Напротив, на другой стороне улицы, под самым карнизом поселился воробей. Я стою у окна, открытого в первый раз после долгой зимы, и смотрю на моего нового соседа, который время от времени высовывает из гнезда

голову величиной с орешек и радостно чирикает. Солнце опускается куда-то за горы. И мне хочется туда, к этим, едва различимым в весеннем мареве, горам.

Я слышу скрип деревянных ступенек. Кто-то поднимается к окнам. Шаги легкие и нерешительные.

Я открываю дверь. Спрятав руки за спину, на пороге стоит Натела. Вошла и прислонилась к двери. Странно, конечно, но мне кажется, что я ее вижу впервые.

— Я на минуту, — говорит она, смущаясь под моим пристальным взглядом. — Завтра десятое апреля... Может быть, ты помнишь?

— Десятое апреля... десятое апреля... — Я стараюсь вспомнить. Да, тогда на плечах Нателы лежали длинные светлые косы... И я окончательно вспоминаю, что десятое апреля — день рождения Нателы.

— Приходи, будут только близкие.

Мы смотрим друг на друга, и мне почему-то так легко и беззаботно, как в те дни, когда мы вместе кормили голубей у нас на крыше. И я вдруг пугаюсь, когда она, постояв еще немного, берется за ручку двери. Я не хочу, чтобы она уходила чтобы исчезла та радость и то удивительное ликование, которые неизвестно почему возникли в моем сердце. Я бросаюсь к ней и, крепко обняв ее, загораживаю выход...

Она стоит рядом со мной, молча прижавшись к моей груди. Я сажаю ее на диван и сажусь рядом. В глазах Нателы страх. Я снова обнимаю ее, она смотрит на меня и печально улыбается.

— Отпусти меня, кто-нибудь войдет... Отпусти, — говорит она.

— Не бойся, ведь ты же у себя дома!

Не знаю, о чем она думает, может быть, она и не понимает того, что я говорю ей, может быть, понимает не так. Тогда я говорю:

— Завтра, десятого апреля, ты должна стать моей женой.

Наконец Натела сама обнимает меня, и я чувствую, что лицо ее в слезах.

— Но как же она... Она?

— Ее ведь давно нет, любимая...

* * *

Поздно вечером я вышел и долго бродил по пустынным, но еще ярко освещенным улицам. Я думал о завтрашнем, значительном и хлопотном дне, и о том, что в эту минуту, наверно, Натела сидит у своего окна и, как тот воробышек, оповещает мир о своем счастье...

* * *

Утром, придя на работу, я оформил трехдневный отпуск. Потом позвал Гиви Вардиашвили и рассказал ему о вчерашнем.

Он бросился обнимать меня:

— Так, значит, гуляем на свадьбе! — Проводил до ворот и стал вытаскивать из карманов мятые бумажки.

— Это на гербовый сбор, это на такси, это просто так, пригодится!

Деньги я не взял, попрощался и еще раз напомнил, что мы с Нателой ждем его у входа в загс.

Придя домой, я то и дело с нетерпением посматривал на стенные часы. В условленный час мы с Нателой вышли из дому.

Мы пришли немного рано, и Гиви еще не было. Погуляли по проспекту и вновь подошли к дверям загса. Мы уже хотели войти, чтобы посмотреть, не разыскивает ли нас Гиви там, но у самого входа столкнулись с Мананой.

На ней было красное в белую крапинку платье, и я невольно вспомнил, что и раньше, очень давно, на ней было такое же, в белую крапинку, платье.

Передо мной стояла та самая Манана...

Увидев нас, она улыбнулась так, как если бы мы с ней расстались всего лишь вчера, как если бы между нами ничего не произошло, и зашебетала:

— Как хорошо, что мы встретились! Пошли в кино! Идет заграничный фильм, очень хвалят...

Натела смотрела куда-то вдаль.

— Почему ты одна? — спросил я Манану только для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Верблюд пошел своей дорогой... А я, как видишь, в одиночестве! — Смех ее прозвучал фальшиво.

Мы даже не улыбнулись. Она еще раз внимательно оглядела нас. Меня и мою невесту.

— У вас такой важный вид! Куда вы идете?

— Далеко... Мир велик.

Внезапно рядом с нами возник Гиви Вардиашвили. Увидав незнакомую девушку, он весело закричал:

— Вот понимаю! И обо мне подумали! Что хорошо, то хорошо! Ну, пошли! — Он подхватил Манану под руку и указал ей на вход в загс.

— Простите, — сказала она, побледнев, — я очень спешу... — И ушла.

Вардиашвили удивленно смотрел ей вслед.

— Неужели я обидел ее? Надо вернуть...

— Стоит ли?.. — сказал я глухо и взял Нателу под руку.

«Застольная»

«Шуточная песня «Несмышленная невестка»

Р. ТАРХАН-МОУРАВНИ. Из цикла «Грузинские народные песни»

Тамаз Чиладзе

* * *

Снег падает...
А я гляжу,
задумавшийся,
и вижу я
иные снег и лед
и слышу, слышу вой пурги,
запутавшейся
в рогах оленей,
мчащихся вперед.
Сигналы радио
сквозь вьюгу
слышу с полюса,
рев самолетов,
голоса людей.
Сиянья северного
зыбко ходят полосы
на сонных стенах
комнаты моей.
Я вижу,
где-то там, на Шхельде
или Ушбе,
идет с киркой все выше человек.
Он этим снегом
оттирает уши
и снегу говорит:
«Спасибо, снег!»
Лицо его,
щетиною заросшее,
веселье выражает —
не тоску.

* * *

Удушенное кольцами цепей,
стараясь вырваться на берег,
море мечется,
как будто бы не верит в человечество
и хочет затопить его скорей.
Но, море,
погляди, как в тишине,
в том городе,
где пыль лежит на цитрусах,
мальчишка
грубым углем на стене
рисует девочку,
стоящую на цыпочках.

Первые стихи Тамаза Чиладзе напечатаны в 1951 году в литературном альманахе Тбилисского университета «Пирвели схиви». В 1956 и 1958 годах вышли два сборника стихов. Стихи Т. Чиладзе печатались в центральных газетах и журналах.

Он рубит лед,
и, как щенок, замерзшее
облизывает облако кирку.
А человека это
очень радует.
Он снова
весело киркой ломает лед.
Для некоторых снег
лишь только падает,
а для других —
сверкает и поет.

Ему бы подошли
мячи и удочки...
Что в нем картину эту породило?
О чем он думает
художник этот худенький,
похожий чуточку
на Буратино?

И всюду, всюду,
среди гула, говора
непобедимо, празднично и звонко
смеется девочка

Самая лучшая песня

Поколебать
даже ветер не в силах
руку стальную
подъемного крана.
Мимо иду —
подхватила и взмыла...
Я — как пушинка в руках Амираана.

Шепот донесся: «Взгляни же на
землю!

Хочешь со мной
подниматься все выше?
Видишь —

всю стройку я взглядом объемлю,
радужны окна под новою крышей!»

— Стройки,
которых так много в Отчизне,
другом меня
и сестрой назовите.
Славы иной не хочу,
лишь бы в жизни
люди меня величали:
— Строитель!

Перевод Р. Портнова.

Заур Болквадзе

* * *

О песня песен, славная «Лилео»,
напев твой кружит в синей высоте...
Мне Грузия родная повелела
рассказывать о нашей красоте.
Из дальней дали солнце наше светит,
но ближе кто к нему,
чем мой народ?
И если здесь кончается Сванетия,
начало
где
Сванетия берет?
Встает мой край в пленительном
обличье,
и весь его постичь я
не могу...
Когда вот это — речка-невеличка,
каков тогда прославленный Ингур?
Трубят олени — и все в округе глушит.
А может быть, то грянул тяжкий
гром?
Скажите,
как
вы назовете Ушбу,
когда вот это мы горой зовем?
Как грива быстрокрылого Мерани,
на небе клочья белых облаков...
Скажите мне,
каков же мир сказаний,
когда наш мир действительный
таков?

Перевод Ст. Рассадина.

Заур Болквадзе первые стихи опубликовал в 1951 году в литературном альманахе Тбилисского университета «Пирвели схиви». Готовится к выпуску первая книга его стихов.

Сосо Коринтели

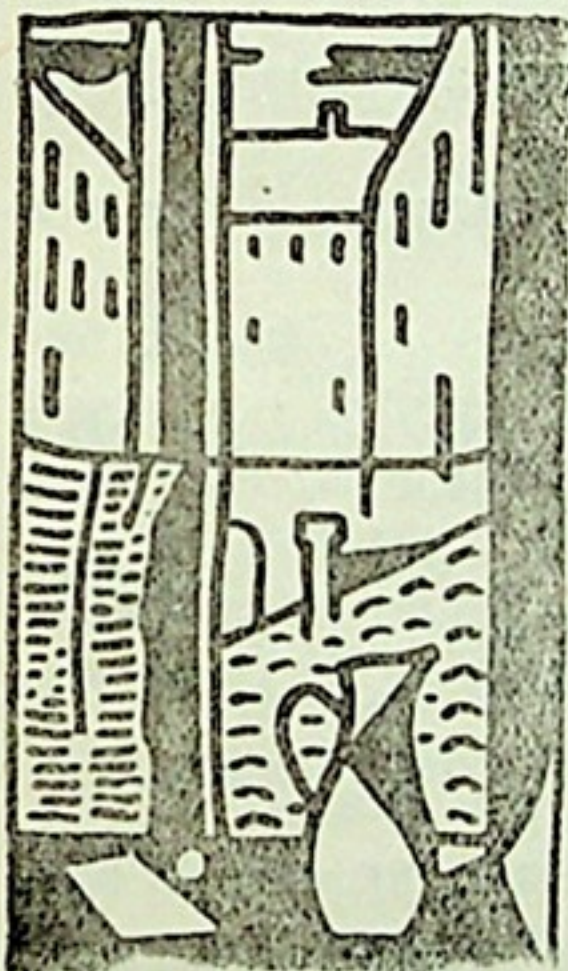
Семья Менабде

ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского Б. Гасса и К. Коринтели

Рис. Э. Мосева

1

В наполовину занавешенное окно виднеется кусок серого неба, подернутого тяжелыми серыми тучами.

В просто обставленной, небольшой, чистой и опрятной комнате тепло. Но Звиад, открыв дверцу железной печки, подбрасывает в нее еще несколько поленьев.

— Э, нет, ты стоишь на возвышении!

— Зато у тебя набойки больше!

— Тогда давай станем босиком.

Скинув туфли, Рати и Джурха вытянулись друг подле друга.

— И не стыдно вам так ребячиться! — сказала Асмат.

Лексо молчал и, поглаживая рукою усы, глядел на сыновей.

Звиад — старший. Ему около тридцати пяти. Он окончил университет, потом аспирантуру. Защитил диссертацию по истории Грузии и теперь читает лекции.

Рати — средний. В школе увлекался литературой и театром. Собирался поступить в театральный институт. Внешность у него подходящая — высокий, статный, смуглолицый. В живых черных глазах всегда светится умный огонек. Голос мужественный и красивый. Но, получив аттестат, Рати пошел работать с отцом на стройку, а потом поступил в Политехнический. Сейчас он уже на II курсе. По семейной традиции Рати тоже решил стать строителем.

Джурха — младший. В прошлом году он окончил школу, а сейчас вместе с Лексо работает на строительстве многоэтажного жилого дома. Ему восемнадцать лет, но он выше Рати, ширококостный, с боль-

шими руками, крупными чертами лица. Джурха больше всех из сыновей похож на отца.

— Ну, кто из нас выше? Мама, разве я не выше Рати? — спросил Джурха.

— Оба высокие, обоим роста хватает, — ответила Асмат.

— Скажи хоть ты, отец, — разве я не выше Рати?

— Сейчас, когда выпрямился — выше. А вообще Рати кажется выше, потому что ты всегда сутулишься, — отозвался Лексо.

— Джурха как-то сразу вытянулся, потому и сутулится. Вот возмужает немного, будет стройнее держаться, — постаралась примирить братьев Асмат.

Рати удивленно смотрит на брата:

— Он выше меня? Когда же этот младенец успел так вырасти? Еще недавно мне ничего не стоило стукнуть его по голове!

— А ну-ка, попробуй теперь! — угрожающе произнес Джурха и нахмурился. Потом, обувшись, сел к столу и углубился в чтение.

Звиад не мог сдержать улыбки. Джурха ко всему относился с чрезмерной серьезностью. В последнее же время он и вовсе ушел в себя, стал сумрачным, неразговорчивым, улыбался редко.

— Что с нашим Джурхой?.. Все время дует, как сова, — сказал Рати и подмигнул Звиаду.

Джурха насупился еще больше, но глаз от книги не оторвал.

— Вырасти-то он вырос, а вот в руках силы еще недостаточно, — снова заговорил Рати.

— И руки окрепнут. Он ведь еще ребенок! — заметил Лексо.

— Ребенок... Хорош ребенок! А здорово я твою руку к столу пригибаю? — пробурчал Джурха в ответ на отцовские слова.

— Да я же тебя берегу! А то не видать тебе моей руки на столе, как своих ушей. Давай бороться по-настоящему, я покажу, кто сильнее! Кости затрещат! — разгорячился Лексо.

— Да ладно уж, будет тебе! За шестьдесят перевалило, а ты все с детьми тягаешься! — вмешалась Асмат.

— Подожди, жена, не вмешивайся в мужские дела, — Лексо, завернув рукав рубахи, уперся локтем в стол, а кисть поднял вверх. Джурха сделал то же. Отец и сын крепко сплели пальцы рук. Каждый старался пригнуть к столу руку противника. У обоих напряглись мускулы, вздулись вены. Руки дрожали от напряжения. Лексо покраснел, на лбу у него выступили капельки пота. Джурха медленно гнул отцовскую руку, и, наконец, она легла на стол.

— Ну, кто сильнее?! — торжествующе спросил он отца.

— Неправильно боролись! Твой локоть не на одном уровне с моим был, — не сдавался Лексо.

— Ничего, отец, я отомщу, — засмеялся Рати и обратился к Джурхе:

— Ну, потянем?

— Подожди, дай отдохнуть!

— Отдыхай, — согласился Рати.

— Он меня за большой палец ухватил, а сам, небось, не дался, — негодовал Лексо.

Асмат тихонько засмеялась и сразу отвернулась, прикрыла рот рукой: не дай бог, Лексо увидит, поднимет крик — что, мол, смешного ты здесь нашла?!

— Ну, отдохнул? — спросил Рати Джурху.

— Да, начнем.

Братья схватились. Рати медленно пригнул к столу руку Джурхи.

— Ага, одолел! — обрадовался Лексо. — Рати сильнее тебя, а ведь я сгибаю его руку! Ну-ка, Рати, давай — попробуем теперь мы с тобой.

Рати слабо и недолго сопротивлялся и опустил руку.

— Видишь! — торжествовал Лексо. — Видишь, Рати сильнее тебя, а как легко я с ним справился. Теперь очередь за Звиадом!

Лексо выиграл и у Звиада и теперь весь сиял. Рати с любовью смотрел на отца и думал: «Как он радуется, ну просто, как ребенок».

Впрочем, все четверо — и отец, и трое сыновей походили сейчас на детей. А Асмат, наблюдая за ними, еле сдерживала улыбку.

Джурха не мог примириться с поражением.

— Ничего, наступит день, когда я смогу победить всех вас, — пригрозил он таким тоном, что все рассмеялись. Рати снисходительно усмехнулся, хотя, по правде говоря, ему все труднее становилось бороться с младшим братом — Джурха с каждым днем наливался силой, как дерево соками.

— Видишь, я и Рати и Звиаду руку согнул. А тебе просто не хочу кости ломать! — убеждал Лексо Джурху. — Своих птенцов одолеть не таксе уж хитрое дело. Да что там. Вот однажды...

— Ну, начал хвастаться! — засмеялась Асмат.

— Подожди, жена, дай рассказать! — обиделся Лексо.

— Да что ты еще должен рассказать? — продолжала смеяться Асмат.

— Подожди, тебе говорят!

— Вот хвастун! — не унималась Асмат.

— Ну, заладила! Теперь уж ничем ее не остановишь! — ворчал Лексо.

— Эх, пойду-ка я заниматься, слишком уж затянулся мой перерыв, — сказал Рати.

— Ну, как ваш новый лектор? — спросил его Звиад.

— Не знаю, пока ничем себя не проявил, кажется, не очень толковый.

— Почему ты так думаешь? Ведь он совсем недавно пришел к вам. О человеке никогда не следует плохо говорить — во всяком случае, покуда сам не убедишься в том, что он плох, — наставительно произнес Лексо.

— Отец правду говорит, — поддержал его Звиад.

Рати ничего не ответил и прошел в смежную комнату — спальню родителей, которая одновременно служила и столовой.

2

В субботу, двадцать пятого февраля, — день рождения Наны Квелидзе. Рати уже давно жил ожиданием этого дня. Он надеялся, что Нана пригласит его, и все не мог решить, какой ей выбрать подарок. Если бы они были старыми знакомыми или близкими друзьями, он, пожалуй, подарил бы ей что-нибудь забавное. Рати любил делать такие подарки. Но ей? Что ей понести? Торт? Браслет? Косынку? Откуда он знает, что придется ей по душе? Еще не понравится, осудит, скажет — вкуса нет. Пожалуй, он купит ей духи. Интересно, какие она любит? Но спросить неудобно. Лучше купить самые дорогие...

Из института Рати пошел прямо в подарочный магазин. Спросил самые дорогие, самые хорошие духи. Ему показали красную атласную коробку с красивыми флаконами разной величины. Цена — сто тридцать рублей. Но столько денег у Рати не было. Стипендию он уже почти всю истратил.

Вечерело, когда Рати вернулся домой. Дверь ему открыла мать. Свет в комнате еще не горел, и серые февральские сумерки смело заглядывали в окна.

— Отец и Джурха еще не приходили? — спросил он.

— Пока нет, — ответила Аснат. — Но скоро уже должны быть. Если ты не очень голоден, давай дождемся их и пообедаем вместе.

Седые волосы Аснат отливали серебром. Она куталась в шаль, бесшумно двигаясь по комнате в мягких войлочных чустах.

— Хорошо, мама.

Вскоре пришли Лексо и Джурха.

— Давай скорее обедать, а то я голоден, как волк, — едва переступив порог, заявил Лексо и пошел мыть руки.

Аснат начала накрывать на стол. Джурха ходил за ней по пятам и что-то таинственно шептал. Лексо, войдя с полотенцем в руках, засмеялся:

— Что это он тебе рассказывает?

— Ничего, — улыбнулась Аснат.

— Вероятно, радуется своими успехами, — заметил Рати. — Не пожаловали ли его почетной грамотой?

— Пока нет, но скоро пожалуют, — сказал Лексо.

Джурха не издал ни звука, но весь покраснел. Аснат ласково обняла сына. Рядом с ним она казалась очень маленькой.

После обеда Аснат убрала со стола посуду и вынесла ее в кухню. Джурха пошел помогать ей.

— Ты что-то хотел сказать мне, — напомнила ему Аснат.

— Знаешь, отец сегодня разрешил мне самому возводить стену. Он сказал, что скоро уже я смогу делать кладку самостоятельно.

— Ну, Джурха, смотри, будь молодцом, — подбодрила сына Аснат.

— Вот увидишь, если я не буду таким же, как отец! — произнес Джурха.

— Будешь, еще лучше отца будешь.

— А сегодня мы зарплату получили. И мне на сто рублей больше выписали, чем в прошлом месяце.

— Купи себе туфли, а то твои совсем износились. И на сорочки хороший материал купи, я тебе сошью, — обрадованно говорила мать.

Джурха был очень дружен с ней. И Аснат, пожалуй, больше всех любила младшего сына. Отец и братья всегда подшучивали над Джурхой, что он, мол, все за мамину юбку цепляется. А Джурха, принимая это всерьез, смущался, убеждал их, что он давно уже вырос, и даже стеснялся при них секретничать с матерью.

Перед сном Рати сказал Джурхе:

— Джурха, мне нужны деньги.

— Для чего?

— Нужны.

— Сколько?

— Двести рублей. Получу стипендию и верну.

Джурха засмеялся.

— Правда, верну, не смейся, — убеждал Рати.

Джурха постелил свою постель, начал раздеваться. Потом коротко ответил брату:

— Ладно!

Рати неожиданно схватил его за руки, крепко сжал и, широко, радостно улыбаясь, спросил:

— Знаешь, для чего мне эти деньги?

— Не знаю, — буркнул Джурха.

— Эх ты, сухарь!

Братья улеглись в постели.

Джурха знал, что обрадовал Рати, и сам этому радовался. Правда, ему теперь уже не хватит денег на все, что он собирался приобрести, но ничего... Зато как приятно чувствовать себя нужным, полезным человеком. Он никогда прежде не думал об этом. Важнее всего в жизни ему казались футбол и кино. Учился он с грехом пополам.

— Менабде... Джурха Менабде! — палец педагога чертил в классном журнале прямую от фамилии к маленькой клеточке, в которой другая рука четко выводила двойку. И вы думаете, это печалило Джурху?

— Не стыдно тебе, утопаешь в двойках, — возмущались родители.

В девятом классе он и вовсе остался на второй год.

— Позор, позор, все твои товарищи уже в десятом классе, а ты остался! — укоряли родные.

Но Джурхе вовсе не было стыдно.

Чтение для него было наискучнейшим занятием. Зато гонять по двору с мячом и бить стекла соседям — вот это было его любимым делом! И еще — драки с мальчишками. Дня не проходило, чтобы к Ас-мат не явились с жалобой две-три соседки.

— И не стыдно тебе, такой взрослый парень, а ума ни на грош!..

— Растешь и глупеешь только...

К этим словам не мог отнестись спокойно даже Джурха. Он решил, что должен догнать братьев, заслужить одобрение педагогов, прочесть все книги, которые не прочитал. И хотя опомнился он слишком поздно и аттестат получил с большим трудом, — это был уже не прежний Джурха. Былое озорство сменилось глубокой сосредоточенностью, серьезностью.

Да, оказывается, нельзя жить, плетясь в хвосте. Надо быть всегда впереди. Как отец...

3

Трамвай свернул на улицу Меликишвили. Сквозь запотевшие окна почти ничего не было видно. Рати протер стекло рукой. Шел мокрый снег. Мокрые блестящие машины мчались по мостовой, разбрызгивая фонтаны грязи.

Рати возвращался из института в плохом настроении. Два дня назад было рождение Наны. Рати купил ей дорогие духи — ту красную атласную коробку с изящными флаконами разной величины. Но на рождение не пошел. Весь день он бродил по городу в надежде встретить где-нибудь Нану. И так и не увидел ее, не получил приглашения. А быть незваным гостем Рати не мог — особенно у Наны.

Подарок остался дома.

И вдруг сейчас, проезжая мимо мединститута, он увидел Нану. Она стояла с подругами и каким-

то парнем. Они оживленно беседовали. Трамвай со звоном и грохотом мчался мимо. До остановки было далеко. Рати протолкался к дверям — благо, они были открыты — и спрыгнул на ходу. Быстро перешел улицу, волнуясь, с бьющимся сердцем, словно пробежал стометровку, приблизился к Нане и ее друзьям. Стараясь выглядеть спокойным и делая вид, что случайно встретил их, Рати окликнул:

— Нана!

— О, здравствуй, Рати! Где ты пропадаешь? Знакомься, ты, кажется, не всех знаешь. Это — Писо, это — Гиули, это — Нодар. А это — Рати, — представила Нана.

Рати улыбался и не мог отвести от нее глаз.

— Да, — вспомнила Нана, — как тебе не стыдно, Рати, почему ты не пришел меня поздравить? Разве не знал, что позавчера был день моего рождения?

— Знал.

— Почему же не пришел?

Рати ничего не смог ответить, растерялся, покраснел.

— Хорошо, пойдем сейчас к нам, — предложила Нана.

— С удовольствием, — согласился Рати.

Они завернули на улицу Ленина. Нана и Рати шли впереди. Снежинки медленно падали на асфальт и тотчас таяли.

— Товарищи, вы собираетесь идти пешком? — спросила Писо.

— Ну что ты? В Надзаладеви, да еще в такую погоду, пешком! — возразили подруги.

— Такси, такси! — крикнула Гиули, указывая на черный «ЗИМ» с зеленым глазком.

Машина остановилась. Все уселись: впереди Нодар, позади девушки и Рати.

— Если бы ты знала, Нана, как я соскучился по тебе! — вдруг признался Рати и сам испугался своих слов.

— Правда? — живо спросила Нана. — И я тоже.

Рати с восхищением глядел на Нану. Едва уловимый аромат каких-то духов напоминал ему запах нагретой солнцем сосны.

Машина приближалась к дому Наны.

— Остановите здесь, а то дальше улица разрыта, проезда нет, — сказала шоферу Нана.

Шофер остановил у тротуара. Рати распахнул дверцу, выбрался из машины, затем помог сойти Нане и остальным девушкам.

Переулок был весь изрыт, в ямах стояли лужи.

— Не пугайся, Рати, — сказала Нана и взяла его под руку. — В нашем переулке строятся три больших дома, и все кругом перерыто.

— Когда я шла к Нане на день рождения, угодила в какую-то яму, полную воды, — вспомнила Писо, — и потом вся мокрая, в грязи, поздравляла «новорожденную».

Они вошли в подъезд маленького двухэтажного дома.

— Скоро и наш дом снесут, да и все другие, и выстроят четыре больших многоэтажных здания. Увидите тогда, какой красивой станет наша улица! — сказала Нана и нажала на кнопку электрического звонка. У Рати сердце словно куда-то провалилось.

Звонок звенел где-то за стеной — так жаркими летними ночами звенят цикады. Послышались легкие шаги, щелкнул замок, и на пороге появилась женщина среднего роста, с седыми волосами и мягкими черными глазами. Это была мать Наны.

Гости разделись в передней и прошли в большую светлую комнату с высоким потолком. В углу у окна стоял рояль красного дерева.

Писо тотчас под села к нему, подняла крышку, взяла несколько аккордов. Нодар тоже подошел к роялю и начал насвистывать мелодию песенки, которую играла Писо. Нана принесла гитару.

— Знаете, как замечательно Рати играет на гитаре? — объявила она и протянула Рати гитару. Он настроил ее и, аккомпанируя себе, тихо запел:

О, если б эти глаза
Затуманила грусть обо мне...

Все подхватили знакомый напев. На Нане было красиво сшитое платье кизилового цвета. Оно оттеняло ее белую матовую кожу, черные, мягкие, как у матери, глаза и очень длинные, тонкие брови. Тоненькая, оживленная, в туфлях на высоких каблучках, она была очень хороша.

Рати не сводил с нее глаз. Ему казалось, что все видят, как он на нее смотрит. Было стыдно, но не смотреть он не мог.

О, хоть бы никогда
Не видел я твоего лица
И этих глаз...

Звучали слова песни, а Рати думал: «Хоть бы и лицо, и глаза твои видеть каждый день. Нет, я должен пригласить ее в кино».

Лексо шел, глубоко засунув руки в карманы короткой ватной телогрейки. Его подбитые подковками ботинки гулко стучали по мокрому тротуару. Белые пушистые снежинки мягко ложились ему на плечи и шапку, падали на землю и, сразу растаяв, стекали в водостоки. Было не очень холодно, но сыро.

С нового пятиэтажного дома снимали леса. Доски, заляпанные известкой, цементом, краской, с грохотом падали вниз. Их поднимали и складывали на грузовые машины.

Несмотря на усталость, Лексо остановился, осмотрел новый дом. Он ему понравился. Пройдя метров сто, Лексо снова остановился. Здесь тоже строился дом. Большой, многоэтажный. За ним тянулись старые маленькие домишки, и, казалось, новые здания глядели на них сверху вниз.

Грузовик с досками обогнал Лексо, но вдруг застрял в канаве, полной мутной воды. Задние колеса грузовика буксовали, мотор ревел, но машина не двигалась с места.

Шофер выпрыгнул из кабины, поглядел на канаву, выругался — колеса основательно увязли в грязи. Потом сгреб камни, обломки кирпичей, валявшиеся тут же, насыпал все это перед колесами, сел в кабину и включил мотор. Колеса снова завертелись, но вязкая земля их цепко держала.

Некоторое время Лексо наблюдал за грузовиком. Потом не выдержал: собрал камни, щебень, свалил их под колеса, и, наконец, сам забрался в кузов.

— Чем тяжелее будет, тем легче выберешься, — сказал он шоферу.

Мотор оглушающе взревел, кузов задрожал, но задние колеса вновь завертелись на месте. В подъезде небольшого двухэтажного дома появился паренек лет четырнадцати. Он с любопытством посмотрел на застрявшую машину, которая никак не могла выбраться из канавы.

— Мальчик, принеси-ка лопату! — крикнул Лексо.

Вскоре мальчик притащил лопату. Лексо стал насыпать ею щебень под задние колеса. Снова взревел мотор. Из-под колес брызнули мелкие камешки, и машина, наконец, сдвинулась с места.

— Есть! — радостно завопил мальчишка.

В это время из подъезда вышел невысокий человек в черном драповом пальто и мягкой шляпе. Заметив его, мальчишка тотчас исчез за углом дома.

А около канавы уже стояло несколько других грузовиков со строительным лесом. Шоферы сходили, заглядывали в канаву и зло ругались.

— Что, так и будете стоять? — обратился Лексо к одному из шоферов.

— Попробуй проехать через этот чертов ров! — озлобленно ответил тот.

— Засыпьте канаву, — посоветовал Лексо. — Вот и соседи, наверное, помогут. — И он оглядел людей, привлеченных шумом.

— Завтра придут рабочие и засыпят. Хватит и того, что мы утопаем в грязи, — раздраженно сказал человек в черном пальто.

— Все это очень хорошо, но не будут же здесь до утра стоять машины, — возразил один из шоферов.

— Нам и так от ваших машин жизни нет. От грохота стекла звенят; ни сна, ни отдыха не имеем. И мы же еще должны вам помогать! — возмущался гражданин в черном пальто.

— Как можно так говорить? Такие огромные дома возвели, а вы на шум жалуетесь. Помогите, ведь и вам лучше будет, — вмешался Лексо.

— Вы тоже шофер? — осведомился у него человек в черном пальто.

— Нет, я просто прохожий, — ответил Лексо.

— Ну так и проходите себе на здоровье! Чего не в свое дело нос суετε? Кто вас спрашивает, поможем мы или нет!

— Как это не в мое дело? — весь потемнел Лексо.

— Канаву засыпят те, кто должен этим заниматься, — твердил свое человек в черном пальто.

— Ждать нельзя. Что с вами случится, если возьмете в руки лопату?

— Слушайте, товарищ, отстаньте от меня, не то... — вскипел человек в черном пальто.

Лексо удивленно оглядел его. «Это чучело еще угрожает мне?» — подумал он и усмехнулся.

Шоферы и любопытные окружили споривших и ждали, что произойдет дальше.

— Ты мне не угрожай. А я вот кину твою шляпу в эту грязь и вываляю в ней, если не утихомиришься. Видать, ты большой патриот своей улицы, — с усмешкой бросил Лексо. Потом нагнулся и поднял с земли лопату. Гражданин в черном пальто, видимо, решил, что Лексо собирается огреть его этой лопатой, и отскочил в сторону, но поскользнулся и упал. Все вокруг захохотали. Лексо тоже засмеялся и, ни слова не говоря, направился к груде щебня.

Откуда-то принесли несколько лопат. За Лексо потянулись и другие. Работа закипела.

Человек в черном пальто, весь в грязи, как котлета в сухарях, ворчал, ругал всех и особенно «этого выскочку».

Из дома вышли Нана и ее гости. Вдруг Нана вскрикнула и бросилась к упавшему:

— Папа, что с тобой случилось?
— Вот он, этот медведь...— задыхаясь от гнева, бормотал Георгий — так звали отца Наны.

Рати посмотрел туда, куда указывал Георгий, и замер.

В мокром ватнике, стоя по щиколотку в липкой грязи, Лексо ловко орудовал лопатой. Услышав слова Георгия, он выпрямился и бросил ему:

— Лучше иди сюда, подсоби соседям. Не то я тебе такого «медведя» покажу...

Рати предпочел бы, чтоб земля разверзлась и поглотила его. «Интересно, как поступил бы Звиад в таком положении», — подумал он, и вдруг, подбежав к отцу, остановился перед ним.

— Ты откуда здесь взялся? — удивился Лексо.

Георгий поднялся на тротуар и оттуда пригрозил Лексо:

— Ну смотри, я отплачу тебе за это!

Лексо рванулся к Георгию, но Рати удержал его.

— Рати, кто этот «медведь»? — спросила его взволнованная Нана.

— Мой отец.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Нана — изумленно и испуганно, Рати — твердо, решительно. Потом Нана опустила голову, повернулась и пошла к дому.

Снег уже не падал, но небо было свинцовое. Рати и Лексо молчали по улице. Лексо — грязный, возбужденный, Рати — едва волоча ноги, хмурый, крепко сжав зубы — даже ножом их не разжать.

— Откуда ты взялся? — нарушил молчание Лексо.

— Был у товарища. Этот человек его отец.

— Кто он, чем занимается?

— Инженер-строитель.

Больше они ни о чем не говорили.

«Кто этот «медведь»? — вспомнил Рати слова Наны. Потом — отца в ватнике, потного, с лопатой в руках...

И нужно же было Лексо проходить именно по этой улице, мимо этого дома. Все произошло в тот момент, когда он уже собирался пригласить Нану в кино!

Они приближались к дому. Лексо оглядел себя и попросил Рати:

— Ничего не говори матери, скажем, что ты у меня на стройке был.

Рати не мог не улыбнуться, несмотря на подавленное настроение. Они вошли в дом. Лексо снял насквозь промокшую шапку, потом телогрейку, отряхнул их. На пол полетели капли воды.

— Аснат, согрей-ка мне воду, умыться надо,— обратился он к жене.

— Боже мой, где это ты так вымазался? — ужаснулась Аснат.

— На стройке. Где же еще? — смущенно ответил Лексо.

Аснат пошла греть воду. Подмигнув Рати и виновато улыбнувшись, Лексо вышел в соседнюю комнату.

Умывшись и переодевшись, он вошел в столовую. Стол уже был накрыт.

На душе у Лексо стало легко, спокойно, радостно. Сегодня он провел хороший день, сделал хорошее дело. И потрудился на славу, и одержал победу в стычке с этим коротышкой. Ему даже захотелось похвастаться, и тихо, чтобы не слышала Аснат, он обратился к Рати:

— Что, показал я ему, как надо работать?! Здорово он в грязь угодил!

Рати молчал. Каждое слово отца было ему, как нож в сердце. Снова и снова вспоминал он ту сцену, удивленные глаза Наны. Рати побрел в другую комнату и стал смотреть в окно.

«Когда теперь я встречу Нану? Да и как мы встретимся? Что подумали ее товарищи о моем отце? Может, даже смеются над ним?» — мучительно думал он.

Холодные февральские сумерки льнули к стеклам...

«Рано поднявшегося зайца ни одна гончая не догонит», — любил говорить отец Лексо, старый Ваню Менабде. Никто не вставал раньше него. Чуть свет он был уже на ногах и так же рано подымал своих детей. С детства привыкнув рано вставать, Лексо и в воскресенье не спал дольше обычного.

В это утро еще до рассвета Лексо вышел на балкон, потом спустился во двор, обошел большой четырехэтажный дом, с длинными балконами, осмотрел, все ли в порядке. Так же делал, бывало, и его отец.

Заглянул в сад. Вот уже тридцать лет живет здесь Лексо. Тогда, тридцать лет назад, Ваке было окраиной города. На большом, даже слишком большом дворе не росло ни одного кустика, и только две акации одиноко тянулись вверх.

Однажды в воскресенье Лексо с утра отправился на базар и к вечеру вернулся с несколькими саженцами лозы. Посадил их в середине двора и каждый день после работы возился с ними. Лозы прекрасно привились, расцвели, обвивая балконы своими гибкими зелеными ветвями. Теперь они уже дотянулись до третьего этажа. Разрослись и другие питомцы Лексо: вишневые, персиковые, абрикосовые деревья, тута, хурма, ткемали. Пышные кроны лип поднялись почти до самой крыши.

Осмотрев сад, Лексо поднялся к себе на третий этаж, вошел в столовую, где спали Джурха и Рати. Кашлянул. Но сыновья продолжали крепко спать.

— А ну, птенцы, время вставать. — Лексо потряс за плечо Рати, потом Джурху.

— Как я хорошо спал! — Джурха протер глаза.

— Почему разбуди-ил! — сонным голосом протянул Рати.

— Скорей, скорей, пошли на балкон! — торопил детей Лексо. По обыкновению, они должны были вместе начать зарядку.

В спортсменках и трусах братья выбежали на балкон.

Лексо тоже снял сорочку и вслед за сыновьями вышел на балкон. Его охватило утренней свежестью: хотя на деревьях уже набухли почки, по утрам и вечерам было довольно прохладно.

Лексо с гордостью наблюдал за энергичными движениями Рати и Джурхи, полных сил и здоровья.

Наконец они кончили зарядку, бросились друг на друга и в шутку стали бороться.

— Рати, иди сюда, — позвал Лексо.

Он стоял у крана с ведром в руках. Рати подошел, наклонился над раковиной. Лексо окатил его водой, растер полотенцем. Той же процедуре подвергся и Джурха.

Асмак к тому времени приготовила завтрак.

Потом все трое ушли — Рати в институт, Лексо и Джурха на стройку. Лексо вышел раньше других — он любил ходить пешком.

Рати пришел домой не в духе. Снял пальто, бросил его на стул. Потом распахнул окно и начал глядеть на улицу.

Стояли теплые солнечные дни, воздух был напоен каким-то особым волнующим ароматом распускающейся листвы, звонко щебетали птицы. От желания видеть Нану, слышать ее голос Рати не мог найти себе места. Уже две недели прошло с тех пор, как произошла эта история перед домом Наны. Сначала он боялся ее встретить, потом выходил гулять в надежде где-нибудь хоть издали увидеть ее. Раза два даже прошелся перед ее домом. Часто топтался около института, в котором она училась. Несколько раз обознался на улице — принимал за Нану каких-то девушек.

Однажды, тщетно надеясь встретить

Нану, он бродил по улице и увидел Звиада с женой.

— Ты сегодня не работаешь? — удивился Рати.

— Спроси мою госпожу, — улыбнулся Звиад, — я должен был работать целый день, но Медея решила сегодня во что бы то ни стало проведать всех вас.

Медея вся просияла.

Это была высокая, стройная женщина с приятным смуглым лицом. Когда она смеялась, чуть раскосые темные глаза ее превращались в щелочки, а на щеках появлялись ямочки. Она всегда — веселая, жизнерадостная, приветливая.

Когда они подошли к дому и поднялись наверх, Медея спросила:

— Рати, в маминой комнате никого нет?

— Нет. А что?

— Пусть Звиад расположится там, поработает.

Рати и Звиад прошли в спальню. Рати освободил столик у окна, подложил под одну ножку бумагу — чтобы не качался. Звиад вытащил из портфеля книги, стопку бумаги, авторучку.

— Ну, Рати, теперь изволь забавлять свою любимую невестку, — шутливо обратился он к брату.

Рати засмеялся и вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Медея жаловалась деверю:

— Знаешь, он так много работает и совсем не отдыхает. Сегодня я решила — хватит, надо его вытащить. Немного погуляли по улицам, потом зашли к моим родным, а теперь — к вам.

— Ничего, Медико, потом возьмет отпуск и отдохнет, — успокоил ее Рати.

— А что нового у тебя, Рати? — спросила Медея.

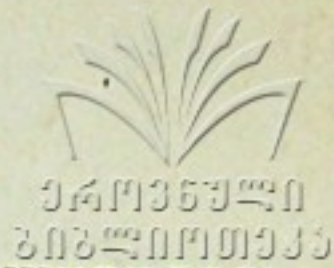
— Ничего.

В это время Медея увидела на тумбочке красную атласную коробку. Подошла, взяла ее в руки.

— Что это, духи?

Рати покраснел. Но Медея ничего не заметила.

— Кто купил?

— Я, — Рати смотрел в сторону.

— Для кого? Для меня?

Рати молчал.

— Какой ты хороший, Рати, я очень люблю эти духи, — оживилась Медея, и на ее щеках появились ямочки.

«Что она, нарочно или правда ничего не понимает!» — в отчаянии подумал Рати, а ей ответил:

— Эти духи не для тебя...

Ямочки на щеках исчезли. Медея была удивлена и смущена, но не растерялась:

— А, понимаю. Ну скажи хоть, кто она? — и ее глаза снова сощурились в лукавой улыбке.

Рати молчал, опустив голову. Наконец Медея поняла, что об этом не надо говорить.

В это время пришла из кухни Аснат, и женщины оживленно начали обсуждать какие-то хозяйственные дела.

К шести часам вернулись с работы Джурха и Лексо. Оба обрадовались невестке.

Вскоре всей семьей сели за стол, и только Звиад продолжал работать — его решили не тревожить.

Окна были открыты, и в комнате стало прохладно. Аснат растопила печку.

— Не надо, мама, весна на дворе, — запротестовали было сыновья. Но когда огонь разгорелся и печка загудела, всем стало как-то особенно хорошо, тепло, уютно. Света не зажигали и только всполохи огня красноватым отблеском озаряли комнату.

— Почему не привела внука, Медико? — нарушила молчание Аснат.

— Он такой шалун стал, только помешал бы Звиаду работать. Я его оставила у наших. Завтра приведу.

— Приходи, приходи, дочка, а то я уже соскучился по нашему Гаге, — отозвался свекор.

Наконец вышел Звиад. Улыбнулся отцу, потом ласково потрепал по плечу Джурху, углубившегося в чтение.

— Как дела у Джурхи, отец? Выйдет из него каменщик? — обратился Звиад к Лексо.

Джурха насторожился.

— Все зависит от него самого, — уклончиво ответил Лексо.

— Эх, Джурха, Джурха! Звиад — доцент, Рати скоро инженером станет, а ты у меня неучем останешься! — не выдержала Аснат.

— Неучем! Как это неучем? А быть хорошим каменщиком — это, по-твоему, ничего не значит? Каждый хороший специалист — ценный человек. Вот как, моя дорогая! — распалился Лексо.

Аснат ничего не ответила, только губы поджала. Она стояла за стулом младшего сына и нежно обнимала его за плечи.

Звиад подошел к печке, потирая руки, сказал:

— Приятно в такое время погреться у огня...

— Вот, вот... Я такой камин сложу в нашем новом доме, что всем завидно будет! — оживился Лексо.

— Ну, опять о своем доме начал! — с досадой произнесла Аснат.

— И чего ты упрямишься, не пойму! Неужели в этой тесной квартире тебе лучше?

— Да, мне здесь лучше.

— Это тебе. А о мальчиках не думаешь? Они жениться должны,

дети пойдут. Ну что за жизнь в двух комнатухах?

— Не могу я жить в глуши. Где-то у черта на куличках хочет поселиться и думает, что там рай. Да и как это я буду в отдельном доме жить, без соседей; не с кем даже слово сказать... — ворчала Асма.

Это был старый спор. Лексо выделили строительный участок в конце Сабуртало. Он уже давно собирался его застраивать. Приобрел лес, разные стройматериалы, даже фундамент уже заложил и надеялся к концу года переселиться в новый дом. Сыновья ему помогали, хотя тоже не хотели жить на окраине.

Зато Лексо был в восторге от отведенного ему участка и часто ездил туда. Тбилиси с каждым годом разрастался, прежние окраины становились новыми благоустроенными районами.

Дом, выстроенный собственными руками, был мечтой Лексо, и несогласие жены его очень огорчало.

— Не слушайте маму, мальчики, — раздраженно обратился он к сыновьям. — Говорю вам, не слушайте ее. Ей нравится только то, что всем нравится. Когда мы сюда переходили, она тоже противилась. Ваке, мол, далеко... А теперь плачет, теперь Ваке центром города стало, вот она его и полюбила.

Джурха молчал, хотя был на стороне отца.

— Эх-хе-хе, вот до чего я дожил! — сетовал Лексо. — Бедный мой отец жил в ветхой хибарке в Грма-Геле. И я там вырос. А вам дворец строю — нос воротите!

Все засмеялись.

5

Лексо вышел из дому в превосходном настроении. Особых причин для этого как будто не было; просто радовался ясному апрельскому утру. Нежно зеленела молодая листва. Солнце уже давно поднялось, и его яркие лучи играли в зеркальных витринах магазинов. Воздух был свежий, чистый, прозрачный.

В каждый район города утро приходит по-разному.

В старинном Сололаки, например, раздаются разноголосые крики: «Мацони!», «Малако!», «Квавилебис мица!»; в бельэтажах и первых этажах хозяйки распахивают окна, торгуются, покупают. По улицам спешат на работу служащие. И почти весь людской поток стекается к

площади Ленина — к конечной остановке троллейбусов и автобусов.

Ваке — студенческий район. Переполненные троллейбусы, трамваи, автобусы, легковые машины мчатся по широкой и прямой улице Меликишвили, по проспекту Ильи Чавчавадзе. Тротуары полны народом. У всех в руках книги, свернутые трубочкой тетради, портфели. Идут группами, парами, в одиночку. Навстречу им шагает Лексо. «Да, сильно вырос наш Тбилиси, нужно, нужно тбилисцам метро строить», — думает он, хотя сам всегда предпочитает ходить пешком. Пока так. А когда не хватит сил — тогда посмотрим.

Миновав университет, он спускается по новой широкой улице Варзисхеви на площадь Героев. Вот и Сабуртало! Лексо любит этот новый

район. Здесь просторные улицы, светлые, высокие дома. А сколько среди них выстроено его, Лексо, руками! Он любит ходить здесь один, чтобы никто не мешал ему оставаться наедине со своими мыслями.

Раньше здесь буйствовал ветер. Желтые холмы, овраги, глубокие рытвины, бесплодная, лишенная растительности почва напоминала дно высохшего моря. И ни души среди причудливых выступов, столбообразных холмов. А дальше — маленькие, кривые, косые домишки, клочки земли, огороженные то деревянным забором, то плетнем, то какими-то железными прутьями. Раньше... Да это было не так уж давно. Таким помнит Сабуртало, пожалуй, даже Джурха. А Рати и Звиад — и по-давно. После войны здесь выделяли участки под индивидуальные огороды и сады. И Лексо имел здесь огород. Сейчас огородов нет и в помине. Кругом — фундаменты многоэтажных домов. Он помнит, как однажды туда, где начиналось Делисское поле, пришли рабочие, приехали огромные грузовики, экскаваторы, бульдозеры, грейдеры, скреперы, землеры. Все это заработало, задвигалось, загрохотало. Засуетились люди. Появились строительные леса. Выросли стены новых домов. Асфальт покрыл изрытую, неровную поверхность Делисского поля — появились улицы. Вечерами загорались электрические лампочки. И возник новый район — первый квартал Делиси, состоящий из тридцати многоэтажных домов.

Лексо подошел к стройке, на которой работал. Здесь стоял обычный грохот, шум. Сновали рабочие, медленно подъезжали грузовики, сгружали цемент, известь, кирпичи, блоки, леса, кровельное железо, междуэтажные перекрытия...

Лексо засучил рукава, одел фартук, взял мастерок. Ему помогали Джурха и еще трое парней. Лексо был первоклассным каменщиком, неутомимым в работе. Если другим вполне хватало двух-трех помощников, Лексо нужны были четверо, да и те так уставали, что к концу смены едва поспевали за ним.

Руки Лексо — сильные, с широкими запястьями и мощными бицепсами — двигались с непостижимой быстротой и точностью. В день он укладывал до четырех тысяч кирпичей, возводил стены в десять кубических метров!

От одного угла стены к другому по горизонтали протянут специальный шпагат, чтобы кирпичи укладывались ровно. Кирпич за кирпичом, кирпич за кирпичом...

Припекает горячее апрельское солнце. Жарко. Каменщики начинают сдавать. Тогда, натянув до бровей кепку, Лексо берет своей громадной рукой кирпич, почти прикрывает его ладонью.

— Угадайте, что в моей руке? — спрашивает он.

Рабочие смеются...

Потом снова слышатся отрывистые, как команда, возгласы Лексо:

— Раствор!

— Кирпич!

И в ответ:

— Есть! Есть!

Подъемный кран протягивает свой хобот к рабочим на кирпичной стене.

— Живей, живей! — покрикивает Лексо.

Джурха старается вовсю. Он хочет заслужить одобрение отца, услышать его похвалу, сделать все так, как нужно, лучше всех. Сейчас он поливает кладку раствором. Сравнительно с прежней его работой

эта более сложная. И делает он ее хорошо. Не подправляя ничего, Лексо кладет на раствор кирпич. Но Джурха сгорает от желания приступить к кладке. Он внимательно наблюдает за отцовскими руками. Кажется, очень легко — клади себе кирпич к кирпичу, вот и вся премудрость. Но нужен глазомер, точность движений...

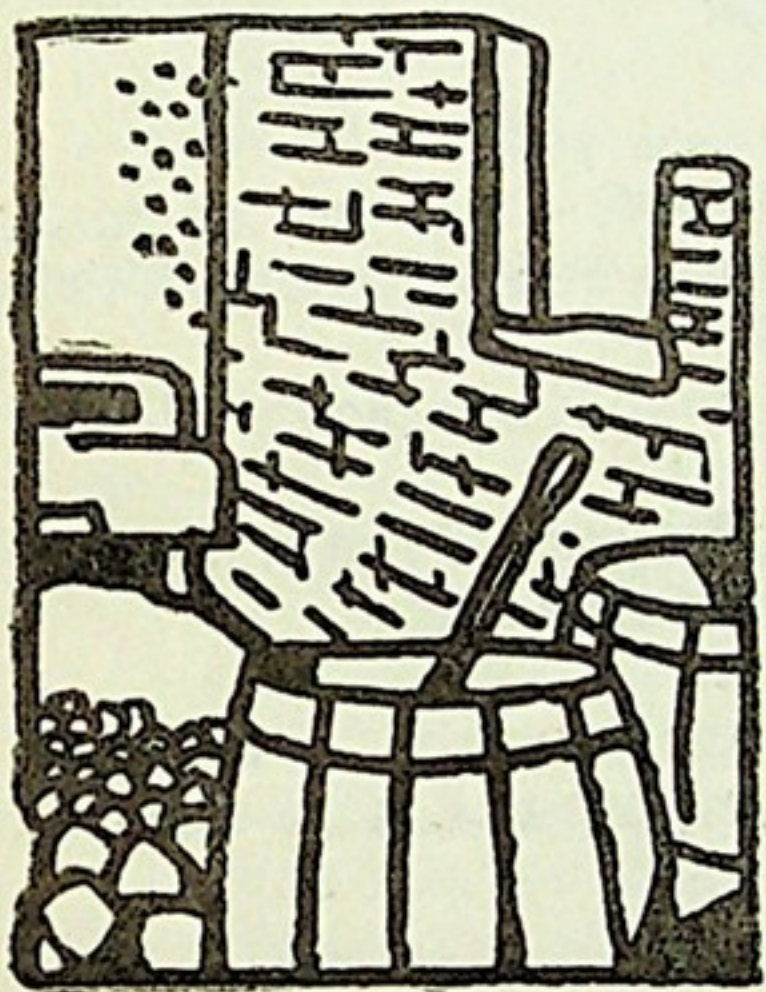
Как только Лексо чуть-чуть освобождается, он учит сына кладке.

— Шпагат-то ровно натянут? Поправь раствор. Вот-вот, слева подравнивай! Не спеши, внимательно!

И Джурха не спешит, аккуратно исполняет все, что требует отец. Скоро он должен стать каменщиком. Он верит отцу. Отец очень опытный, известный мастер. Где только он не работал, сколько вырастил хороших каменщиков. Некоторые из них работают здесь же, бок о бок с ним. И все уважают Лексо, ценят его, любят за его прямой характер, за то, что он верный товарищ, хороший человек и прекрасный знаток своего дела...

Вот и закончился рабочий день. За этот день стены нового дома выросли — еще выше поднялись к небу.

6

Настал торжественный для Джурхи день — отец во всеуслышание назвал его мастером-каменщиком. Теперь Джурха может самостоятельно строить дома. Наконец-то! Как долго ждал он этого дня!

Крупным шагом шел Джурха по тенистой улице, приветливо улыбаясь людям, деревьям, домам. В мечтах он уже видел себя строителем. Он торопился обрадовать Асमत и Рати, поделиться с ними своим счастьем!

— Молодец, сынок, — вся просветлев, сказала Асमत. — А сейчас приляг на часок, отдохни — завтра всей семьей едем строить папин дом.

— Заладила: «папин дом», словно только мне в нем жить! — с обидой в голосе проворчал Лексо.

— Мне и здесь хорошо, — упрямо ответила Асमत.

Лексо махнул рукой:

— Разве женщину переспоришь.

Джурха прилег и уткнулся в книгу. Асमत занялась хозяйством.

В этот вечер все легли спать рано.

Ночью поднялся ветер, пригнал тучи. Словно кто-то опрокинул переполненное ведро — хлынул проливной дождь. Тяжелые капли звонко падали на асфальт. По желобам крыш с шумом бежала вода. Но вскоре дождь прекратился так же неожиданно, как и полил.

Рано утром к дому Менабде подкатила новенькая «Победа».

— А ну, Гага, буди дедушку, — открыв дверцу машины, сказал сынишке Звиад.

Гага стремглав бросился по лестнице и еще с порога закричал:

— Дедушка, бабуля, хватит спать, мы уже приехали!

— Иди ко мне, внучек, — радостно встретил его Лексо и, схватив Гагу под мышки, подбросил вверх.

Гага обычно с восторгом встречал шутки деда, часами увлеченно

играл с ним. Но сегодня ему было не до шалостей. Он был поглощен предстоящей поездкой. Поэтому, обвив шею деда пухлыми ручонками, он умоляюще шепнул:

— Дедушка, скорее поедem! Папа ждет в машине. И мама с ним. Мы будем строить дом. И я буду строить...

И он, выскользнув из объятий деда, помчался в другую комнату.

— Ах ты пострел, — крикнул ему вдогонку Лексо.

По-взрослому протянув руку Рати и Джурхе, Гага поздоровался:

— Привет!

— Здравствуй, как поживаешь? — в тон ему ответил Рати.

— Хорошо! А ты как? — серьезно осведомился племянник.

— Нет, вы только поглядите на эту обезьянку, — умилилась бабушка.

В комнату вошла Медея. Заметив, что на столике по-прежнему лежит красная коробка, она вопросительно посмотрела на Рати. Тот смущенно отвернулся к окну.

— Поехали, и так опоздали, — сказал Лексо.

— Пошли, пошли, — обрадовался Рати и первым вышел из дому.

Асमत заперла двери. Джурха взял из ее рук авоську с провизией, Медея подхватила Рати под руку и заговорщицки спросила:

— Так и не скажешь, для кого купил духи?

Рати молчал.

— Скрываешь? — Медея притворилась обиженной.

Рати не хотелось рассказывать о Нане. Почему? Он и сам не знал.

— Медико! — вдруг выпалил он. — Если когда-нибудь подарю тебе эту коробку, знай — дела мои плохи...

Как будто не расслышав этих слов, Медея обратилась к Лексо:

— Садитесь вперед.

На заднем сидении уселись Асमत, Медея, Джурха и Рати. Вчетвером они еле умещались, и Медея в шутку упрекнула Асमत:

— Ну и здоровенных сыновей вы вырастили!

— Папа, папа, ведь я умею править. Скажи Джурхе, а то он не верит, — умоляюще обратился к Звиаду Гага, устроившийся на коленях у деда.

— Конечно, умеешь, — подтвердил Звиад.

Машина покатила...

После дождя город словно умылся. Крыши домов, асфальт блестяли. На листьях еще висели капли.

Наконец показались домики индивидуальных застройщиков.

Первым вышел из машины Лексо. Спокойной, уверенной походкой подошел к калитке. По-хозяйски оглядел маленький двор. В одном углу были аккуратно сложены кирпичи, в другом лежали известь и песок. Под навесом стоял стол со столярными инструментами.

Лексо решил строить двухэтажный дом из пяти комнат. Стены первого этажа уже были возведены.

— В этом доме все должно быть сделано нашими руками, — решительно заявил Лексо.

— Начальником и инженером назначим Рати, — предложила Асमत.

— Обойдемся и без начальников, — оборвал ее Лексо. — Главный тот, кто лучше работает.

— Или, кто больше всех кричит? — вставил Рати.

— Кто умеет — работает, кто не умеет — кричит, — уточнил Лексо.

Сняв рубашку, он подвязал передник. Джурха и Рати последовали его примеру. Звиад снял даже туфли.

— Звиад, ты готовь раствор и носи кирпичи. Джурха, ты наливай раствор и выравнивай. Ты, Рати, подавай мне материал, — поделил обязанности Лексо.

— Я буду наливать раствор, — попросил Рати.

— Нет, Джурха лучше справится с этим, — возразил отец.

Неподалеку от стены была приготовлена яма для размешивания раствора. Здесь же валялось огромное сито. Известь окружали бугорки песка. Звиад принес в ведрах воду и облил ею известь. Она задымилась, зашипела. Звиад невольно отступил на шаг. Терпкий запах щеко-тал ноздри. Аснат и Медея тоже принялись за дело. Они бросали в тачку кирпичи. Правда, свекровь долго отговаривала невестку, ссылаясь на то, что пианистке нельзя портить руки такой грубой работой. Но Медея настояла на своем.

Звиад с силой упирался руками в тачку, катил ее по доске, специально проложенной к стене, и опрокидывал вблизи Лексо.

Отец, словно жонглер, подхватывал кирпичи, прилаживал их к стене. Рати еле успевал подавать ему материал. Джурха густо наливал раствор. Звиад удивлялся, куда деваются привезенные им кирпичи, как это они так быстро исчезают под руками Лексо. Пот ручьями бежал по лицу Звиада, струйками стекал по спине. Красные от кирпичной пыли полосы бороздили лоб, щеки, шею.

— Теперь я понимаю, какое удовольствие работать твоим помощником, отец, — не вытерпел наконец Рати.

— Об этом спроси у Джурхи, — хитро улыбнулся Лексо.

Гага путался в ногах то у отца, то у бабушки и, наконец, добрался до дедушки.

— Что это ты без дела слоняешься? — спросил у него Лексо.

— Мне не дают работу, — пожаловался внук.

— Как это не дают? А ты не унывай, давай, тащи кирпичи!

— Много?

— Сколько сможешь, — улыбнулся Лексо.

Гага тут же сбежал во двор, сложил три кирпича, прижал их к груди и деловито понес наверх. Белая рубашка мгновенно окрасилась в оранжевый цвет.

— На что это похоже, Гага, сейчас же сними рубашку, — сказала Медея.

— Где твои глаза, Лексо, ребенок испачкал рубашку, а тебе хоть бы что, — рассердилась Аснат.

— А вы снимите с него рубашку, тогда не испачкает. Нарядили, будто в театр берут, — прогудел Лексо.

Он был в хорошем настроении. Радостно было старому мастеру смотреть, как дружно работает вся семья.

— Еще принести? — дернул его за рукав Гага.

— Конечно. Только по два кирпича носи, по два.

Гага укладывал на руку кирпичи и важно подымался к Лексо, каждый раз сообщая:

— Вот, деда, принес!

— Молодчина, ты настоящий строитель. Еще неси, — говорил Лексо.

Гага так старался, что весь раскраснелся.

— На кого ты похож, — перепугалась Аснат. — Брось кирпичи, иди, присядь в тени, поиграй себе. А ты, старик, куда смотришь?! Неужели не обойдешься без его двух кирпичей?!

— Оставь в покое ребенка, — ответил сверху Лексо. — Дело не в кирпичах. Пусть привыкает. А что прикажешь ему здесь делать? Иди, Гага, иди, носи кирпичи.

— Не хочу сидеть в тени, хочу кирпичи носить, — вырвался из рук бабушки Гага.

Стоял полдень. Невыносимо палило солнце. День казался ужасно длинным. Первым сдался Рати:

— Хватит с меня, пора и закусить.

— Что ж, поработали неплохо, можно и передохнуть, — поддержал его Лексо и пошел умываться. За ним последовали Звиад и Рати. Только Джурха стоял и смотрел на возведенную ими стену. По лицу его медленно расплывалась улыбка. Это была улыбка утомленного человека, который достиг вершины горы и теперь гордо оглядывается на пройденный путь.

Под тенистым деревом Аснат и Медея разложили закуску. Все с аппетитом принялись за еду.

После недолгого отдыха Лексо заявил:

— Ну, хватит нежиться...

Рати вновь направился к яме. Звиад подтолкнул тачку. Джурха влез на стену...

7

Вечерело. Лексо снял фартук, обтер им руки. Рабочий день кончился.

— И нонешний день перекатили, — сказал один из помощников каменщика.

— Не мешало бы подумать, как перетащить завтрашний, — ответил ему второй, — таков удел человека.

Лексо улыбнулся. Его юные помощники каждый раз заканчивали работу этими словами лежебоки Луарсаба и тучной Дареджан¹.

— Лексо, а Лексо, — окликнул мастера бригадир. — Слышал, нашего прораба перевели.

— Правда? А кто новый?

— Пока не знаю. Наверно, скоро заявится.

— Что ж, нам не привыкать. Разных начальников видали на своем веку, — сказал Лексо.

Вскоре он увидел приближающуюся группу людей. Впереди шел человек невысокого роста в шляпе.

— Где-то я его видел, — старался вспомнить Лексо.

Когда они подошли ближе, каменщик вдруг ударил себя по лбу:

— Да ведь это тот самый коротышка...

Бригадир указал рукой на Лексо и сказал:

— Познакомьтесь, наш лучший мастер Лексо Менабде.

— Менабде... Лексо Менабде... Мы, кажется, уже встречались? — спросил новый прораб.

¹ Персонажи из романа И. Чавчавадзе «Человек ли он?»

— Да, встречались, — проворчал Лексо.

— Так вы, оказывается, каменщик... Знаменитый мастер... Любопытно... — Новый прораб пристально посмотрел на Лексо и добавил скороговоркой: — Вы мастер совать нос в чужие дела. Впрочем... — и, махнув рукой, он направился дальше.

— Что случилось, отец, почему вы так странно разговаривали? — спросил Джурха.

Лексо усмехнулся.

— Ты что-то скрываешь, старик, — обратился к нему один из каменщиков.

— Вас интересует, откуда я его знаю?

И Лексо со всеми подробностями рассказал давнюю историю. Товарищи смеялись, одобряя Лексо.

— Здорово ты его отделал тогда!

— Молодчина, Лексо! Клянусь, ты просто молодец. Проучил чистюлю, так ему и надо.

— Что и говорить, ты поступил правильно, — вставил один из каменщиков. — Но он тебе не простит, постарается отомстить.

— Да, незавидное положение у тебя, Лексо. Теперь пойдут всякие придирки, — добавил второй.

— Я поступил так, как считал нужным. Повторись этот случай, я и сейчас сделал бы то же самое. А что до придирок начальника, так я их не боюсь. Работаю не за страх, а за совесть. Что с меня взять? На худой конец уйду на другую стройку. В Тбилиси, слава богу, их хоть отбавляй. Меня везде возьмут.

— Не говори глупостей, Лексо. Как это ты уйдешь? А мы тебя отпустим? — вмешался бригадир.

Дома Лексо сказал Рати:

— Помнишь того коротышку, что скандалил со мной на улице?

— Конечно, помню. А что?

— Его назначили к нам производителем работ.

— Не может быть! И давно?

— Сегодня, — вмешался в разговор Джурха. — Посмотрел бы ты на выражение его лица, когда он узнал папу.

— Не сдобровать тебе, отец. Разве простит он тебе свой позор, — забеспокоился Рати.

8

Лексо не мог прийти в себя от удивления. Сегодня он не узнавал своих сыновей.

— Неужели вы не понимаете всего происходящего? Вы говорите — так и должно было быть?! Уму непостижимо! Ей-богу, ничего не понимаю! Атомная энергия, ракеты, спутники, скоро на Луну полетим... И все это за какие-то десять—пятнадцать лет. А вы—«нечему удивляться!» Да такого и в сказке не придумаешь! — кипятился Лексо.

— Ничего сказочного не вижу, — сказал Рати, — я вовсе не удивляюсь, что человек открыл секрет атома, запустил искусственный спутник. Говоря по совести, я бы удивился, если бы человек не сделал всего этого.

— Одно из двух: или вы сумасшедшие, или я рехнулся. — Лексо швырнул потухшую папиросу в переполненную окурками пепельницу. — Поймите, там, где я совсем недавно сеял кукурузу, сейчас выросли многоэтажные дома. Вы говорите: «Что из этого?», «Иначе не могло быть». Бедный мой отец прожил на свете так, что ни разу не выезжал за пределы Грузии. Мы же утром садимся на самолет и через несколько часов уже в Москве... А вы твердите: «Ну и что?!»

— Гордиться надо, папа, а не удивляться, — прервал его Звиад. — Мы тоже гордимся, но не удивляемся. Человек еще не такое изобретет.

— Я и горжусь, и удивляюсь. Вы, молодежь, все какие-то странные. Может, от того, что живете в счастливое время. Я же много горя видал на своем веку, не раз меня хлестала жизнь. Эх, не понять вам меня... — Лексо закурил новую папиросу, глубоко затянулся. Потом недоуменно пожал плечами и обратился к Джурхе:

— А ты что скажешь?

— Право не знаю... Хорошо жить на свете!

Лексо сокрушенно посмотрел на сыновей и вышел во двор. Он курил одну папиросу за другой. Вдруг ему до боли стало жаль своей безрадостной молодости, хотя жизнь прожил Лексо не без пользы. В юности он вместе с отцом строил Тбилиси. И после смерти отца продолжал строить. Назовите хотя бы один район в городе, где бы не стоял выложенный его руками дом. Лексо уважают, любят, ценят, но... стать бы сейчас молодым и начать все сначала. Он лучше распорядился бы теперь временем, жизнью. Как жаль, что стареешь и должен покинуть этот мир. Вот если бы люди рождались с разумом человека, прожившего большую жизнь. Тогда они с большей пользой использовали бы свое время.

В эту ночь Лексо долго не мог уснуть и все ворочался в постели. Встав на рассвете, он решил побродить по городу. Прошел улицу Меликишвили, потом Ленина, свернул вниз по спуску Элбакидзе и вышел на площадь Марджанишвили. Фасад пятиэтажного здания окрашивали пульверизаторами. И этот дом тоже строил Лексо. В тот год родился его младший сын Рати. Поэтому в семье это здание называли «домом Рати».

Все здания похожи друг на друга — кирпичи, камень, известь... Но если своими руками клал эти кирпичи, дом становится словно родным.

Лексо снова поднялся по улице Элбакидзе на проспект Руставели и пошел по левой стороне. Вот и гостиница «Тбилиси». Лексо вспомнил войну. В те годы он был сапером, прошел много городов и стран. Но особенно запомнился ему Будапешт. Город был разрушен, везде валялись обломки кирпичей, доски... Уцелевший фасад одного из домов напомнил Лексо гостиницу «Тбилиси». Он поднял с мостовой обуглившийся кирпич, и тот рассыпался у него в руке. У каменщика сжалось сердце. Ведь сколько труда было вложено в это здание... И все рухнуло за несколько минут. Точно так же могли разрушить и построенные им, Лексо, дома. Нет, этого нельзя допустить!

Лексо круто повернул обратно и быстро зашагал к себе на стройку.

Напрасно каждый вечер Рати гулял по Руставели. Сегодня он узнал, что Нана отдыхает в Гагра. А он так надеялся встретить ее. Город словно опустел. Тихий августовский вечер сразу утратил свою прелесть. Рати не понимал, чему так весело смеются люди. Его раздумье прервал возглас Звиада:

— Эй, Рати, ты о чем так задумался?

Звиад обнял брата за плечи.

— Пошли к нам. Медея уже сердится: забыл, говорит, нас Рати.

— Нет, Звиад, я лучше погуляю.

— Идем, идем, — Звиад взял его под руку и силой увлек за собой.

— Рати, где ты пропадаешь? — упрекнула его Медея.

— А где Гага? — спросил Рати.

— К маме отвела. Мы же решили сегодня поехать на фуникулер.

— Кстати, Медико, где моя белая сорочка? — засуетился Звиад.

— Она не поглажена, — ответила Медея.

— Эх, — с досадой махнул рукой Звиад.

— Не могу уяснить себе одного странного явления, — ехидно заметил Рати, — почему так происходит: за девушкой бегают с букетом цветов, а стоит ей стать женой, как придираются из-за невыглаженной сорочки...

Звиад смущенно улыбнулся. Медико воскликнула:

— Рати, из тебя получится идеальный муж!

— Не все так думают, Медико, — грустно заметил Рати.

— Случилось что-нибудь? — участливо спросила Медея.

— Ничего особенного. Да, заведи те духи, — ответил Рати.

— Значит...

— Да...

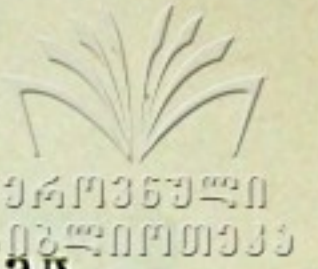
— Что вы там шепчетесь? — крикнул из соседней комнаты Звиад. — Пора идти.

Когда они вышли из дому, уже темнело.

Вагончик воздушной канатной дороги упрямо полз вверх. Наконец он остановился. Они вышли на плато фуникулера. Справа уходила в небо вышка телецентра, на которой мигали красные огоньки. По опрятной, посыпанной толченым кирпичом дорожке Звиад, Медея и Рати подошли к перилам террасы. Отсюда Тбилиси был виден, как на ладони.

«Сколько лампочек мерцает, не счесть! — думал Рати. — В каждой комнате лампочка. В каждой квартире — несколько человек. И у каждого свои заботы, печали, радости. Каждый о чем-нибудь мечтает, чего-то ждет. Кто знает, сколько юношей в эту минуту тоскует по любимой... А мне кажется, что только я один так мучаюсь, только у меня болит сердце...»

— Удивительно, сколько людей живет в Тбилиси, и у каждого своя дорога, свое будущее, — громко сказал Рати и опять подумал про себя: «Почему я разрешил Медико взять духи? Неужели все кончено? Нет, ничего не кончено, ничего. Не может все так бессмысленно нелепо кончиться!»

Асमत открыла дверь.

— Где отец? — запыхавшись, спросил Звиад.

— Только что вышел.

— Жаль. А я хотел его порадовать. Сегодня я получил деньги.

— Вот обрадуется старик, — улыбнулась Асमत.

— Мама, у меня идея! Давайте сами купим кирпичи, известь и свезем на участок, — предложил Рати. — Представляю себе, как удивится отец, увидев все это.

— Прекрасная идея, — поддержал Джурха, — а я сам дострою дом. Отец придет посмотреть и глазам своим не поверит.

— Значит, решено, — заявил Джурха, — в воскресенье едем строить, а папе скажем, что отправляемся за город.

— Наивные вы дети, — вмешалась Асमत, — не так легко провести вашего отца. Он каждый день ходит поглядеть на дом.

— Не беспокойся, мама, что-нибудь сообразим, — сказал Рати.

В воскресенье утром молодежь на «Победе» отправилась «за город, подышать свежим воздухом».

Лексо тоже не сиделось дома. Как ни отговаривала его Асमत, он все же решил «хоть одним глазком взглянуть на «наш дом».

Подойдя к дому, Лексо замер в изумлении. Во дворе высилась гора кирпичей. Звиад в одних трусах мешал песок с известью. Рати толкал тачку. Джурха стоял на стене. Гага деловито нес ведро.

Одно мгновение сыновья и Лексо молча смотрели друг на друга. Потом все разом захохотали.

— Сюрприз готовили, а ты сорвал, — с наигранной досадой сказал Звиад.

У Лексо как-то особенно легко стало на душе. «Значит, не зря растил сыновей», — радовался старый мастер.

До самого обеда работала семья Менабде. Домой вернулись усталые, но довольные, и все дружно уселись за стол.

Лексо не успел заметить, как пробежала неделя. В субботу вечером он предложил Гаге:

— Пошли, внучек, прогуляемся, а там и на строительство заглянем. Гага радостно захолопал в ладоши.

У перехода Лексо подождал, пока не зажегся зеленый глаз светофора, и повел Гагу к остановке.

Еще из окна автобуса Лексо заметил на стене дома две фигуры.

— Погляди, внучек, кто это хозяйничает? — попросил он Гагу, когда они уже приближались к калитке. Гага взгляделся и вдруг закричал:

— Рати, Рати!

— А второй кто?

— Не знаю. Какая-то тетя.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Лексо.

Рати услышал голос Гаги и поспешил вниз.

— Это Нана... дочь Георгия Квелидзе, — смущаясь, представил он отцу свою спутницу.

— Очень приятно. — Лексо помолчал.

Нана, покраснев, улыбнулась.

«Хорошая девочка, — подумал Лексо, — и улыбка у нее хорошая».

— Нравится вам наш дом? — спросил Лексо.

— Очень. Здесь чудесный воздух, просторно, хорошо...

— Вам бы и на старую квартиру не грех заглянуть, — пригласил старик Нану. Рати молчал, настороженно слушал.

«Рати гордится новым домом, даже Нану привел», — радовался Лексо.

Войдя под навес, он положил на стол доску и принялся строгать.

— Дедушка, кто эта тетя? — спросил Гага.

— Это... знакомая Рати, — не сразу нашелся Лексо. — Чего стоишь, а ну, подай мне доску.

Гага бросился за доской.

— Дедушка, наш дом будет счень большой?

— Очень, внучек, очень.

— До самого неба?

— До самого неба.

— До неба не будет.

— Почему?

— Не может быть до неба, — убежденно ответил Гага.

Лексо посмотрел на дом. Рати и Наны там уже не было. Они медленно шли по дороге в сторону города.

11

Октябрьское солнечное утро было светлым и тихим, воздух прозрачным.

Крановщик направил хобот подъемного крана к блокам. И через минуту кусок стены, как пушинка, повис в воздухе. По сигналу монтажников крановщик плавно опустил блок в указанное место. Лексо внимательно следил за работой крана. Иногда кричал:

— Левее, еще левее. Хорошо!

Машины идут, сменяя друг друга. Этажи растут. Постройка дома приближается к концу. Скоро каменщикам здесь нечего будет делать.

Завтра сюда придут кровельщики, потом маляры, плотники... И дом будет готов. Еще один дом, построенный его руками. Впрочем, на этот раз не только его, но и руками его сына — Джурхи.

Лексо и Джурха трудятся в одной бригаде. У Джурхи сегодня три помощника. В правой руке он держит мастерок и выравнивает им слой раствора, который наливает помощник.левой принимает кирпичи. Потом снова стучит по ним мастерком.

Бригадир смотрит на Джурху и улыбается.

— Наш Джурха — вылитый отец, — говорит он работающему рядом каменщику.

— Да, они, как две капли воды, похожи друг на друга, — подтверждает тот.

— Лексо, а Лексо, — кричит бригадир, — посмотри на Джурху. Он скоро перегонит тебя.

— Почему бы и нет! Молод, полон сил, да и работу любит, — с гордостью отвечает Лексо. Вдруг он увидел, как к дому подошел незна-

комый мужчина в сером костюме. Приложив козырьком руку ко лбу, он внимательно смотрит вверх.

— Что вас так заинтересовало, товарищ? — окликнул его Лексо.

— Ничего, — смутился незнакомец, но потом добавил: — Говорят, скоро дом будет готов?

— Правду говорят. А вы кто будете?

— Как вам сказать... Я будущий жилец этого дома.

— А-а, — засмеялся Лексо, — терпения не хватило, пришли убедиться своими глазами!

— Вот-вот, терпения не хватило. В одной комнате вчетвером живем. Мечтаем о том дне, когда переберемся на новую квартиру.

— Можете не беспокоиться, скоро кончим!

— Вся надежда на вас... Вот перееду, обязательно заходите в гости.

Стемнело. С гор потянуло прохладой. Лексо собрался домой, но Джурха куда-то пропал. Лексо обвел глазами двор — сына нигде не было. Посмотрел вверх. Джурха стоял на стене. Это был первый дом, возведенный его руками.

Остров роз¹

Это гиблое место и грустно, и едко
Островом роз окрестили предки.

А розы здесь никогда и не
вспыхивали:
Место было чахлое,
дикое, тихое.
Но сейчас тонет остров в щебенке
и в гуде,
Над плотиною краны свои шеи
согнули,

И строители, славные трудом и
упорством,
На Тбилиси глядят с воскрешенного
острова.
Он осыплет весь город дарами
своими—
Золотистыми розами, вечно живыми,
Остров роз, так смешно окрещенный,
В остров роз
потомками превращенный.

Перевод Б. Окуджава.

* * *

Зима и здесь нас нехотя оставила,
Едва деревьев не сгубив с плеча,
А там, где ты, — апреля щедры
правила,
И вся в цвету малютка-алыча.

Как медлят дни! Как длятся
ненавистные!
Как мчатся сны за горную гряду!
Ты слышишь, милый?..
Я оденусь листьями—
Лесной царицей
я к тебе приду!
Приду, как весть, как жаворонки
ранние,

Скажу: «Весна»,
и ты откроешь дом.
Друг друга нам не сжечь на
расстоянии—
Давай теперь всегда бродить вдвоем!
Ты только жди... Я ринусь
переправами,
Пускай потоки пенятся, рыча,
Я доберусь... Там весен щедры
правила,
И вся в цвету малютка-алыча.

Перевод С. Ломинадзе.

¹ Место под Тбилиси, где сооружена
ОрталалГЭС.

Нодар Гурешидзе

В 1947 году в республиканских молодежных газетах и литературном альманахе Тбилисского университета «Пирвели схиви» были напечатаны первые стихи Нодара Гурешидзе. Затем вышли сборники стихов «Моя весна», «Дома и на чужбине», «Земля большая». В 1955 году изданы путевые заметки о Германии «Глазами друга».

Весна в Имерети

Ткемали в белом на невест похожи,
и на других деревьях во дворе
набухшим почкам распирают кожу
цветы, что завтра вспыхнут на заре.
Ткемали в белом, все ткемали
в белом,
на них цветы трепещут поутру —
Как будто это облако осело
и бабочками стало на ветру.
Ждет поле зерен каждой бороздою,
и, словно горсти зерен из руки,
лучи бросает
солнце молодое
в серебряную борозду реки.
Залито солнцем, все залито солнцем—
дома и каждый камешек Земли,
широкие дороги
и колодцев
грустящие о крыльях журавли.
Наш тихий дворик с низкой оградой,
тебя не старит череда годов,
как верный друг,
и грусть мою, и
радость
со мной всегда ты разделить готов.

Отсюда видно, мне отсюда видно,
как обрезают ветки гибких лоз,
чтоб брызнул сок
и забродили вина,
когда сентябрь заглянет к нам в
совхоз.

Вот мчится «ЗИЛ»—
шоферы скорость любят,
я смотрят вслед ему из-под руки
веселые и вежливые люди —
товарищи мои и земляки.
Бежит малыш, к груди прижав
тетради,
он тоже рад, что кончилась зима.

И пахнет свежеспеченным мчади
напоенная влагою земля.
Все звонче песни птиц над головою,
мне вместе с ними хочется взлететь,
за горизонт взять небо голубое,
и словно шапку,
набекрень одеть.
Как тысяча приветливых красавиц,
стоят ткемали в белом на пути
и, пальцами ветвей
плеча касаясь,
вас приглашают в каждый дом
зайти.

Перевод Л. Дербенева.

Джансуг Чарквиани

Джансуг Чарквиани начал печатать стихи в 1951 году в республиканских газетах и журналах. В 1959 году изданы два сборника стихов Д. Чарквиани «В тишине одной ночи» и «Светитесь, юные».

* * *

Когда ручеек залопочет картовою
И эхо ответит на зов олений,
Когда, подымая головки, травы
Увидят черешню в фате весенней;
Когда прорежутся листья из почек,
И сердце выговорится стихами,
Когда олень молодой захочет
Ветки персика сделать рогами;
Когда он вдруг шарахнется в чашу,
Почуяв солнца прикосновенье,
И ласточка, словно планер
блестящий,
Начнет кружить над собственной
тенью;
Когда весна берега всех речек
Усеет фиалками и васильками,
Когда на горной тропе при встрече
Олени звонко столкнутся рогами,—
Тогда я припомню все, что было,
Все, что случилось со мной
ежечасно,
И обрету я новые силы
В мире, который вечно прекрасен.

Белая тишина

Солнце накрыло теплой ладонью
Веточки персика и миндаля.
Весна заглянула мне в сердце
с любовью,
Какие-то струны его шевеля.
Пронесаются по полю белые ветры,
Чутко молчит в небесах тишина,

А сам я, затерянный в травы и ветви,
Брожу по зеленой земле, как весна.
Увозят быки на арбе мою леность.
И песня аробщика в душу впилась.
Весна мне велит, чтоб любилось и
пелось,
На то у нее всемогущая власть!

Перевод М. Обручева.

Подсолнух

Зураб Кухианидзе печатается в центральных и республиканских газетах и журналах с 1950 года. В 1958 году вышла книга стихов «Летящие журавли». В 1960 году выходит вторая книга. З. Кухианидзе работает учителем в средней школе.

Закрылось небо серых туч чадрой.
Ручей бежит по камешкам торопко.
Исчезло солнце за крутой горой.
Куда ж ты, девушка, идешь по тропке?

Хочу я за тобой пойти, догнать —
В отчаянном счастливом устремленье.
Догнать тебя? Но не хочу я смять
Твоих следов — следов твоих оленьих.

Куда тебя тропинка увела?
Признанья чьи сейчас ты будешь слушать?..
Смотри, со щек твоих перепела
Склюют, как зерна, россыпи веснушек!..

Восходит вечер к миру на крыльцо.
Крадутся сумерки — угрюмой ночи вестник.

Угасло солнце..
И со мною вместе
К тебе подсолнух обратил лицо.

Перевод Д. Маркиша.

Отар Чиладзе

Маяковский

Да, это голос твой — его узнает каждый.

Да, это ты — это твое лицо.
Во все века могло быть лишь однажды

Такое сильное, упрямое лицо.

Твои стихи сквозь гулы улиц рвутся,
Как голоса шальных, отчаянных парней.

Мужчинам руки жмут и женщинам смеются...

Звенят шаги отчаянных парней.

Да, это кровь твоя
И твой свистящий ветер,
И твой огонь... Такого яркого огня
Не может быть ни у кого на свете —
Такого яркого, слепящего огня.

Первые стихи Отара Чиладзе появились в 1952 году в литературном альманахе Тбилисского университета «Пирвели схиви». В 1959 году вышла первая книга стихов «Поезда и путники». О. Чиладзе переводит стихи с русского, украинского, белорусского, армянского языков.

Сейчас, сейчас! Последний поворот—
И вот он, дом, где ласков каждый
камень,
Где женщина тебя, как гавань,
ждет,
Большого, сильного, с усталыми
руками.

Пусть верит женщина!
Из потемневшей сини
Глядит луна в призывные глаза,
Чтоб жизни возвратить ее земного
сына,
Познавшего ночные небеса.

Перевод Д. Маркиша.

Гиви Гегечкори

* * *

Гиви Гегечкори начал печататься с 1952 года в альманахе «Пирвели схиви», в республиканских газетах и журналах. Готовится к выпуску первый сборник стихов Г. Гегечкори.

Мы выйдем вместе. Ты на небо
взглянешь:
— Пусть в эту зиму будет нежным
снег.

Сегодня наша встреча не
случайность,
как завтра, как вчера, как много
долгих лет.

И в суету толпой одетых улиц,
реклам и фонарей средь ночи
торжества
мы понесем себя, искать, расслышать
силясь
вчера тобой забытые слова.

Мы убежим от близких и знакомых.
Мы станем снегом, улицей, толпой.
И город встретит нас глазами рам
оконных,
локтями водосточных труб, плечами
мостовой.

И в эту ночь мы только двое будем
освещены рекламой и луной.
И, взявшись за руки,— пусть смотрят
люди!—
Пойдем с моей подругою-женой.

Перевод Ю. Киршона.

Слепой певец

САЯТ-НОВА
საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
საქართველოს

Морис Поцхишвили печататься начал в 1950 году. На грузинском языке вышли книги «Вишни под дождем» (1957 г.) и «Качели» (1959 г.). Стихи М. Поцхишвили печатались в переводе на русский язык в журнале «Дружба народов» и сборнике «Грузинская весна».

Был один певец слепой,
Чианури¹ — звуки голоса,
Он без лиры и без посоха
Шел всегда прямой тропой.
Шел один, без провожатого,
Песня вдаль вела певца.
И ложились злаки сжатые
На две стороны —
сердца.

Банка варенья

У нас по соседству старая женщина
Все ждет сыновей с войны.
Ветер сурово поет и торжественно.
Нет ей покоя. Тревожные сны.
Чайник поставит, встав спозаранку,
Чашки достанет и вытрет она.
На полке стоит поллитровая банка.
Материнской надеждою банка полна.
Шепчет, зовет своих славных ребят
она.

Банка с вареньем на полке
припрятана.

Перевод Г. Сабгира.

¹ Чианури — восточный музыкальный инструмент.

Георгий Чарквиани

* * *

Всякий раз, когда ты просыпаешься
И огни замирают ночные,
Ты, словно лишаясь памяти,
Думаешь — это впервые.
Это впервые ты видишь
Дождей безнадежные линии,
Это впервые ты слышишь,
Как в окна
Просятся листья.
Осень...
И ты озираешься
По сторонам желтеющим,
Море вспомнить стараешься,
В песке золотистых женщин
И волны, высокие волны,
Которые тянутся к берегу...
Но дождь за ослепшими окнами,
И в теплые волны
Не верится...

Перевод Т. Зульфикарова.

Георгий Чарквиани в 1960 году окончил филологический факультет Тбилисского университета. Первые стихи были напечатаны в 1959 году на страницах газеты «Ахалгазда коммунисти». На русском языке печатается впервые.

Лотар Стреблов,
ФРГ

Разбитые брикеты

РАССКАЗ

Перевод с немецкого Л. Начкебия

Они перетаскивали тяжелые мешки с углем. Медленно проходили по узкой, посыпанной гравием дорожке пригородной виллы. Лица у них были изможденные, горестные.

Перед чугунными воротами сада стоял грузовик со спущенными бортами. Черная липкая жижа стекала с почти наполовину опорожненного кузова. Один из грузчиков прислонил к нему занывшую спину. Стоя в тени, он теперь боязливо поглядывал на садовую дорожку; он выжидал... Второй грузчик — здоровый, коренастый, шел к машине, широко расставляя ноги. Стертые кожаные наплечники и глубоко надринутый на глаза картуз придавали ему сходство с гномом.

— Пошевеливайся, Новый! — тут же рявкнул он на того, что стоял в тени. И всадил в лужу тягучий плевков. — Ты уже отстал на два мешка!

Новый взялся за мешок, с трудом подтянул к краю кузова. В его движениях чувствовалась беспомощная суетливость. Он долго возился с мешком: никак не удавалось взвалить его на спину. Обозлившись, с силой дернул к себе. Из мешка вывалилось несколько брикетов. Грузчик хотел обойти их, но оступился и упал.

В это время к машине подошел третий, долговязый грузчик.

— Бездельник чертов! Распластался посреди дороги, — сказал Гном. Длинный сплюнул угольную слизь на обод колеса.

— Ничего, шеф, — промычал он. — Новичок. Не привык еще.

— Дерьмо! — выругался Гном; не теряя времени, он подхватил мешок, словно пуховую перину, и закинул его за плечо.

Новый поднялся и заковылял к двери. У лестницы он остановился передохнуть. Как много ступеней! Наконец он доплелся до подвала и рухнул рядом с мешком. Натруженное тело обдало сыростью. В горле пересохло. Прерывисто дыша, он сел и уставился в одну точку. Он смотрел на мерцающий кусочек угля...

Гулкие шаги вывели грузчика из оцепенения. Застонав, он с трудом, ощупью начал пробираться к лестнице.

— Пошел, пошел! — зашипел Гном и мимоходом двинул его в бок мешком.

...Медленно взбирается грузчик по ступеням. Сколько их — три,

четыре, пять... Наконец показался кусочек неба. Еще одно усилие, надо продержаться, во что бы то ни стало продержаться.

Долговязый стоит в кузове и навьючивает на него очередной мешок.

— Пстой минутку, — вдруг говорит он, — передохни. Старик — скотина. Хочешь не хочешь — привыкай. Осталось еще одиннадцать. Скоро кончим.

Увидев Гнома, он поспешно взвалил себе на плечи мешок. За ним двинулся Новый. Гном покосился, но придрататься было не к чему.

Снова ступени, коридор, тухлый запах, подвал. Потом опять нескончаемые ступени, дорожка, грузовик и новый мешок. И следующий. И, наконец, последний. Нещадно ноют плечи. Ноги подкашиваются, в глазах темнеет. Стук посыпавшихся на звонкую жесть брикетов. Больше ничего...

Гном пнул ногой лежащего, процедив сквозь стиснутые зубы.

— Пошел, ленивый пес! Тебе говорят — пошел! — Затем, обернувшись, зарычал: — Длинный, поиди сюда! Глянь-ка на этого!

Длинный согнулся над неподвижным телом, увидел ввалившиеся щеки, с которых сошел уже даже чахоточный румянец.

— Надо позвать врача, шеф — сказал он.

— Рехнулся ты, что ли? — злобно ответил Гном.

Длинный, будто и не слышал его слов, подошел к дверям с несуразно большим щитом — **Только для прислуги** — и позвонил.

Семенящие шаги по ту сторону узкой двери. Скрип — и опереточно разряженная горничная заполнила собой весь проход. Она вызывающе уставилась на Длинного. Пряный запах непривычно щекотнул ему нос.

— Есть у вас телефон? — спросил грузчик. Не получив ответа, он рванулся к выходу.

Гном безмолвно сидел на опрокинутом ведре.

Он нетерпеливо посматривал на дверь. Когда уже придет этот врач?! Нужно быстрее кончать работу! Всякие неожиданности приносят убытки. Он терпеть не может неожиданностей.

— Врач будет через пять минут, — крикнул Длинный с порога и, подойдя ближе, спросил озабоченно: — Ну что, шевелится?

Гном не ответил.

Длинный прислонился к сырой стене. Новый лежал неподвижно. Разбитый при падении брикет торчал у его головы.

Резкий автомобильный сигнал с улицы, скрежет тормозов, торопливые шаги по дорожке.

— Врач, — сказал Длинный и носком ботинка откинул брикет от лица грузчика. Уголь глухо ударился о помойное ведро. Вошел врач.

На нашей вкладке

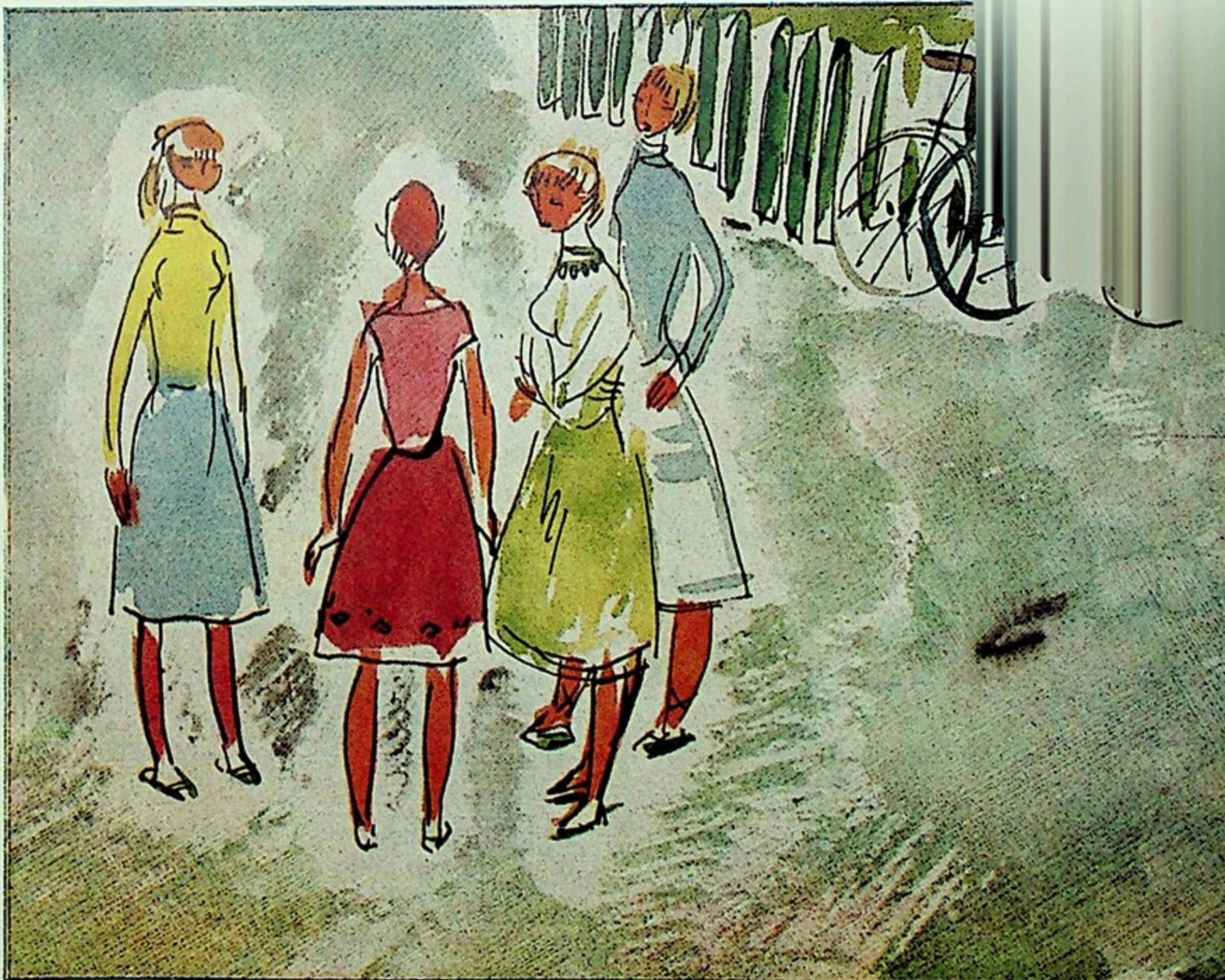
Тенгиз Мирзашвили — аспирант Тбилисской академии художеств. Недавно в составе молодежной делегации он побывал в Германской Демократической Республике. Оттуда молодой художник привез серию рисунков «По ГДР». Часть из них мы публикуем в этом номере. Посмотрите на эти рисунки. Все эти работы, такие разные по теме и колориту, объединяет одна общая черта — верно схваченный их автором пафос строительства новой жизни...

И каким контрастом на этом фоне выглядит жизнь, изображенная в помещенном тут же рассказе молодого немецкого писателя Лотара Стреблова (ФРГ), переведенном на русский язык молодым литератором Лией Начкебия. «Разбитые брикеты» — острая социальная зарисовка тяжелой и беспросветной жизни рабочих-грузчиков в Федеративной Республике Германии.

Поистине, перед нами два лагеря, два мира!

Берлин

На прогулке

Усталые, воспаленные глаза, наверное, от частого недосыпания, по углам вялого рта резкие складки.

— Рассказывайте коротко,— обратился он прямо к Длинному.

— Да тут и говорить-то нечего,— проворчал тот неохотно,— таскал уголь, свалился. Ну и все.

— Случалось это с ним раньше?

— Не знаю. Я ничего не знаю. Он сегодня только впервые появился. Безработный. Жена, говорил, родила, хотел подработать несколько марок.

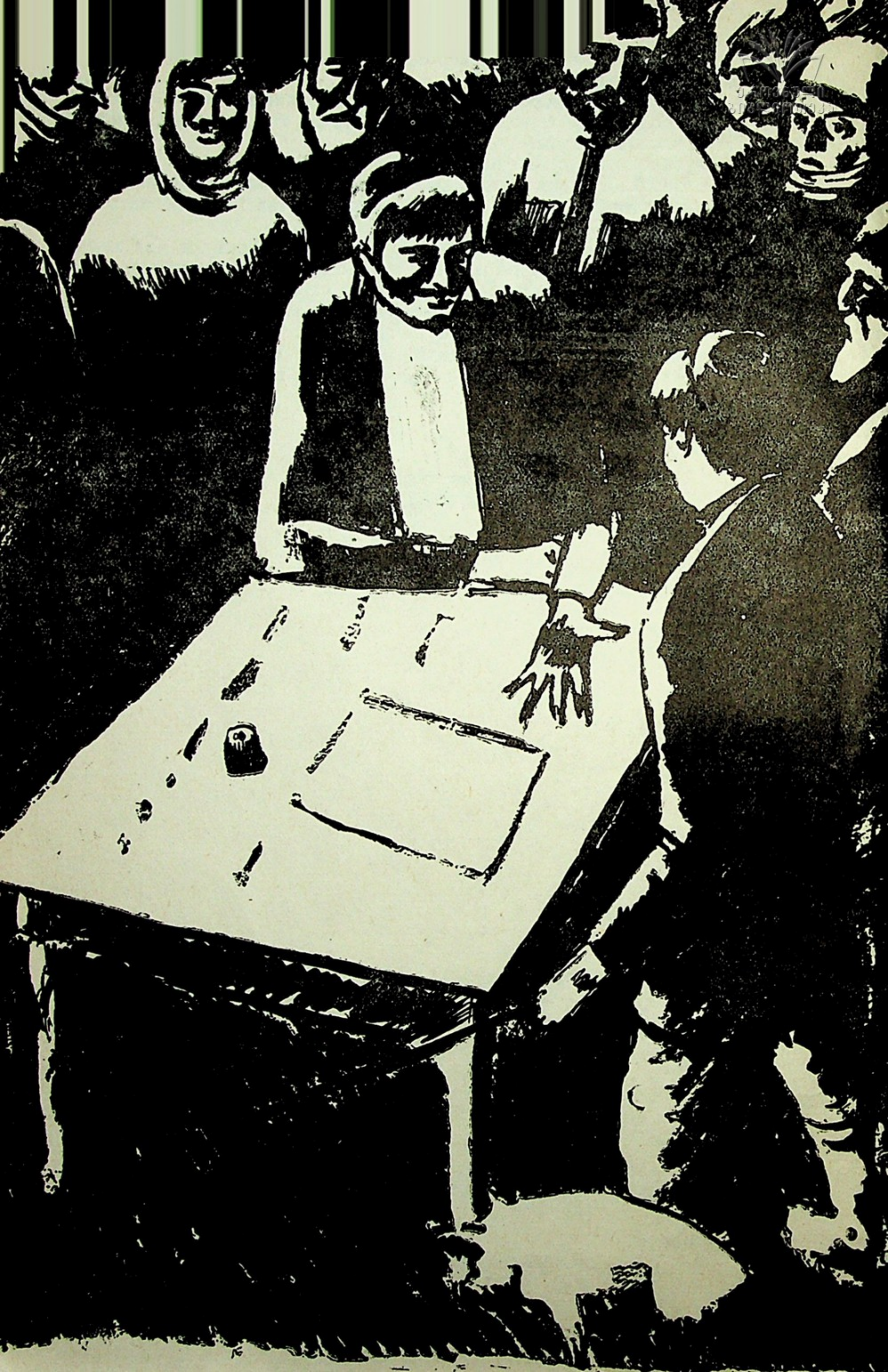
Врач машинально кивнул головой. Он низко склонился над лежащим, затем стал неторопливо перебирать что-то в своем потертом портфеле. Наконец достал инструмент, отдернул слипшуюся от пота, кисло пахнущую рубашу Нового и начал его выслушивать.

Врач встал как-то не сразу, чуть помедлив.

— Мертв,— проговорил он сухо.— Паралич сердца.

— Ага,— проворчал Гном.— Влетит мне в копеечку. Будет еще возня.

Ростом Бежанишвили

Ростом Бежанишвили начал печататься с 1948 года. В 1957 году вышла книга рассказов. В 1958 году в журнале «Юность» опубликована в переводе на русский язык повесть «Взлет». Р. Бежанишвили написаны два романа — «Судьба солдата» и «Хроника одной деревни».

Хроника одной деревни

Перевод с грузинского Ф. Твалтвадзе,

Продолжение

Рис. З. Нижарадзе

В вардианской «каталажке» было шумно. Крестьяне, окружив какого-то человека, кричали, размахивали руками, о чем-то горячо спорили.

— Карума идет, он все рассудит! — крикнули вдруг в толпе. — Он человек правильный!

Высокий и плечистый Карума выглядел старше своих лет. У него была густая черная шевелюра, крутая жилистая шея, на лице выделялись большие умные глаза. Вся его фигура свидетельствовала о немалой физической силе. Уже третий год Карума работал уполномоченным районной милиции.

Его появление несколько успокоило крестьян. Взлохмаченный человек, окруженный толпой, затравленно оглядывался по сторонам. Увидев Каруму, он еще больше забеспокоился.

— Начальник, дорогой начальник, — еще издали закричал он, обращаясь к Каруме, — что они хотят от меня, почему не отпускают? Я несчастный человек, у меня нервы расстроены.

Карума пристально оглядел кричавшего.

— Я Параско Догузанов, кого хочешь спроси — никто обо мне не скажет плохого.

— Что он сделал? — обратился Карума к крестьянам.

— Взломал пол артельного амбара и стащил все отборное семенное зерно... — разом заговорило несколько человек.

— Не верьте им, Карум-джан, — лебезил Параско, — я и со своей-то бедой не справляюсь, до воровства ли мне? Сами посудите. Я первый вступил в артель, в огонь и воду за нее ползть готов при необходимости. Пожалейте человека... Шутка ли — обвинить меня в таком преступлении?!

— Выясним все, — успокоил его Карума. — Можешь не волноваться. Если тебя оклеветали, клеветник ответит по заслугам.

— А если?.. — вырвалось у Параско.

Карума насторожился:

— А если говорят правду, три шкуры с тебя спущу, будь уверен!

— Карум-джан, пожалейте меня: я человек больной. Вай, спасите, помогите, — заревел вдруг Параско и повалился на землю, дергаясь всем телом.

Крестьяне притихли.

— Пожалеть надо... может, и не виноват вовсе, — нерешительно заговорил кто-то из толпы. — Чего зря человека мучить...

— А то и впрямь еще помрет тут, чего доброго, — поддержал другой.

— Бедняга, припадочный! — прошамкала беззубая старуха.

Карума не сводил глаз с Параско. Медленно подойдя к нему, он нагнулся к самому уху и тихо, но внушительно сказал:

— Вставай, пока я не запер тебя.

Параско не шевелился, по подбородку его стекала пена, глаза дико выкатились, он тяжело дышал.

Карума повторил угрожающе:

— Хватит дурака валять, вставай!

Параско пошевелился, приподнял голову.

Карума сердито топнул ногой.

И Параско вскочил. Он больше не таращил глаза, подбородок его был сух. Испуганный, но совершенно здоровый, он вытянулся перед Карумой.

— Ловко он нас всех провел, — удивленно загалдели крестьяне.

Карума хладнокровно взял Параско за локоть и, расталкивая толпу, повел его за собой.

4

Гегена и Карума редко бывали дома. Отец все грозился «отодрать» своих сыновей.

— Я ведь тоже немало потрудился в свое время для народа, но всегда приходил домой, к жене и детям, вместе с вами делил горе и радость, и обедать находил время, и отдыхать. А вас какая муха укусила: ни свет ни заря, а вас уже и след простыл, — журил старших сыновей Анания. Не привык он целыми неделями не видеть детей, не мог не перекинуться с ними словом, не полюбоваться ими.

— Милые мальчики мои, — жаловалась и Магдана, — целыми днями глаз не кажут.

— В трудное время живем мы, Магдана! Поэтому и беспокоюсь я за наших ребят. Поэтому и прошу их почаще заглядывать домой. Не могу ведь прямо им сказать, что боюсь пули из-за угла. Мне все кажется, будто кто-то завидует нашему с тобой счастью и хочет отнять сыновей. О себе я не беспокоюсь, готов схватиться хоть с самим чертом, а вот они... Не могу успокоиться!

— Просто ты сегодня на левую ногу встал, Анания, потому и вол-

нуешься зря, — улыбнулась Магдана, хоть у нее у самой было тревожно на сердце.

— Нет, Магдана! Сыновья наши стоят на хорошем пути, работают на пользу людям, что бы их не ожидало, они должны смело идти вперед. Враг только того и ждет, чтобы нам страшно стало, тогда ему легко будет уничтожить нас. Но не такой мы породы, чтобы струсить и отступить.

5

Братья встретились у опушки Чиаурского леса. Гегена работал здесь на лесозаготовках, а Карума возвращался из Лагодехи. Лесорубы как раз собирались обедать. Гегена пригласил брата перекусить вместе с ними. Среди лесорубов находились Шамше и Баса, то и дело бросавшие на Каруму неприязненные взгляды. За столом стояла напряженная тишина. Гегена чувствовал себя неловко.

— Карума, — неожиданно прервал гнетущее молчание Шамше, — молод ты еще, а такой грех на себя берешь, бога не боишься!

— Какого бога? — простодушно спросил Карума.

Лесорубы рассмеялись.

Шамше немного растерялся, но быстро оправился.

— Не годится так, Карума, — заговорил он снова, — Хареба, твой дед был честным тружеником,

соседи любили его. Он никогда не забывал о боге. А ты?! Ни к кому уважения не имеешь, ходишь по селу с маузером... Разве твой дед и отец держали когда-нибудь в руках оружие?

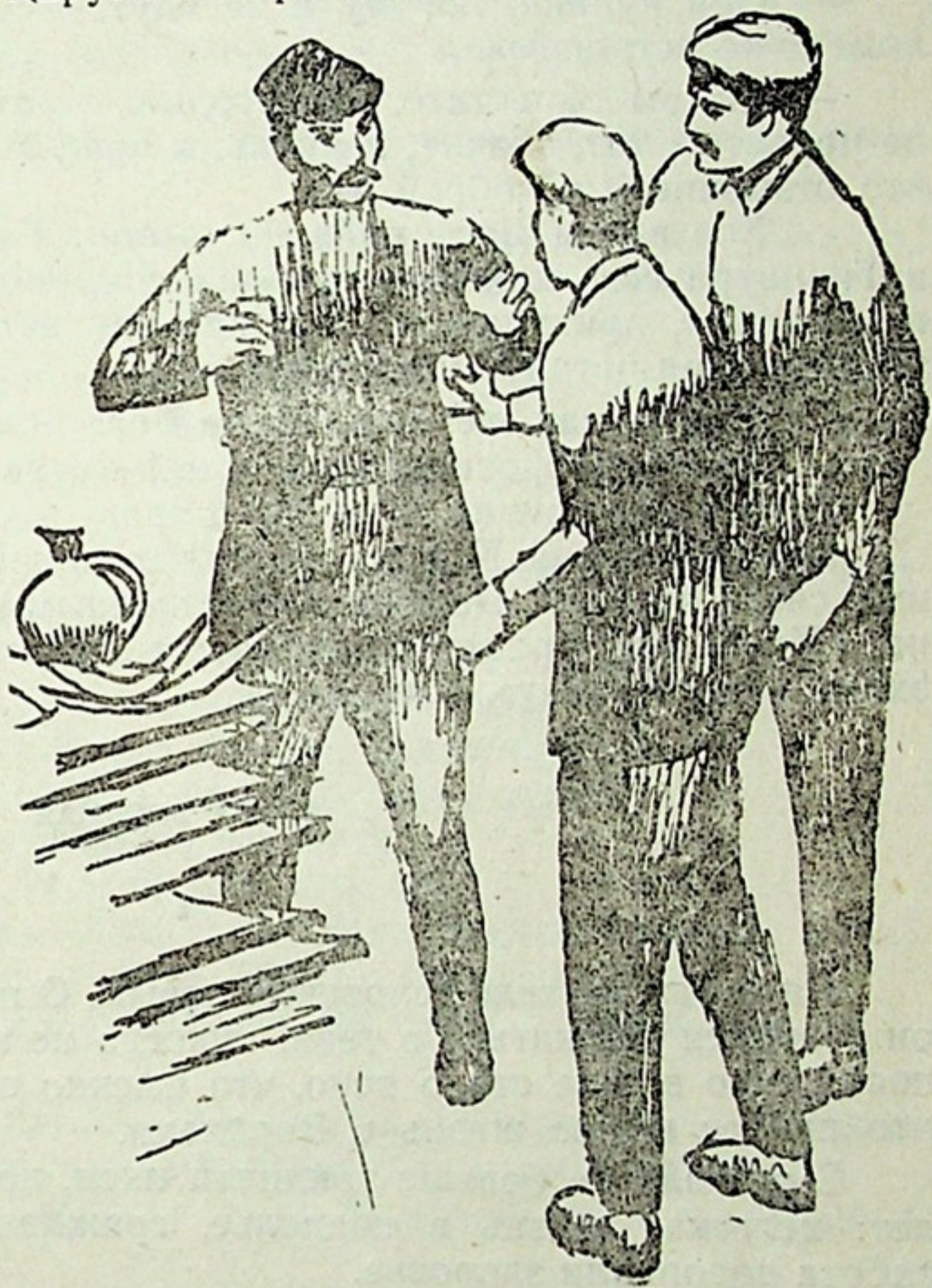
В словах Шамше чувствовался явный вызов, но Каруме не хотелось вступать в спор.

— Не знаю, о чем ты говоришь, Шамше? — попытался он обратить разговор в шутку. — Отец мой с оружием в руках за свободу дрался, меньшевики почувствовали это на себе. У меня — только лопата на боку, из нее не выстрелишь!

— Эх, не совать бы вам нос не в свои дела, да не подсчитывать чужого добра, — подал вдруг голос и Баса.

— А тебе-то что? — засмеялся Гегена. — У самого ни кола, ни двора. За кого ты беспокоишься?

— Я тоже не камень, братец мой! — с достоинством отвечал Баса. —

О соседи пекусь, за него душа скорбит. Человек не щадил ни сил, ни здоровья в труде, а вы его землю отобрать хотите.

— Ну-ну, ты, потише! Кто у кого что отнимает? В артель каждый вступает добровольно. Мы никого не принуждаем...

— Хе-хе! — ехидно захихикал Баса. — Может, и Джамбар по своему желанию хочет в артель вступить?..

— Ты о других не говори, — осадил его Карума, — за себя ответ держи. Хорошие труженики охотно к нам идут.

— Значит, Китела и Гвинаура, по-твоему, нехорошие труженики, коли не идут в артель? — не унимался Баса. — Плохие они земледельцы?

— Они кулаки, потому и не идут, — сказал лесоруб, который был помоложе остальных.

— Уж вы окрестите, как угодно, — махнул рукой Баса. — Кто вам не нравится, тот, значит, и кулак, и враг. А вы людей спросите, есть ли кто отзывчивей и добрей их.

— Кое в чем Баса прав, — заметил Гегена. — Возможно, у Китела и Гвинаура есть какие-то соображения, может, они пока обдумывают, взвешивают, прикидывают, прежде чем вступить в артель. Убедятся — тогда и сами встанут на верный путь...

— Ждите, как же! — в голосе Баса опять послышалась насмешка.

— Эй ты, укороги-ка свой язык! — сурово оборвал его Карума.

Баса, сжав тонкие злые губы, сразу весь как-то сжался и умолк.

Помрачневший Карума поднялся, попрощался с крестьянами и пошел своей дорогой. Долгим сочувственным взглядом проводил его Гегена. «Много еще придется поработать, прежде чем в Вардиани все признают нашу правду», — думал он.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Ладо был на селе человеком новым. О нем мало что знали, да и сам он старался держаться в тени, никогда не выставлял себя напоказ. Но постепенно в селе стало ясно, что именно он является главным из тех, кто принес новую жизнь в Вардиани.

Ему было не больше тридцати пяти, но выглядел он старше своих лет: нелегкая жизнь в подполье, гражданская война, напряженная работа подорвали здоровье.

Ладо был человеком одиноким, без семьи, поэтому очень обрадовался, когда Анания предложил ему поселиться в его доме. Радушно приняли Ладо у Анания. Двенадцатилетний Ила сразу же почувствовал расположение к новому жильцу. Издали завидев Ладо, он стрелой мчался ему навстречу и, подпрыгнув, цеплялся руками за шею.

— Да отойди, ты, дай человеку отдохнуть, — останавливала сына Магдана.

— Не оставляю. Он мой комиссар, — весело отзывался мальчик. — Я должен доложить ему о всех происшествиях за день.

— Верно! — поддерживал мальчика Ладо.

...После обеда хозяин дома сложил во дворе поломанные корзины и принялся за их починку. Этим делом он занимался до самых сумерек.

А Ладо и Ила сидели под навесом и оживленно разговаривали.

— Дядя Ладо, — пытливо спрашивает Ила, — почему Красная Армия не стреляла, когда входила к нам?

— А зачем было стрелять, ведь народ встречал ее хлебом-солью!
— Разве тогда все радовались?
— Нет, не все. Кулаки и буржуи зубами скрипели.
— А почему их всех сразу не перестреляли? — не унимался Ила.
— Ты думаешь, что в них можно стрелять, как в щуров?
— Щур поедает пчел, дядя Ладо, а те артельные виноградники вырубают... Знаешь, дядя Ладо, — с грустью продолжал Ила, — мне даже на рыбалку на Алазани пойти нельзя. В прошлый раз сыновья Кителы чуть не утопили меня в реке.

— Как так? — встревоженно спросил Ладо. — Конечно, может, сам Китела и нечестный человек, но при чем тут его сыновья?

— Они меня пугали!

— Сам виноват — струсил, наверное, как девчонка, — улыбнулся Ладо.

— Нет, дядя Ладо, я не струсил, я слышал, они шептались: утопим, мол, этого большевика.

— Они не посмеют тебя тронуть, Ила, — успокоил мальчика Ладо. — И все же, — добавил он тихо, — лучше не ходи на Алазани один, бери с собой товарищей.

— Нет их здесь — уехали с родителями в Ширакскую степь на жатву. А я один сиди здесь да мух считай! — обиженно захныкал Ила.

— Славный ты парень, Ила. — Ладо дружески похлопал его по плечу. — Только плакать не надо.

Ладо ушел. Некоторое время Ила задумчиво сидел один, потом увидел отца, работающего во дворе.

— Папа, а прутьев тебе хватит? — подбежал он к отцу.

— Еще останется, сынок! — весело отозвался тот.

— А как ты узнал, пап, сколько прутьев понадобится?

— Прикинул на глаз и срезал, сколько было нужно.

— А почему я не могу прикинуть на глаз?

— Научишься, сынок! В твои годы и я не мог.

Ила молча следил за пальцами отца. «Как быстро работает отец! Какие сильные и ловкие руки у него!» — думал мальчик.

— Папа, а ты все можешь прикинуть на глаз? — спросил он.

— Что, например?

— Вот, если взглянешь на лозу, не считая гроздь, не прикидывая на весах, сможешь сказать, сколько винограда с нее соберешь?

— Это легче всего, мой мальчик, ведь я, можно сказать, вырос и состарился на винограднике.

«Все знает мой папа!» — с гордостью подумал Ила. И вдруг неожиданно спросил:

— Папа, а если на человека взглянешь, можешь узнать, друг он или враг?

Анания вздрогнул и, приостановив работу, внимательно посмотрел на сына. До сих пор ему казалось, что мальчик расспрашивает обо всем из праздного любопытства. И тут впервые почувствовал он, что сына тревожит какая-то затаенная мысль. Анания взял сына за плечи и пылливо заглянул ему в глаза.

— Врага трудно распознать, сынок, он сидит притаившись и нападает из-за угла, молчком, по-воровски вонзает нож в спину. Но мы с тобой не должны никого бояться — ведь мы мужчины. А врагов наших мы все равно обнаружим и уничтожим, всех до одного уничтожим, сынок.

С раннего утра крестьяне стали сходить к сельсовету. Все чего-то ждали. Баса и Киндзигапо, отделившись от толпы, стояли в стороне. Они выглядели озабоченными, усталыми и таинственно шептались о чем-то. Киндзигапо равнодушно слушал, лениво перебирая пальцами застежки своего архалука, Баса что-то горячо доказывал ему.

Кто-то крикнул: «Идут!» Из сельсовета вышли Ладо и Анания. Они поздоровались с сельчанами и, спокойно переговариваясь, стали пересекать площадь. Народ, затаив дыхание, смотрел им вслед. Анания внезапно остановился перед Джамбаром и протянул ему руку. Джамбар, белый, как полотно, не ответил на приветствие Анания, лишь бессмысленно глядел на него.

— Джамбар, ты мой сосед и друг, потому я обращаюсь к тебе первому, — начал Анания так просто, будто собирается попросить щепотку табаку. — На селе много бедняков, вроде тебя. Ты сам знаешь — разрозненными силами нужду не одолеть. Помнишь, я спас твой виноградник от огня? Ты благодарил меня, говорил, что семья твоя встанет на ноги, оправится... Но в одиночку ты ничего сделать не сможешь — работаешь, работаешь, а хозяйство хиреет. Нет! В Вардиани пора начать новую жизнь. Будем всем колхозом трудиться на наших виноградниках!

Джамбар ждал этих слов, он знал, что они будут произнесены, но до его сознания никак не доходило, что с виноградником можно распоститься сейчас, здесь, навсегда...

После собрания Джамбар, Анания, Ладо пошли на виноградник, сопровождаемые толпой.

— Анания, — проговорил Джамбар почти шепотом.

Анания растерянно посмотрел на Ладо. Но тот молчал. И они начали замерять виноградник Джамбара.

— Хочешь погубить меня? — криво улыбнулся Джамбар, все еще думая, что Анания шутит.

Но Анания не проронил ни слова в ответ.

— Разве этого я ждал от тебя? — закричал Джамбар вне себя. — Разве я этого ждал от колхоза? — И он, вырвав из изгороди тяжелый кол, что было силы замахнулся на Анания. Но ударить не смог. Руки сами собой разжались, выпустили кол, бессильно повисли вдоль тела. Лицо исказилось. Джамбар неловко повалился на землю, словно мешок.

Крестьяне зашумели, закричали, кто-то выругался. Джамбар лежал, распластавшись среди виноградных лоз, пальцы судорожно скрючились, словно пытаясь удержать землю, политую потом стольких трудовых дней и ночей.

Стекло в лампе лопнуло с сухим треском, изба погрузилась в темноту. Утомленный волнениями и переживаниями тяжелого дня, Анания лежал на тахте. Беспокойные мысли и усталость отгоняли сон. Теперь пришлось встать, скрутить нитку, окунуть ее в растопленный воск и сделать свечу. Свеча едва мерцала.

Магдана сидела у люльки и укачивала маленького Котэ, что-то тихо напевая. Изредка она перекидывалась с мужем несколькими словами.

— Кожашвили, говорят, охотно сдали свой виноградник... А уса-тый Атанасе был пьян и пел песни, пока обмеряли его участок. Сосед-

ки рассказывали, что все делалось по закону — честно и справедливо. Это правда, Анания?

— Правда, конечно, — коротко ответил Анания.

— А наш чувячник всю сыромятную кожу на чердаке запрятал. Напугали его — кто-то сказал, отнимут, мол, все до последней нитки, — продолжала Магдана.

— И поделом бы ему было, — проворчал Анания. — Третьего дня за пару чувяков целый кувшин вина запросил. Не чувячник, а торгаш!

— Это верно, — подтвердила Магдана и повернулась к люльке. Малыш совсем проснулся и сейчас вертелся, пытаясь вылезти из свивальников.

— Не спишь, птенчик мой! Постой, ручку высвобожу, — ласково заговорила мать.

Котэ радостно заулыбался, вытянул ручки вперед, ухватился за погремушку, висевшую над ним, и ткнул ею себя в личико. Но не заплакал. Потом сунул два пальца в рот и принялся их сосать.

— Зубки у нашего мальчика прорезаются, — просияла Магдана. Котэ продолжал усердно сосать пальцы.

— Никак опять голоден! Господи, ну можно ли столько есть, обжора маленький! — ласково ворчала мать, принимаясь кормить ребенка.

Когда малыш, наевшись, уснул, Магдана осторожно уложила его в люльку и снова стянула свивальники. Мальчик сладко спал.

Некоторое время супруги молчали. Каждый думал свою думу. Наконец Анания тихо заговорил:

— Несчастный Джамбар. Не думал я, что он так сдаст, бедняга.

— А Мелано распустила волосы и причитает, будто ей и впрямь жалко мужа, — сказала Магдана.

— Это она умеет. Ее лицемерие давно всем известно... Эх, жаль человека!..

Анания старался отогнать от себя мрачные мысли о болезни Джамбара. Впрочем, ему и самому было невесело. Одним из первых сдал он свой виноградник в артель, но нет-нет, а порой все же заносит сердце, мелькнет мысль: «Как-то она пойдет, новая жизнь?..»

Светало. Стали неясно вырисовываться вещи в комнате. Котэ безмятежно спал. Уснула и Магдана. И только Анания всю ночь не сомкнул глаз.

Самодельная свеча давно погасла. В душе Анания ширилось и росло какое-то новое, неизведанное чувство. Нераспаханным полем раскинулось перед ним будущее, и он собственной рукой должен провести по нему первую борозду.

4

Безнадежно больной Джамбар пребывал или в тягостной дремоте или в бреду. Но он цеплялся за жизнь с одной единственной целью — подняться на ноги и отомстить губителю своему. Мелано охотно подливала масла в огонь:

— Говорила тебе — не верил! — назойливо трещала она. — Теперь сам убедился, каков твой Анания. Это он толкнул тебя на порог смерти.

— Смерть... — как эхо, откликнулся Джамбар, и одинокая слеза скатилась по иссохшей, изборожденной морщинами щеке.

«Почему судьба так сурово расправляется с ним? Может, ошибся

он? Может, надо было пойти по пути отца? Ведь поверили ему другие, его же соседи? Кто же прав?» — мучительно думал Джамбар.

Гюо приехал в Вардиани перед самой кончиной отца.

Около тахты, на которой лежал умирающий, валялась растоптанная гроздь винограда, занесенная в избу кем-то из соседей. Ее облепили черные прожорливые муравьи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Мелано вторично овдовела. Теперь у нее была одна забота в жизни — собственный виноградник и приусадебный участок. Все остальное ее не трогало.

К Мелано часто навевывалась постаревшая Пело. Хозяйка дома охотно кормила и поила ее, рассчитывая, что языкастая подруга разнесет по всему селу славу о щедрости и хлебосольстве вдовы.

По части сплетен Пело по-прежнему была великой мастерицей. Стоило ей пронюхать, что где-нибудь произошло что-то интересное, как она уже была тут как тут, а потом без устали носилась по всей округе, разнося свежие новости.

— Тебе, дорогая Мелано, все известно про мою жизнь. Я ее честно прожила, надеясь только на свои руки. А ведь вот же любят враги и завистники про меня лясы точить, перемывать мои косточки. Но умные-то люди сразу разберутся, поймут, что у меня одна забота, как и чем помочь людям в беде, посоветовать...

Мелано поглядела на Пело исподлобья:

— Советуй, не советуй, а смерть никого не обойдет.

— Ну, знаешь, если так думать, то и жить не стоит на белом свете, лучше сразу утопиться в Алазани.

— И как только не надоест тебе языком молоть! — осадил ее Мелано, зло посмотрев из-под морщинистых век.

— Тебе, конечно, нет дела до чужой беды, ты вон двух мужей извела, и хоть бы что! — огрызнулась Пело.

Мелано презрительно посмотрела на Пело, встала и молча отправилась в марани.

2

Степане жил в свое удовольствие. Сдвинув шапку набекрень и разгуливая по селу в синих галифе, в начищенных до блеска сапогах, он поглядывал на всех свысока. Домой он заглядывал редко, зато почти не вылезал из духанов.

Мелано рада была побыть одна. Сделавшись полновластной хозяйкой в доме Джамбара, она распродала многие вещи мужа, купила комод, большую лампу, самовар, швейную машину. В прежние годы она могла лишь мечтать о ситцевых платьях, теперь стала шить себе шерстяные. Купила городские ботинки и, отправляясь на базар, в любую погоду гордо раскрывала новенький зонтик — дескать, смотрите, какая я... А однажды привезла из Сигнахи старый граммофон, завела его и слушала весь день без перерыва.

Мелано расцвела, раздобрела и выглядела моложе своих лет. У нее даже появились женихи, но она не желала выходить замуж, боясь расстаться с вольготной жизнью.

Целые дни Мелано слонялась по дому, ничего не делая, заставляя свою подружку-прихлебательницу Пело стирать белье, печь шоти-пури, выполнять всякие мелкие поручения. Сама же Мелано весь день была занята лишь тем, что придумывала, чем бы покормить своего ненаглядного сыночка. Все остальное ее не интересовало, проходило мимо нее — новая жизнь пробуждающегося Вардиани, будни молодой сельскохозяйственной артели, планы, надежды односельчан...

Однажды под вечер Пело, покончив с домашними делами и разомлев от вкусного обеда, собралась пряхсть. Мелано о чем-то задумалась, позабыв о существовании Пело.

Неожиданно с улицы донеслись пьяные выкрики и нестройное пение. Мелано просияла.

— Пело, дорогая, давай прибираться поскорее. Степане с товарищами идет.

Женщины засуетились. В ворота ввалился полупьяный Степане с сабоутильниками.

— Пожалуйста, гости дорогие, милости просим! — радушно приглашала Мелано гостей.

— Здравствуй, мать, — шумели пьяные друзья Степане. — Мы твоему Степко товарищи самые что ни на есть настоящие.

— Дай вам бог радости, дети мои! — отвечала Мелано.

Степане остановился посреди двора и орал во все горло:

— Бахчо, Валико, Наскида! Друзья мои, идите сюда, хочу поцеловать вас... Это ж мой дом, я здесь глава! И вы здесь чувствуете себя, как дома! Э-эй, вы, что смотрите вокруг, как пьяные бараны? Это вам не духан! А ну-ка, мать, подай им умыться, в фазтоне пыльно было! Побыстрой, поворачивайся, старуха!

— Сагол¹, Степко, сагол! — одобрительно кричали гости.

— То-то и оно! — самодовольно ухмылялся Степане. — А теперь, Пело, неси-ка сюда живых кур, штуки четыре, не меньше...

Пело тотчас же прибежала с курами.

— Вот что, ребята, — распорядился Степане. — Вы все должны заколоть по курице. Ну-ка, раз-два, взяли!

Гости стали весело приплясывать вокруг хозяина.

— Степко, дружище, пусть погибнет моя молодость, если хоть когда-нибудь предам тебя, — не унимался один из гостей.

Мелано и Пело хлопотали по хозяйству. Особенно старалась Пело: ей показалось, что один из друзей Степане, Бахчо, смотрит на нее как-то по-особенному. Она покраснелась от удовольствия и, подавая к столу жареных кур, старалась держаться поближе к Бахчо. Тот уставился на нее пьяными глазами:

— Степко, милый, что это за красавица у тебя в доме живет?

Пело с видом крайнего смущения выскочила из комнаты.

До полуночи шумели гости, но постепенно вино сморило всех, кроме Бахчо. Он не унимался, продолжал шуметь, приставал к товарищам, будил их, но те снова засыпали. Тогда Бахчо схватил Пело за подол и притянул ее к себе.

— Вах, красавица, а ведь ты еще ничего, хоть и старовата.

— Я порядочная женщина и жизнь прожила честно, — солидно отвечала ему Пело.

Только Мелано в этом пьяном угаре смотрела на сына грустными глазами и потихоньку поглаживала его спутанные кудри. Сейчас в ее взоре можно было увидеть искреннее материнское чувство.

¹ Сагол (татарск.) — спасибо.

Новый мельник, назначенный артелью, Гигола, младший брат Ад-
жии, ни в чем ему не уступал. За какие-нибудь два месяца работы он
как и Аджия, завоевал доверие и уважение крестьян.

Гигола любил в работе аккуратность, чистоту, и на мельнице у
него всегда был образцовый порядок.

— Сколько ты можешь смолоть муки за сутки, Гигола? — как-то
спросили его в сельсовете.

— Если напор воды хороший — до десяти пудов.

— А на электромельнице и шестьдесят смолоть можно. Что ты ска-
жешь на это?

— Э-э, этак я в один день дам недельный помол. А что потом
делать буду? Мух считать? — удивился Гигола.

— Не бойся, работы хватит. Из других деревень зерно повезут...

За жерновами для новой колхозной мельницы решили послать Ана-
ния. Он обрадовался поручению — ему давно хотелось побывать в
городе и заодно повидать Гио, сына Джамбара. Юноша, не выдержав
нападок со стороны мачехи и сводного брата, однажды собрал в ко-
томку свою небогатую одежду, положил штук пять шоти-пури и от-
правился искать счастья в Тбилиси. С тех пор он не приезжал в Вар-
диани, только изредка присылал Анания коротенькие записки. В од-
ной из них он сообщил, что работает в трамвайном парке.

Гигола суетился около отъезжавшего Анания и в сотый раз нака-
зывал:

— Ты получше смотри, дядя Анания, чтобы камни были сухие, мо-
лоточком по ним постучи, а то городские — хитрый народ, как бы не
обманули тебя!

Анания и раньше бывал в Тбилиси. Прямо с поезда он решил пой-
ти в трамвайный парк — благо, недалеко.

Гио еще издали заметил его и побежал навстречу.

— Это ты, Анания! Какими судьбами? — радостно воскликнул он.

— Не хочу походить на некоторых, — ответил Анания, — ты те-
перь своих и знать не хочешь, а я, видишь, с поезда прямо к тебе.

— Подожди минутку, Анания! — попросил Гио и ушел. Вернулся
он уже переодетым в чистую одежду.

— А ту куда девал? — спросил Анания.

— Та спецовка для работы.

— Ишь ты! — удивился Анания. — Это хорошо. Плохо только, что
дома не бываешь.

— Разве там у меня дом? — с грустью сказал Гио.

— Надо почаще приезжать, нельзя родное гнездо забывать. У нас
там все на новый лад.

— Нет, я туда никогда не вернусь, разве вот дети, когда подрас-
тут. Они обязательно приедут на землю моих предков.

— Эх, пока они подрастут, мы состаримся.

— Так уж заведено на белом свете, Анания, одни уходят, а их
сменяют другие.

Гио и Анания пошли на склад выбирать жернова. Опасения Гиго-
лы оказались напрасными. Камни им дали новые. Тщательно упако-
ванные, они пестрели множеством этикеток и надписей. Когда заве-
дующий складом вручил Анания жернова, было уже около шести
часов.

Анания сильно проголодался. Уезжая из дому, он прихватил с со-

бой в дорогу шоти-пури, тушинский сыр и кувшинчик вина. И теперь он предложил Гио с завскадом закусить с ним.

Они устроились втроем тут же, у забора склада. Анания произнес тост:

— Друзья мои, — начал он, — сегодня мы сделали хорошее дело: не только для меня хорошее, или для тебя, Гио, или для тебя. Для народа! Мельница в колхозе — большая сила, она облегчает тяжелый труд. Пусть никогда не иссякнет зерно на нашей мельнице, пусть эти жернова работают вечно.

С помощью Гио Анания доставил жернова на станцию, и в ту же ночь они были отправлены в село Вардиани.

Прощаясь с Гио, Анания взял с него слово поскорее приехать в Вардиани.

...Новая мельница заработала. Гигола расхаживал по ней гордый и счастливый. Мельница работала круглые сутки, а зерно для помола все прибывало.

— Давай, давай, Гигола, не робей, да за помол побольше бери. Если мельница станет — тебе и горя мало, — шутили крестьяне.

— Нет уж, мои милые, не надо мне вашего. Советская власть мне зарплату дает. А мельница не станет! Прежде вы перестанете языками молотить, чем мои новые жернова!

4

Мелано все чаще стала упрекать Степане, говоря, что ему пора бы остепениться и заняться хозяйством. Но Степане продолжал жить по-прежнему. Когда материнские наставления надоедали ему, Степане уходил из дому и не заглядывал к матери до тех пор, пока в кутежах и попойках не кончались деньги.

Мелано неделями жила в одиночестве, которое несколько скрашивало лишь присутствие Пело. Она часто бывала у Мелано, терпеливо выслушивала ее жалобы на сына и на свою судьбу.

— Горька наша женская доля, Пело, милая! Ведь вот я все думала, мол, выращу сына, поставлю на ноги, и оплатит он мне теплом и вниманием. А что вышло? И за версту к себе не подпускает, — жаловалась Мелано на свою судьбу. — Вот и покойный Джамбар ушел от меня, и одна я осталась на всем свете. За всех трудись, всех корми...

— Да кого ты кормишь, Мелано, кроме собственного сына? — перебила ее Пело.

— Как это кого? А кто каждый месяц этому обормоту Гио посылает в город полные хурджины¹? — возмутилась Мелано.

— Всем известно, что Гио теперь живет самостоятельно, говорят, хорошо зарабатывает...

— Да тебе-то откуда знать? Ха-ха-ха! — сердито рассмеялась Мелано. — Ты скажи лучше, много ли на мельнице народу? — резко переменяла она разговор.

— А что?

— Сходила бы да отнесла хоть немного зерна смолотить. Вечером Степане с товарищами может прийти, а свежего хлеба нет.

— Они же только вчера были!

— Ну и что же, что были. И сегодня придут. Это все нужные нам люди. Через них Степане на работу устроиться хочет.

¹ Хурджин — переметная сума для продуктов.

— А как же Гио без нужных людей устроился? Не то время теперь, милая!..

— Замолчи ты! — прикрикнула на соседку Мелано. — У тебя только и разговору, что Гио! Подумаешь, устроился... Только и делает там, что на своем трамвае катается... Для этого много ума не требуется.

— Что-то больно ты горячишься, Мелано, — Пело многозначительно посмотрела на свою собеседницу. — Посмотрим на твоего Степане.

— Ты себе помалкивай да не вздумай сплетни про меня распускать, — оборвала ее Мелано. — Лучше неси-ка зерно на мельницу да поскорей возвращайся.

Пело покорно поплелась на мельницу с мешком за плечами.

5

На мельнице, кроме Гиголы, работали еще два механика. Но Гигола считался главным.

— Эй, где здесь мельник? — громко крикнула Пело, стоявшая посреди двора.

— Чего ты кричишь? — осадил ее Гигола. — Человека, по-моему, надо звать по имени.

— А разве ты не мельник?

— Да, я работаю на мельнице, но зовут меня Гигола, ясно? — решительно ответил Гигола и, заглянув в свой список, добавил:

— Ты будешь двадцать третья.

— Что ты? Я тороплюсь — гостей должна встречать и свежий хлеб испечь.

— Ничего не поделаешь, люди ждут, они раньше тебя пришли.

Пело решительно подошла к Гиголе и с жаром зашептала ему на ухо.

— Я от Мелано... Поскорей бы... А тебе бутылку водки...

Гигола вдруг изменился в лице, выпрямился и отстранил Пело.

— Какая водка? — закричал он так громко, что лежавшая в яме свинья испуганно вскочила с места. — Да как ты смеешь? — все больше распалялся мельник. — И почему она тебя посылает на мельницу? Ты что у нее прислугой работаешь? Очередь твоя будет двадцать третья. Оставь мешок с зерном, сейчас же отправляйся обратно и передай Мелано, чтобы за мукой она соизволила сама прийти... Не старое теперь время, чтобы ее прислуга обслуживала.

— И то правда, — бормотала смущенная Пело, — довольно с меня! А ты, Гигола, оказывается, настоящий человек.

6

После удачной поездки Анания в город ему поручили закупить в Цители-Цкаро полтонны купороса для виноградников.

На селе было беспокойно. Кулаки то и дело подсылали к Анания своих людей с угрозами: прислушайся, мол, к нашим предостережениям, брось работать на дьявола, не то...

От этих угроз Анания делалось не по себе. Под полой чохи он носил кинжал, все время настороженно озирался: то из-за угла, то из-за забора часто мерещилось ему ружейное дуло...

Во вторник на рассвете он вышел из дому и отправился в Цители-Цкаро. Ему хотелось до восхода солнца выйти из села незамеченным. Оставив в стороне шоссейную дорогу, Анания свернул на окольную тропинку и быстро зашагал вперед. Но не прошло и получаса, как у него

вдруг подвернулась нога, он споткнулся о камень. Взглянув под ноги, он с досадой выругался: лопнул шнурок на одном каламани. Теперь возись тут с ним, снимай, завязывай, снова надевай... А время идет, солнце поднялось уже высоко. Глаза застилает пот, ноги заплетаются от усталости, а деньги, как назло, топорщатся за пазухой. Анания хотел было переложить их в боковой карман, да поленился.

К полудню он миновал Арбошикскую дорогу и вышел к Гедикскому ущелью у самого духана. Мелькнула соблазнительная мысль пропустить стопку водки, но Анания удержался от соблазна и решительно зашагал мимо. В это время за спиной раздался чей-то голос:

— Послушай, куда это ты так спешишь? Зайдем в духан, выпьем по стаканчику... Или, раз ты в артели состоишь, то и знать нас не хочешь?!

Анания оглянулся: насмешливо шуря глаза, у самой двери духана стоял Баса и широким жестом приглашал подойти поближе.

Делать было нечего. Анания пришлось зайти в духан. Здесь за столом сидело человек десять, все сильно подвыпившие. Увидев Анания, они весело зашумели, потеснились, усадили гостя и сразу поднесли ему рог вина.

— За ваше здоровье, ребята!—произнес Анания и залпом осушил рог. Потом низким голосом затянул «Мравалжамьер». Несколько голосов поддержали песню.

За песней последовал новый рог, потом еще один.

— Скоро им конец, — донеслось до Анания с дальнего конца стола, — будут знать, как виноградники обобществлять! — Анания ясно услышал угрожающие нотки в голосе говорившего и собрался уходить: ведь не справиться же с кулацкими прихлебателями ему одному.

— Нет, сиди, — сурово приказал кто-то, подошедший сзади, и положил ему на плечо тяжелую руку.

Анания медленно опустился на табуретку, не решаясь оглянуться, на лбу выступил холодный пот. В воцарившейся неловкой тишине неожиданно распахнулась дверь, и на пороге появился мельник Гигола.

— А-а, как раз тебя нам не доставало! — насмешливо крикнул Баса.

— Он, должно быть, своего дружка ищет! — в тон ему откликнулся сосед по столу.

— Еще бы — ведь Анания ему камни из города привез! Скоро эти камни ему на грудь лягут, погодите...

Гигола опасливо посмотрел на сидевших за столом. Явно запахло скандалом, Анания почувствовал это и вскочил с табурета. Баса быстро схватил бутылку за горлышко и метнул ее в Анания. Но тот ловко уклонился. Тем временем кто-то с такой силой ударил его в подбородок, что из глаз посыпались искры.

Все повскакали с мест, накинулись на Анания и Гиголу, скрутили им руки, свалили на пол. Анания защищался изо всех сил, ни на секунду не забывая про артельные деньги за пазухой. «Если они вывалятся...» — сверлила мозг неотвязная мысль. Но вот Анания изловчился, вырвался из рук нападающих и вскочил на ноги.

Вдруг какой-то неожиданный и непонятный глухой, зловещий гул прокатился над духаном, земля качнулась и стала уходить из-под ног. Стол накренился, посуда со звоном посыпалась на пол. По потолку прошла широкая трещина. На головы пьяных посыпалась штукатурка. Земля качнулась еще раз. Напуганные до смерти, орущие люди кинулись бежать, тесня и подминая друг друга в дверях.

Гигола схватил избитого Анания за руку и вместе с ним выбежал на улицу.

Уже поздно вечером Анания рассказывал Ладо о том, как ему, благодаря землетрясению, удалось избежать расправы кулаков, как он и Гигола доставили деньги в Цители-Цкаро, как договорились о доставке купороса в Вардиани.

— Кулаки видят в тебе грозного противника, — взволнованно прервал его Ладо. — Это, мой друг, большая честь. Но не так легко запугать наших людей, верно, Анания?..

7

В доме Анания все было новое. После пожара пришлось обзаводиться даже новой люлькой для малыша.

Магдана обычно готовила ужин во дворе. За стол садились Ладо и Анания и вели долгие беседы о колхозных новостях, о посевах и виноградниках, о бесчисленных хозяйственных делах.

Руководителям колхоза села Вардиани приходилось нелегко. Первое время крестьяне неохотно вступали в артель, верили враждебным слухам, что весь скот будут отбирать насильно, коллективизируют детей и жен, заставят всех кушать одно и то же. Многие украдкой резали коров и овец, чтобы только они не достались артели, а мясо везли продавать на базар.

Лишь месяца через три после организации артели многие вардианские крестьяне начали преодолевать свой страх.

Как-то в субботу, после обеда возле конторы собралось много народу. Некоторые из желающих вступить в колхоз решили сразу же привести с собой свой скот, и между группами людей толкались и блеяли бараны, мычали коровы, неподвижно стояли с закрытыми глазами буйволы.

Анания и радовался, и недоумевал — чем объяснить такой наплыв. У руководителей колхоза сразу появилось много забот: как лучше устроить обобществленную скотину, как поговорить с колеблющимися, чтобы не ошибиться, не нажить колхозу врагов на всю жизнь!

Один крестьянин, сдавая своего вола, заявил:

— Это единственный мой кормилец. Была не была — жертвую его вам! — и вытянул вола вдоль спины плетью.

— Колхоз ни от кого не требует жертв, — ответил Гигола. — Твой вол останется твоим кормильцем, и еще десятки других добавятся!

«Безбородый Кирко привел своего вола», — записал в учетную книгу Анания.

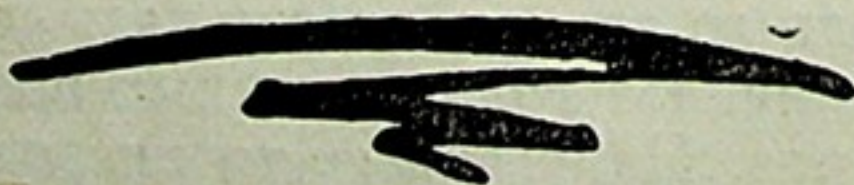
— Подпишись вот в этом месте! — протянул он бумагу Кирко.

— Ты, брат, скажешь! Откуда мне грамоту знать? Нашел тоже дьякона! — возразил ему Кирко.

— Ну хоть палец приложи!

Кирко внимательно поглядел на свой большой палец, обмакнул его в чернила и поставил на бумаге жирный крест.

Продолжение следует

Бродячие сапоги

Старую боль не гасят долгие сроки.
Старая боль поднимается из глубины.
Затягивайтесь,
сходитесь, все мои строки,
тугой петлей
на дубленом горле войны.

Праведная земля моя, цветущая,
пестрая!

Для тебя
глаза мои зоркие,
мое вечное бодрствование...
Чтобы пшеница под сапогами не
билась,

чтобы от гари
не свертывались ростки,
чтоб не забылось это,
чтоб не забылось
до последнего,
до гробовой
доски.

...Пыльные гимнастерки,
женской слезой ошпаренные.
О расставание... Где наберешься сил?
Куда вы сгнули?
Где вы лежите, парни,
безымянные мои сверстники,
без могил?

Где-нибудь в синих лесах и
в ущельях, и в плавнях...
Пухом ложись вам земля и цветы,
и снега.

Не потухает и не стареет пламя,
доброе пламя вашего очага.
И поколение вашей породы
мужественной
ваши песни поет и за вами встает.
И у врага зрачки багровеют

в ужасе —
страх его обуревают, и дрожь его
бьет.

Ты наливайся, колос жаркого хлеба...
Ты поднимайся, голос, в яркое небо...
Те, кто родину преобразуют милую,
те, кто в страну-целину совершили
поход,
те, кто возводят леса в синеву нашу
мирную,

те и войну возводят
на эшафот.

На сады, опьяненные цветом и соком,
саранчой на рассвете налетели враги,
и по трактам,
по улицам,
по проселкам
гремели
сапоги...

Первое стихотворение Шота Нишнианидзе напечатано в 1946 году. Сборники стихов вышли в 1956, 1959 и в 1960 годах. Ныне в Москве в издательстве «Молодая гвардия» готовится к печати сборник стихов Ш. Нишнианидзе на русском языке.

сапоги...

сапоги...

И никла трава обожженно и грустно,
и домов пепелища застыли горьки,
и земли позвоночник
не прогнулся, не хрустнул:
хотя по нему —

сапоги...

сапоги...

сапоги...

И нахлынул огонь. И багровые
краски —
от окна до окна, от реки до реки...
И в пожары вошли, и в разруху, как
в пляску,

сапоги...

сапоги...

сапоги...

сапоги...

Но кто вновь оденет войны сапог
на горе и гибель людям,
тот, кто оденет такой сапог, —
пусть же он проклят будет!

И тот, кто сошьет такой сапог
на горе и гибель людям,
тот, кто сошьет такой сапог, —
пусть же он проклят будет.

Ты набери, наборщик, стихотворение,
строк моих гневных и жарких мечи
набери.

Голос сердца нашего поколения,
не затихай,
усиливайся,
гори!

Ложитесь, свинцовые строки,
надежно и ровно.

Не удивляйся, наборщик, взглянув
за кордон,

что где-то там, за кордоном,
штампуют патроны,

и рыло свинцовое вытянул каждый
патрон.

Те, кто родину преображают милую,
те, кто в страну-целину совершили

поход,

те, кто возводят леса в синеву нашу
мирную,

те и войну возводят
на эшафот.

Земля ожила. Она дышит ласково.
Являйся, труженик: строй, паши!..
А в касках вражеских — гнезда
ласточек,
а блиндажи заросли, как межи,
а в гильзы ветер степной
насвистывает,
весенние песни свои поет.

Все. Не топтать сапогам неистовым,
Россия-матушка, тело твое.

Кончилось. И навсегда. Навечно.

Над братской могилою

в небеса

встал обелиск остроконечный,

словно кулак —

войне

в глаза.

Перевод Б. Окуджава.

Мухран Мачавариани

* * *

Солнце —

Куда ни глянешь.

Оно затопило село.

Полдень.

Ни скрипа изгороди, ни ветки
качания.

Лишь сонная птица испуганно
вскинет крыло,

и снова:

полдень,

зной,

тишина,

молчание.

Склоны замерли.

Лес стоит недвижим.

Ветер повис бессильно...

Но снова и снова

все

словно молит нелегким молчаньем
своим:

— О человек!

Говори!.. Хоть единое слово!

Перевод Б. Окуджава.

* * *

Очень вкусные мчади печешь ты,
наверно,—

как хотел бы тебе я помочь!

Тяжко слушать одной

завывание ветра

в эту лунную зимнюю ночь.

В этом вое протяжном Вселенная

тонет...

Наша кошка урчит у огня,

Мухран Мачавариани с 1949 года печатается в республиканских газетах и журналах. В 1955 году вышла первая книга стихов. В 1957 году издан сборник «Красное солнце и зеленая трава». В 1958 году — два сборника на русском языке. М. Мачавариани — лауреат VI Всесоюзного фестиваля молодежи.

у калитки во тьме

тополь погнутый стонет,

потому что нет рядом меня.

Ты стоишь у огня и готвишь

приправу,

фартук латаный свой теребя.

Вот ты ищешь сакеце¹—
сакеце пропало,
а сакеце в руках у тебя.
— Будет буря, наверно,—
толкуют крестьяне,
покупая в сельпо керосин.
«Запоздала из города почта
с вестями.
Что там делает нынче мой сын?..»

...Лунный свет надо мной будет
бережно литься,
ибо тот, кто влюблен на Земле
в этот свет,
в солнце красное
и в зеленые листья,—
никогда не собьется во мгле...

Перевод Э. Иодковского.

Речка Лашура

Не спит Лашура...
Течет Лашура...
Лашура думает
и удивляется:
— Восходит солнце
так ярко, шумно,

¹ Сакеце — ухват.

Луна ж так тихо
появляется.

Не спит Лашура...
Течет Лашура...
И удивляется.

Перевод Н. Тархнишвили.

Нодар Тархнишвили

Старое дерево

Когда придут то дерево срубить,
ты уходи, ты не гляди на них.
Когда начнут то дерево рубить,
не слушай ты, пока топор не стих,
пока из тела рвут клочками мясо,
сжимает листья судорога смерти—
там прошлое твое,

оно погаснет,
те ветви больше не захватит

ветер...
Они пришли то дерево срубить,
Они пришли то прошлое убить,—
Ты уходи, печаль в груди смирив,
иди в другую жизнь,
иди легко и просто,
увидишь ты — огромен этот мир,
он обновленья ждет,
он ждет потомства.

Нодар Тархнишвили—студент 4-го курса филологического факультета Тбилисского пединститута. Первое стихотворение было напечатано в 1958 году в ленинградской газете «Смена». Перевел с грузинского стихотворения М. Мачавариани, Т. Чиладзе, Д. Чарквиани.

Мераб Элиозишвили в 1956 году окончил факультет востоковедения Тбилисского университета. Первые рассказы напечатаны в 1958 году в журнале «Цискари». Активно работает также в жанре художественного очерка.

Дорога длиною в тысячу километров

ОЧЕРК

Тысячи километров прошагали они по горным дорогам. И все идут вперед.

Идут Кида Гарозашвили, Шакриа Читишвили, Шио Тезелашвили, Георгий Башараули, Иосеб Павлиашвили... Самому старшему уже восемьдесят лет, а младшему — нет и двадцати. Одного провожают до сельской околицы внуки, другого — молодая жена. Шумным потоком стремятся в долину отара, и, как высокие избы в половодье, чернеют в этом потоке тут и там огромные папахи пастухов.

Глубокие старцы не могут спуститься с отарой до самой долины по горной тропинке, быстро устают их дрожащие колени. И, остановившись на полпути, они долго смотрят сверху вслед односельчанам. Сердца их там, с отарой, в долине. Они снимают мохнатые папахи, медленно оттирают пот, стекающий по щекам, и так, без шапок, усаживаются на камнях.

- Помнишь, Шашо...
- Помнишь, Ладиа...
- Помнишь, Сака...

* * *

В начале прошлого года мне пришлось побывать на зимних пастбищах. Конечно, для того, чтобы близко познакомиться с работающими там людьми, времени было немного. Молчаливые, скупые на слова сыны гор на десять вопросов давали один ответ, да и то после долгих колебаний и уговоров.

Почти все это время я провел среди овцеводов Ленингорского района. Многих из них я знал и раньше, со многими познакомился в этот приезд.

Вот Иосеб Павлиашвили, медлительный, немногословный парень,

стоит перед загонем для ягнят и хворостинкой пересчитывает его беспокойное население. Он что-то бормочет себе под нос, улыбаясь в усы. Может быть, просто считает вслух? Незаметно подкрадитесь к нему, чтобы поглощенный работой Иосеб не услышал ваших шагов. Не то он сразу захлопнет дверь загона, прекратит счет и строго пригласит вас к себе в бину¹. Мне удастся подобраться к нему, и, остановившись за его спиной, я слышу:

— Один, два... ух ты, мой черноглазый... Три, четыре... хороший вожак из тебя выйдет... Десять, одиннадцать, а у этого глаза пестрые... Двадцать, один, два... Дорогие вы мои, беспомощные... Сто, сто один, сто два... Вардо, эгей, Вардо! Поди сюда, гляди—ягненок какой скучный, как бы не заболел!.. Сто шестьдесят, сто шестьдесят один, два, три...

Вот районный ветеринар. Он из Имеретии, но всю жизнь прожил здесь, в Карталинии. И все-таки все повадки его и вспыльчивость выдают уроженца Западной Грузии. Он выделяется среди спокойных, неторопливых в движениях карталинцев, как будто человек, проспавший трое суток подряд, попал в среду тех, кого мучит бессонница.

Георгий Башараули — «Красный Георгий» — все так же напоминает красную скалу, как и десять-пятнадцать лет назад.

И, наконец, братья Читишвили, которые вместе со своими друзьями создали бригаду коммунистического труда. Двадцать человек, объединенных в этой бригаде, составляют одну семью с одним сердцем и с сорока сильными руками...

Вот те люди, о которых я хочу рассказать.

«МОРОЗ ЛОМАЕТ КАМНИ»

Ворон в отчаянии бьется о стекло. Окровавленным клювом, грудью, разбитыми крыльями стучит он в окно. Потом, обессиленный, падает вниз и, с трудом ухватившись когтями и клювом за нижнюю раму окна, замирает, чтобы перевести дух и набраться сил. Потом снова ерошит крылья и вместе с вихревым потоком ветра ударяется в заледеневшее стекло.

С тех пор, как море уступило суше эти места, с тех пор, как называют их Ногайскими степями, никто, даже старые вороны, не упомнят такого мороза и такого снегопада.

...Иосеб снимает со стены ружье, открывает затвор, закладывает патрон.

— Не надо, Иосеб, оставь. Он ведь не каркает. Птица в беде, просит помощи. Много лет прожил я на земле, но никогда не слышал, чтобы ворон у человека защиты искал...

Буран несется над Ногайской степью. Ничто не может преградить путь разъяренному белому дракону, грозно несущемуся над степями. В ярости, со снежно-ледяной пеной на губах бросается он то вперед, то в стороны. Потом закружится на месте, расстелется низко над степью или вздыбится до самых небес. Буран рвет и мечет, ломает и бросает оземь все, что встречается ему на пути...

В комнате зябко дрожит огонек лампы, в ней почти не осталось керосина. Вокруг стола молча сидят пятеро пастухов. Арсен — уже почти старик. У него до колена отрезана одна нога, и вместо нее — самодельная деревяшка. Рядом с ним — одноглазый старик Сака. Дальше — трое совсем молодых, еще безусых пастушат. У окна, опираясь на ружье, стоит широкоплечий молодец лет двадцати-двадцати двух — Иосеб Павлиашвили.

В комнате тишина. Доносится заунывный вой ветра. В перерывах между порывами ветра слышнее крик изголодавшихся овец и ягнят.

Арсен не может слышать жалобного блеяния голодной отары. Словно кто-то колет его сотней иголок, кожа чешется и зудит. Он потирает спину, ожесточенно трет уши, потом обеими руками хватается за голову. Он забывает обо всем на свете, деревяшкой машинально роет земляной пол.

¹ Бина — жилище пастухов.

Старый Сака тоже не может слышать крика голодных овец. Он с такой силой затыкает мизинцами уши, словно хочет насквозь проткнуть себе череп. Его единственный глаз злобно сверкает. Молодые пастухи не выдерживают этого взгляда, их лица бледнеют, головы бессильно повисают.

Невиданная зима стоит на кавказских пастбищах. К концу февраля истощились запасы кормового сена. Пришлось ободрать крыши старых шалашей, чтобы прокормить овец. Но надолго этого хватить не могло. Голодные овцы щипали шерсть друг у друга. Обреченные на голодную смерть сайгаки, преодолевая извечный страх перед человеком, подходили к отарам. Кругом валялись сотни обглоданных сайгачьих скелетов. Обожравшиеся мясом собаки необыкновенно растолстели.

...Старый Сака сверлит стены бины своим единственным глазом. Заслышав бляние истощенных овец, Арсен начинает рыть землю деревянной ногой.

Мороз звенит сотней тысяч стрел, летящих между небом и землей.

У окна, по-прежнему опершись на двустволку, стоит Иосеб и глядит в затянутое сплошным морозным узором окно. Заведующий фермой, который отправился в Кочубей за кормами несколько дней назад, все не появляется.

...Бешеный порыв ветра подхватил изнуренного бесцельным сопротивлением ворона и с силой швырнул в окно. Послышался треск разбитого стекла, птица влетела внутрь и упала у стола. Сака не шевельнулся. Арсен глянул в сторону разбитого окна, потом перевел взгляд на трепетавшего возле стола ворона. «Какой он черный», — пронеслось в голове у Арсена. Иосеб молча переступил с ноги на ногу. Трое молодых пастухов одновременно вскочили, с надеждой посмотрели на старших и сели.

Керосин в лампе кончился. Двумя трепещущими языками взметнулось пламя и лизнуло стекло. Сквозь разбитое окно явственней донеслось голодное бляние. Иосеб схватил со скамьи овечью шкуру и заткнул ею пустую оконную раму.

Темнело...

Все шестеро, занятые выделкой шкур погибших овец, одновременно почувствовали усталость.

— Ложитесь спать, — сказал Арсен молодым пастухам. Они легли на тахту, покрытую овечьими шкурами и бурками. У стола остались трое: Арсен с деревянной ногой, одноглазый Сака и Иосеб.

— Однажды, когда я был твоих лет, Иосеб, лавина сбила меня с ног и утащила в ущелье. Это случилось утром, и только в полдень нашли меня. — Старый Сака говорил быстро, без передышки, вперив в Иосеба свой горящий взгляд. Иосеб взглянул на Арсена, Арсен на Саку.

— Оставь паренька, старый. В такую погоду собаку не выгонишь во двор.

«Кратчайшая дорога к запасам корма — по Борцхвскому ущелью до тринадцатого полустанка. Пешком километров пятнадцать. Оттуда поездом до Кочубея. Ветер с востока, а Борцхвское ущелье протянулось с севера на юг. Там идти будет легче...» — Иосеб, не произнося ни слова, прямо смотрел в единственный глаз Саки.

— Если через пять дней не доставить сена, полягут все овцы до одной, — в голосе старика не было тени колебания или сомнения.

— Собаку во двор выгнать жалко, — ни к кому не обращаясь, повторил Арсен.

С клюва трепыхавшегося в углу ворона капала кровь. Обуглившийся фитиль лампы густо чадил. Сака осторожно снял стекло и двумя пальцами потер фитиль, снимая нагар. В комнате на мгновение стало темно. Старый Сака кончиком языка отер скатившуюся по щеке тяжелую слезу...

Дважды за ночь утихал буран, но к утру белый дракон бесновался в степи с прежней силой...

Как могучий бук, стоял старый Сака перед биной. И только слепой глаз, словно затянутый ледяной пленкой, оставался безжизненным на его лице.

Деревяшка одноногого Арсена по колено ушла в снег, здоровая нога оставалась сверху. Но не порывы ветра согнули пастуха. Безусые юнцы тесно прижимались друг к другу, как птенцы из одного гнезда.

Иосеб в последний раз оглянулся, быстрым взглядом окинул застывшие, как изваяния, фигуры друзей и шагнул навстречу ветру. Плотный крутящийся вихрь преградил ему дорогу. Но Иосеб выпрямился, как будто лег на завесу ветра, и грудью раздвинул бешеную сумятицу снега, песка и льдинок. В Ногайской степи начался поединок человека с бураном.

Три километра надо пройти до Борцхвского ущелья. Три километра, три тысячи метров. С зимних пастбищ до летних — восемьсот километров. Восемьсот километров до кишлаков. Когда баранта забьет дороги, отара пойдет за отарой, — тогда весь путь пройдешь и не присядеши. Овец ведь не остановишь, сзади подпирают другие. Шагай, Иосеб!

Двадцать дней шагают пастухи за отарами. Изредка урвешь время отдохнуть, вздремнуть, но что за отдых на расшатанной, переваливающейся на ухабах горной дороге арбе! Снова вскакиваешь, становишься во главе отары. Тысячи овец безостановочным потоком идут друг за другом. Мутный туман, поднятый тысячами копыт, застилает солнце, забивает пересохший рот. «Кнац-кнущ, кнац-кнущ», — скрипит мелкий, словно просеянный сквозь сито, каспийский песок на белых зубах пастуха...

Порыв ветра бьет Иосеба по коленям. Споткнулся Иосеб, обеими руками зарылся глубоко в снег. Опустил голову, отогнул овечью шкуру на груди и стал жадно вдыхать теплый воздух... Глянул на часы.

Уже три часа идет он, но Борцхвского ущелья не видать. Все труднее становится дышать. Вздох. Пять шагов. Потом надо остановиться, повернуться спиной к ветру, спрятать голову в овечью шкуру и снова наполнить легкие теплым воздухом. И опять повернуться грудью против ветра и лечь всем телом на плотную, желто-белую стену. «Кнац-кнущ», — песок скрипит на зубах. Иосеб идет вперед.

Ему было четырнадцать лет, когда впервые пришлось прошагать восемьсот километров от эйлагов до кишлаков. Это были первые восемьсот тысяч метров в его жизни. Тогда впереди отары шел главный чабан Сака, а Иосеб, как отставшая хромая овца, тащился позади.

...Раз-два, раз-два — устремившись всем телом вперед, упрямо пригнув голову, Иосеб идет все дальше. Овечьи копыта мелькают перед глазами. Знакомый путь — от эйлагов до кишлаков...

Сколько прошагал он за эти годы? Пожалуй, больше двенадцати тысяч километров.

...Раз-два, раз-два, rrrrr... Как вода в половодье, неудержимым потоком идут овцы...

Может, Иосеб сбился с пути? Уже три часа, а он вышел на рассвете. Давно уже пора было показаться Борцхвскому ущелью? Нет, сбиться с дороги он не может, рано или поздно — все равно должен добраться до этого ущелья. Выше или ниже, позже на два-три часа, но он дойдет; непременно дойдет.

Еще раз поворачивается Иосеб спиной к ветру, становится на колени, пригибается к откинутой с груди овечьей шкуре и дышит согретым у сердца воздухом. Еще раз подымается, преодолевая сопротивление плотной завесы ветра, и идет вперед. Дышать трудно. Воздуха в легких хватает на пять шагов, потом он подкатывает к горлу, напирает на ровную стенку белых зубов Иосеба. Но пастух идет, он сжимает зубы, кожа на скулах натягивается, как на барабане.

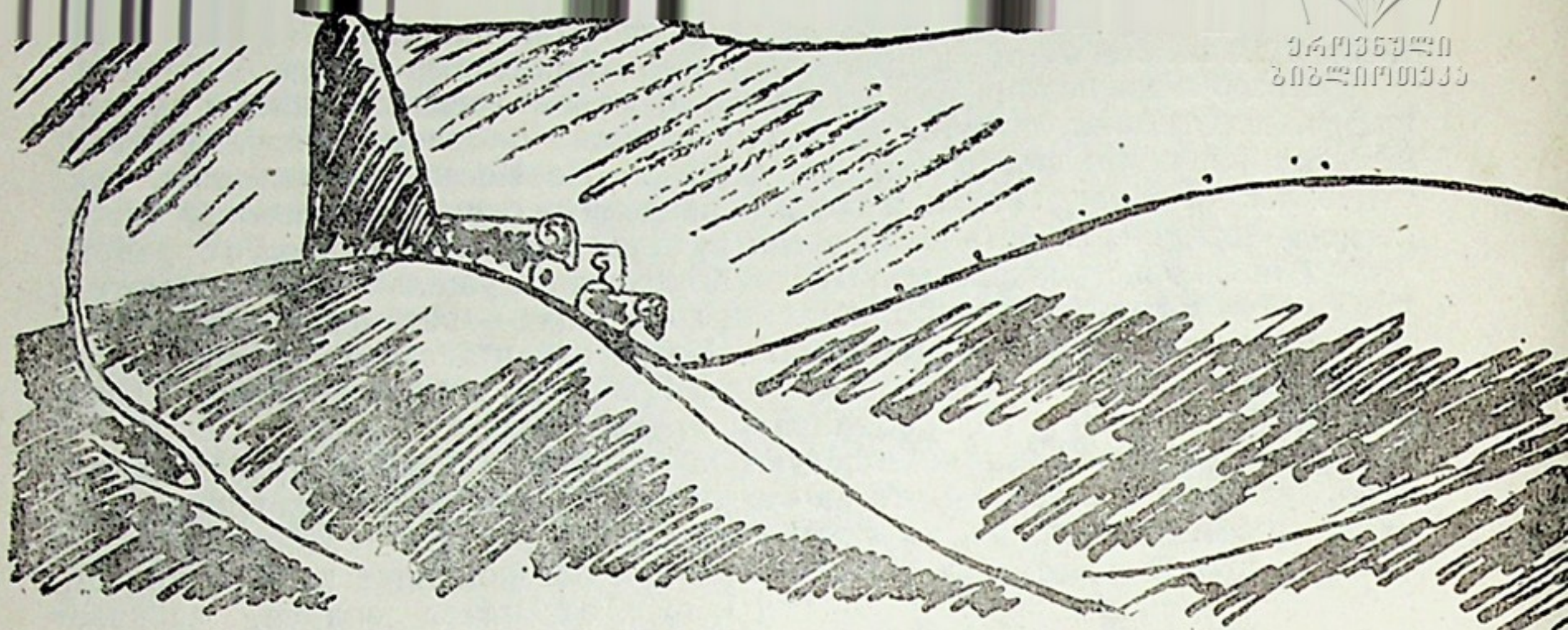
Иосеб идет...

В Борцхвском ущелье ветер не так силен. Зато снегу навалило по самые плечи.

...Тринадцатый полустанок. Иосеб вместе с железнодорожниками расчищает пути, откапывает паровоз, занесенный снегом.

...Стога сена в Кочубее наваливают на танки.

Пятьдесят километров отсюда до бин. Два дня и две ночи идет Иосеб перед танками, выбирая путь, показывая кратчайшие переходы.

Пастухи расскажут вам, как добрался Иосеб до пастбищ, как были спасены овцы от голодной гибели.

Сам Иосеб ничего не говорит, ни о чем не рассказывает. Мужчине не пристало много говорить.

СЕРГО КАШМАДЗЕ, ВЕТЕРИНАРНЫЙ ВРАЧ

Никто из нас уже не может держаться на ногах, и мы, все четверо, лежим на походных кроватях высокогорного ветпункта. Если кто-нибудь, собравшись с силами, подымается за стаканом воды, тотчас все просят: «И мне воды, и мне». Должно быть, великолепное зрелище представляем мы сейчас: от четырехдневного тяжелого путешествия верхом ноги наши так искривились, что между ними свободно пройдет средней величины котел. Как будто вместо ног нам кто-то привязал старые и ржавые пружины, колени подгибаются, и с трудом удается их разогнуть.

Комнату прорезают солнечные лучи с мириадами пылинок. Лениво жужжат переспавшие зиму мухи. В носу неприятно щекочет от запаха креолина.

Заведующий ветпунктом Дмитрий Качахидзе на рассвете отправился в районный центр за лекарствами. Накануне он обещал вернуться к пяти часам и одолжить нам свою машину. И так, мол, жалко вас: отмахать по двести километров на конях с непривычки — не шутка.

Обрадованные этой перспективой, мы, в свою очередь, наобещали Дмитрию тысячу вещей. Он в ответ лишь благодушно ухмылялся. Один из нас взял обязательство при посредстве газеты «Сабчота Осети» сообщить всему свету об образцовой работе ветпункта и фермы, которые тот обслуживает. Другой объявил: как только вернемся, расскажу о вас в обкоме комсомола. Третий также готов был совершить в честь ветврача бог знает какие подвиги.

На следующее утро, раньше, чем солнце показалось над Ногайской степью, Дмитрий уехал...

В комнате — четыре кровати и один стол. На нем радиоприемник. Рядом — стопка тетрадей с записями ветврача. «Гу-гу-гу-гrrrr», — приемник гудит назойливо и однообразно, но никто не в силах подняться, чтобы настроить его. наших сил хватило лишь на то, чтобы перетащить ведро с водой поближе к кроватям. стакан пошел гулять из рук в руки. В комнате стояла дремотная тишина, всех одолевал сон.

Я посмотрел на часы. Полдень. Слышится богатырское похрапывание ребят. Кто-то открывает дверь, доносится громкое приветствие. Полузажмуренными глазами я глянул в сторону прищельца. В дверях стоял человек средних лет, невысокий, в грубошерстных штанах, заправленных в солдатские сапоги. Серая куртка распахнута, из-под нее виднеется кожаная безрукавка, застегнутая на все пуговицы, и защитного цвета рубаха. Лицо красное, обветренное. Густая шевелюра и торчащие усы начинают слегка седеть. Живые глаза, которые быстро и внимательно оглядывают поочередно каждого из нас. Нос с горбинкой. В усах прячется улыбка. Нижняя губа, как взведенный курок, подпирает верхнюю. Словом, не мужчина, а боевая винтовка.

Но для нас сейчас все равно. Гоги, Валико и Нодар продолжают беззаботно храпеть. Я с трудом заставляю себя окончательно проснуться и спрашиваю:

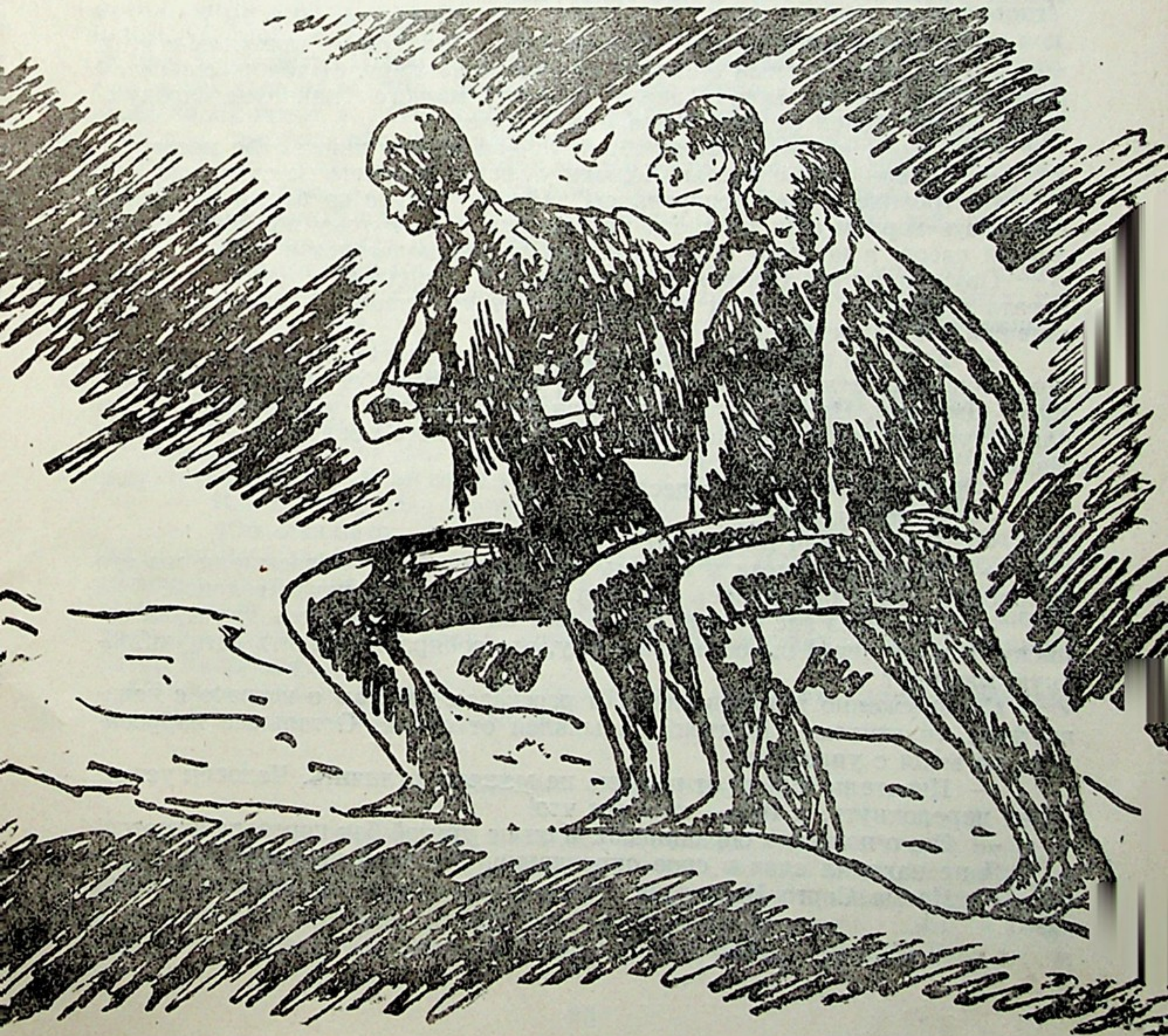
— Кто вы будете?

— Пастух здешний. Услышал, что вы приехали из города, зашел узнать новости. — И в свою очередь спросил: — А вы сами кто такие?

— Комсомол, газета, журнал, — перечислил я.

— Охо-хо, — пастух два-три раза так прищелкнул губами, словно где-то взвели курок.

— Ожидаем машину, Дмитрий обещал, — принялся неохотно объ-

яснять я. — К пяти часам собираемся отправиться на ферму Дадианети по важному делу...

И последнее, что я смог произнести, зевая и потягиваясь:

— Если вам не трудно, разбудите нас к четырем часам.

Глаза мои сомкнулись, я повернулся к стене.

Может быть, подумалось мне, не совсем удобно так по-барски отворачиваться от этого решительного, быстрого в движениях человека. Пожалуй, у него слишком нежная кожа на лице и изысканный для пастуха наряд, у этого человека с едва заметным имеретинским акцентом. Но сон мешал размышлениям...

Поворачиваясь с одного бока на другой, я вспомнил, что надо посмотреть на часы. Было начало четвертого. Я увидел, что пастух сидел у стола, положив ногу на ногу, и что-то писал. В руках у него была позолоченная авторучка, тыльным концом которой он время от времени потирал свои усы. Но и на этот раз я не смог преодолеть сонной одури и, повернувшись, уснул.

...Разбудили меня голоса товарищей. Солнце уже спряталось за горизонтом. Не видно было нигде и того пастуха.

На столе под стеклом мы обнаружили две записки.

«Ягнята гибнут. Причину установить не удалось. Как только придешь на пункт, отправляйся ко мне.

С. Кашмадзе. 2.4.59 г.».

Вторая записка была адресована нам:

«Товарищи! Очень извиняюсь, что не смог выполнить своего обещания. Поездку на ферму Дадианети придется отложить до завтра. Меня срочно вызывает ветврач Серго Кашмадзе.

Д. Качахидзе. 2.4.59 г.».

Мои товарищи обещали дадианетским пастухам приехать к пяти часам и устроить своими силами небольшой концерт. И теперь они очень волновались, что не могут сдержать слова, данного накануне заведующему дадианетской фермой Сашо Беридзе.

Здоровый, как бык, Валико Бедошвили не мог найти себе места:

— Вы во всем виноваты. Лежали у дверей и ничего не слышали!

Настроение у всех испортилось. Никто из нас не был в состоянии проделать верхом еще тридцать километров. Да к тому же было около девяти часов, а концерт самодеятельности предполагался в пять.

Поужинали мы без всякого аппетита. В ожидании Дмитрия стали играть в шашки. Но перед глазами все стояла записка ветврача, нарушившая все наши планы.

— Если бы мы не спали, как мертвые, то встретились бы с тем врачом. Пожалуй, если ничего серьезного, можно было бы припрятать записку от Дмитрия. Часа за три закончили бы свои дела и вернулись. Что такое три часа для ягненка, пусть даже самого больного, — ворчал Валико.

...Дмитрий вернулся к десяти часам.

— В чем дело?

— Что за врач приходил?

— Неужели ягнята и впрямь мрут, как мухи, — засыпали мы его вопросами. Он в ответ лишь смеялся и отрицательно качал головой.

— Кто-то из вас обидел Серго, вот он и оставил здесь для меня записку! Какого черта вы объявляли ему, что собираетесь взять ветпунктовую машину?

Сконфуженно потупив глаза, я рассказал ребятам о встрече с неизвестным «пастухом». Дмитрий задыхался от смеха. Остальные набросились на меня с упреками.

— Писатель! Врача от пастуха не можешь отличить. Человек устал, хотел передохнуть, а ты — хоть бы что!

— Его о новостях спрашивают, а он на другой бок переворачивается!

Я не находил слов в свое оправдание. Дмитрий не унимался.

— Кроме Серго Кашмадзе, никто не догадался бы сыграть с вами!

такой шутки. Это не человек, а огонь. Мне покоя не дает. И все о деле радеет. Такого ветврача поискать надо.

На другое утро мы побывали на ферме Даданети. Солнце еще не успело выглянуть из-за гор, а мы уже возвращались обратно. Концерт для пастухов состоялся на заре. Я попросил Дмитрия заглянуть к Серго Кашмадзе.

Вскоре вдалеке показались крыши домов.

— Приближаемся к хоромам ветврача, — торжественно предупредил Дмитрий.

Мы миновали загон. В нос ударил щекочущий запах креолина. Машина затормозила у здания фермы. Заведующий Дриаев пригласил нас в дом. Терпкий запах лекарств перекрывал аромат свежеспеченного хлеба. На полках, покрытых чистой бумагой, словно солдаты, выстроились склянки.

— А Серго где? — спросил Дмитрий.

— С самого утра пропадает в овчарне, — ответил заведующий фермой. Любопытство подталкивало меня скорее разузнать об этом странном человеке. Однако начал я издали и потом между прочим спросил:

— Как обстоит у вас дело с лекарствами?

— Не говорите! Если бы Серго пичкал и колол ими только овец, это куда ни шло. А то нас извел. Во всем доме не найдется человека, который не испробовал на себе его уколов. Только я был исключением, но и до меня добрался Серго, — рассмеялся заведующий. — В жизни не подумал бы, что такое произойдет со мной: на прошлой неделе я помыл голову водой из артезианского колодца. Думал, теплая, обойдется. Но Серго заметил, что я дрожу, приказал — ложись! Я, конечно, лег, ведь спорить с ним, что стену головой прошибать. И началось... Сначала сунул мне под мышку термометр. Потом заставил глотать какую-то гадость. Но и этого ему показалось мало. Убедившись утром, что температура не спала, Серго вооружился иглой и... Вчера только прекратил уколы пенициллина. «Температуру, говорит, сбили, береги себя. Баран и тот схватит воспаление мозгов, если окунет голову в колодезную воду в марте. Скажи спасибо, что легко отделался», — наставлял меня Серго. Золотые у него руки, золотые. Сам районный врач не смог бы присмотреть за нами так, как это делает ветеринар Серго Кашмадзе.

С этими словами заведующий фермой достал с полки учетную книгу ветеринара. Мы принялись листать ее, а он украдкой все поглядывал на дверь, опасаясь, как бы не застал нас Серго на месте преступления. Проведя ногтем по абзацу, заведующий фермой сказал:

— Это записи последних десяти дней.

Я тотчас узнал четкие, словно вырисованные, буквы. Тетрадь была испещрена записями диагнозов и рецептов. За эти дни Серго, оказывается, выходил пятьдесят два ягненка. Под номером 53 стояла фамилия заведующего фермой. Я не смог удержаться и расхохотался от души.

— Как обстоят дела с приростом овец? — спросил Дмитрий.

— 495 овцематок дадут нам 445 ягнят. На этой неделе окотятся двадцать пять овец. Случаев яловости пока нет. Думаю, стараниями пастухов и ветеринара мы получим от каждой сотни овцематок девяносто восемь ягнят. Падежа не должно быть, — уверенно ответил заведующий фермой и поспешно захлопнул книгу. Дверь скрипнула, и мы увидели Серго Кашмадзе...

Машина, прыгая по ухабам, возвращалась в ветпункт. Дмитрий дремал, откинувшись на сиденье, и улыбался.

КРАСНЫЙ ГЕОРГИЙ

Первый раз я видел его двадцать лет назад. Волосы у него были с красным отливом, лицо — красное, как огонь. Когда он поднял меня на руки, помнится, я заревел от страха. Постепенно привык, подружился с ним. Летние пастбища находились неподалеку от нашего дома, и Георгий часто заходил «на огонек». Особенно рад бывал приходу Георгия я.

Он всегда приносил подарки: то сладости, то игрушки. Только он, бывало, успеет войти в комнату, тут же подбегал к нему, стараясь разогнуть его широкую ладонь, в которой, я знал, спрятаны конфеты или игрушечный танк...

Он был крупный, как скала. Станет, бывало, расставив ноги, и попробуй сдвинуть его с места. Ни за что не сдвинешь. Хоть к ногам быков привяжи — он будет стоять по-прежнему.

* * *

Пока шла война я не видел улыбки на лице Георгия. Вечно ходил он с плотно сжатыми губами.

Однажды, после долгого отсутствия, Красный Георгий пригнал в город свое стадо. Просторный наш двор еле вместил откормленных баранов. От тесноты животные подняли такой шум, что я боялся выйти из комнаты. Я был уверен, что к утру бараны перебыют друг друга.

Красный Георгий разложил на нашем столе чистый лист бумаги и долго подсчитывал что-то с моим отцом. Когда они кончили писать, отец спросил его:

— А у тебя осталось хоть что-нибудь, Георгий?

— Пара баранов да две овцематки. Да мне больше и не надо, когда родина в опасности.

Воскресным утром Красный Георгий взял меня с собой на базар. Вечером мы возвращались домой, усталые и пропыленные. Георгий держал под мышкой набитый деньгами чемоданчик. До самого утра он считал купюры, обильно смачивая водой пальцы. Мой отец помогал ему. Я же увлеченно нарезал бумажные ленты для скрепления пачек. Наконец Красный Георгий воскликнул: «Сто тысяч!» Уложив деньги и сунув под мышку чемодан, Георгий отправился куда-то. Вечером он вернулся. Широкая улыбка расплывалась на его лице.

— Ну как? — спросил мой отец.

— Сдал, — буркнул Красный Георгий и, помолчав, добавил: — государству.

Вскоре газеты сообщили, что колхозник села Уканамхаре Георгий Башараули внес на оборону страны сто тысяч рублей.

* * *

С тех пор прошло более пятнадцати лет. Георгий по-прежнему редко спускался с пастбищ в город. Я не видался с ним вот уже восемь лет...

Мы ознакомились с колхозной фермой села Уканамхаре, однако в бригаду Георгия Башараули по каким-то причинам не попали. Я попросил председателя колхоза Сакуро Читишвили восполнить этот пробел.

— Очень обрадуется Георгий, — ответил председатель.

На другой день машина подкатила к бригаде Башараули. Еще издали я заметил в дверях огромную фигуру Красного Георгия.

— Здравствуй, Мераб, какими судьбами? — радостно протянул мне руку Георгий.

В комнате стоял аромат свежего хлеба. Дежурный повар вынимал из печи высокие хлеба. Вскоре голос радиоприемника утонул в шуме беседы. Я принялся разглядывать комнату. На стене, как раз напротив меня, висела рамка, в ней — обязательства бригады. А рядом, на огромном полотне, большими буквами — «Не пожалеем сил для борьбы за сохранение молодняка».

Пастухи попрощались со мной и пошли на пастбище сменить товарищей.

Долго беседовали мы с Георгием. Он расспрашивал о моем житье-бытье, о работе. Я же старался побольше узнать о нем.

— Ты спрашиваешь о моей работе? Жаловаться не приходится. От каждой сотни овцематок мы сдадим колхозу 96 ягнят. Против предусмотренных планом трех килограммов шерсти с каждой овцы сдадим четыре. Так решила бригада. И мы сдержим слово.

Колхоз Ленингорского района, село Уканамхаре. Председатель — Чितिшвили, заведующий фермой — Чितिшвили, бригадир — Чितिшвили, второй бригадир — Чितिшвили, главный чабан — Чितिшвили, его помощник — Чितिшвили и еще Чितिшвили, и еще.

В первых числах мая, когда прилетевшие из-за морей птицы обживают гнезда, Чितिшвили выходят на дорогу. За три недели они проходят 800 тысяч метров и спускаются в Ихразское ущелье. Здесь они снимают шапки, обтирают пот, напиваются студеной воды, оглядывают толпящиеся вокруг горы. Где-то там, на вершине утопающей в зелени горы, гнездятся их домики. Чितिшвили упорно шагают по тяжело поднимающейся в гору дороге. Это идет первая бригада коммунистического труда.

Сейчас бригада Чितिшвили находится на зимних пастбищах в Ставропольском крае. Я стою в доме бригадира Чितिшвили, прислонившись к стене. Над моей головой висит стенная газета. Начав читать ее, я не могу оторваться. Как много интересного, сколько фактов! Вооружаюсь авторучкой и принимаюсь выписывать отдельные места из статей.

«Уканамхарский овцевод» — так называется газета. Под заголовком нарисовано два барана тушинской породы с крутыми рогами. Оформитель стенной газеты допустил ошибку: во всем Ленингорском районе вы не найдете ни одного барана тушинской породы. Несколько лет назад, правда, они еще были. Однако сейчас на фермах разводят только тонкорунную породу.

Читаю передовую статью.

«...Работники нашей фермы, окрыленные историческими решениями XXI съезда партии, отдадут все свои знания и силы для дальнейшего подъема овцеводства. Все сделаем для того, чтобы к 1965 году поголовье овец возросло в два раза, а добыча шерсти в 1,7 раза».

В другой статье: «Полностью сберечь приплод... Овцеводство переживает ответственный период. Начался окот, от успешного завершения которого зависит рост поголовья скота. Работники нашего колхоза заблаговременно (еще в январе) начали подготовку. Они вовремя подготовили помещение, провели дезинфекцию, запаслись кормом.

В успешном завершении окота и полном сохранении приплода решающую роль играет правильный уход за скотом. Поэтому руководство колхоза скомплектовало все три бригады из опытных пастухов...

Хорошо подготовилась бригада Давида Чितिшвили. Члены ее ознакомились с решениями ноябрьского и декабрьского пленумов Коммунистической партии Советского Союза и взяли на себя обязательства получить от каждой сотни овцематок 96 ягнят...

На собрании членов бригады было принято решение превратить ее в бригаду коммунистического труда, выполнить за 6 лет задачи, намеченные семилеткой...»

В следующей заметке рассказывается о быте колхозников. Затем идет уголок юмора.

«...Давид Чितिшвили спросил Шакро Чितिшвили, старейшего члена бригады:

— Дядя Шакро, почему ты не бреешься?

— Во-первых, окот начался, и мне не до бритья. А во-вторых, ягнота привыкли ко мне, а бритым не узнают. Еще примут за председателя, вовсе перестанут слушаться».

Вторая шутка.

«В одну деревню прибыл председатель колхоза. Зима была суровая, в трудных условиях проходил окот. Пастухи попросили заведующего фермой: «Позвони председателю, скажи, что ожидаются большие потери приплода».

На звонок заведующего последовал категорический ответ:

— Немедленно приостановить окот, ждите хорошей погоды».

Со страниц газеты я узнал о жизни села Уканамхаре очень многое. Пока я знакомился с заметками, начало смеркаться. В комнату вошли пастухи, расселись у стола. Во главе сел заросший щетинистой бородой Шакро Читишвили.

— Дядя Шакро, какие новости? — спросил я.

— Эх, сынок, сколько ягнят я выходил да перетаскал за пазухой, столько овец во всем Лангвинеском совхозе не насчитаешь...

— Кто ваши братья? — не унимался я.

— Кто братья, а кто побратимы, — ответил один из них.

— Нет, я о родных братьях спрашиваю.

— Да все мы родные, не обижаем друг друга.

— А кто редактор стенгазеты?

— Редактор — я, а члены редколлегии — все, — ответил Боро Читишвили.

— Вы довольны газетой?

— Дай бог, не хуже других.

— Все написанное здесь правда?

— Кривду в наших местах не стали бы читать.

Разговор становился все оживленнее. Вошел бригадир Давид Читишвили. Я хотел обратиться с вопросами и к нему, но он не дал мне рта раскрыть.

— Сначала ужин, а потом разговоры, — сказал он, подмигнув пастухам. Бригада коммунистического труда братьев Читишвили села за стол.

Этери Гугушвили

Этери Гугушвили — кандидат искусствоведения. С 1950 года выступает в центральной и республиканской периодической печати. В 1959 году вышла книга «Грузинский государственный драматический театр имени Котэ Марджанишвили», написанная Э. Гугушвили совместно с Д. Джанелидзе.

Вы пришли в театральный институт...

Вряд ли кто попытается опровергать простую истину: ко вступлению в институт необходимо тщательно готовиться. Но готовиться должен не только тот, кто вступает в жизнь, но и те, кто его окружают, — школа, родители, близкие друзья.

К сожалению, разделяется эта истина не всеми и не всегда. Часты еще случаи, когда к моменту окончания школы молодой парень или девушка не определили с достаточной точностью, как им жить дальше — работать ли, учиться? Не очень помогает в этом смысле и школа, предоставляя зачастую дело самотеку, а родители (если не все, то подавляющее большинство) стараются всеми способами добиться поступления своих детей в какой-либо институт. Повторяем: какой-либо, ибо тенденция «лишь бы устроить» и «лишь бы попал» все еще проявляется довольно ощутимо.

Я пишу эту статью в дни, когда в Театральном институте имени Руставели идут вступительные экзамены. И снова, как прежде, мне приходится сталкиваться с разными абитуриен-

тами, разными родителями и разными ситуациями. Ситуации, как правило, разделяются на две категории: на пресловутое «лишь бы попал» и на искреннее, безоговорочное и целеустремленное «только театр и ничего другое». Как правило, среди первой категории почти не встречается одаренных. Это, обычно, случайно забредшие в институт люди. Зато во второй категории встречаются неожиданные крайности. Здесь можно встретить людей, по-настоящему одаренных, и таких, чье страстное желание стать актером никак не может восполнить отсутствия у них профессиональных данных. И всякий раз, когда перед экзаменационным столом предстает новое лицо, я думаю о том, как велика роль людей, сидящих «по эту сторону» стола — роль экзаменаторов.

Как и во всякой другой профессии, в нашей профессии очень важно не ошибиться. Важно сначала же указать поступающему, верно ли он избрал себе дорогу в жизни, верно ли избрал профессию? Не думает ли он, что стать актером, это — путь

полегче? Не увлечен ли он чисто внешней парадностью театральной славы и знает ли он о том, как трудно, удивительно трудно дается эта самая слава.

Меня чрезвычайно коробит всякий раз, когда чувствуется, что поступающий не очень четко представляет, куда и зачем он идет учиться. Иногда, бывает, спросишь того или иного абитуриента, подающего заявление о приеме: «А на какой факультет собираетесь поступать?», а он отвечает бойко: «На театральный», не потрудившись даже узнать, что такого факультета вовсе и нет в институте, а есть факультеты — актерский, режиссерский и театроведческий.

А выбор материала для чтения на экзамене! Как важно проявить в этом выборе какое-то свое отношение к материалу, дать почувствовать комиссии, что неспроста выбрано именно это, а не другое стихотворение, эта, а не другая басня. Скучно, неинтересно и довольно грустно бывает на экзаменах, когда из трехсот и более претендентов, по крайней мере, двести пятьдесят читают одну и ту же басню Крылова. И это ведь из года в год! А почему? Да потому, что узок кругозор поступающих в вуз, потому что именно «эту» басню проходят по школьной программе, а за пределы проходимого в школе не всякому охота выходить. И если уж школа не в состоянии заинтересовать материалом «сверх программы», может быть, стоит, наконец, изменить самую программу?

Да, ко вступлению в институт, а следовательно, и ко вступлению в жизнь надо готовиться тщательно. Вот почему, как правило, абитуриент с определенным стажем работы на производстве, с известным знанием жизни выгодно отличается от абитуриентов, попадающих на экзамены в вуз прямо со школьной скамьи.

Но вот абитуриент попал в желаемый институт. Позади все «предэкзаменационные муки» — муки самого абитуриента и его родителей. И здесь начинается период новых открытий. То, что издали казалось заманчивым и легко поддающимся овладению, в стенах института (мы имеем в данном случае в виду институт театральный) оборачивается подчас однообразным и кажущимся

скучным тренингом, экзерсисами, так называемой «черной» работой, здесь побеждают только сильные. Побеждают те, которые с первых же дней пребывания в институте упорно и кропотливо овладевают сложным комплексом предметов, составляющих в своем единстве целую систему воспитания актера, режиссера и театроведа.

К. С. Станиславский заканчивает первую часть своей знаменитой книги «Работа актера над собой» великолепными словами: «Только знать систему — мало. Надо уметь и мочь. Для этого необходима ежедневная, постоянная тренировка, муштра в течение всей артистической карьеры.

Певцам необходимы вокализы, танцовщикам — экзерсисы, а сценическим артистам — тренинг по указаниям «системы». Захотите крепко, проведите такую работу в жизнь, познайте свою природу, дисциплинируйте ее, и при наличии таланта вы станете великим актером». Добавим от себя: и режиссером, и театроведом.

Сегодня слова Станиславского встают перед нами в своем новом озарении. Если труд, муштра, экзерсисы — это существенно, тогда огромное значение приобретает так называемая производственная практика студентов. Живая, действенная, постоянная практика в учебе, практика на производстве, именуемом в данном случае сценой.

За последнее время постановка производственной практики в театральном институте значительно улучшилась. Студенты актерского факультета принимают участие в спектаклях не только своего, но и других курсов. Так, например, значительная часть студентов выпускного актерского курса принимала участие в спектаклях студентов режиссерского факультета, а также в отрывках у студентов-режиссеров II курса. В этих же спектаклях и отрывках были заняты студенты и младших курсов актерского факультета и отделения музыкальной комедии. Таким образом, кроме своей основной работы на курсе, студенты имеют возможность принимать участие в работах других факультетов и других курсов, что способствует росту их профессиональных, практических навыков.

В институте проводится и произ-

водственная практика по сценической речи и по вокалу. Соответствующие кафедры проводят так называемые специальные открытые вечера производственной практики — концерты. Это дает хорошие результаты. Кроме того, студенты нередко выезжают с концертами, в особенности в праздничные дни, в дни каких-либо торжеств. В конце учебного года в Доме работников искусств были показаны лучшие студенческие работы (отрывки, поставленные студентами режиссерского факультета с участием студентов актерского факультета). Спектакль «Маскотта» и одноактный спектакль «Картинки старого Тбилиси» транслировались по телевидению.

Производственную практику студенты проходят не только в стенах института, но и в театрах. Так, например, в текущем учебном году студенты II курса режиссерского факультета проходили производственную практику в театре имени Марджанишвили. Студенты IV курса режиссерского факультета проходили практику по спектаклю «Иркутская история» в театре имени Руставели. Хорошо поработали студенты Р. Стурца, Т. Абашидзе. Режиссер М. Туманишвили (педагог названных студентов) поручал им работать с актерами, проходить с ними отдельные сцены.

Кроме того, за последнее время в институте наметился еще один вид производственной практики — участие студентов в спектаклях театра, а также на телестудии. Разумеется, такое участие требует большой осторожности со стороны театра, чтобы оно не помешало занятиям студента в институте. В текущем сезоне студентка IV курса актерского факультета Б. Мирианшвили сыграла главную роль в спектакле театра имени Руставели «Такая любовь». Студенты II курса заняты в фехтовальных сценах спектакля «Бахтриони», а также в спектакле «Царь Эдип».

Однако вопрос с производственной практикой в Театральном институте нельзя считать полностью урегулированным до тех пор, пока у института не будет собственного учебного театра. Институт не располагает сценической площадкой, у института нет

никакой, абсолютно никакой возможности систематически показывать свои спектакли. У института нет и помещения для хранения декораций, и, отыграв один или два раза (в лучшем случае три раза) новый спектакль, мы вынуждены снимать его с постановки и ломать декорации, ибо на очереди уже следующий спектакль.

В этом году на маленькой институтской сцене было показано 15 спектаклей, а в прошлом учебном году — 18. Между тем, штат постановочной части — это ее заведующий, художник и двое рабочих.

Все это в значительной степени осложняет работу наших студентов, мешает нормальному творческому процессу. Нам очень нужен учебный театр, в котором завтрашний актер или режиссер мог уже сегодня работать в условиях, мало чем отличающихся от обычного театра, это и будет для них настоящей производственной практикой, настоящей, — следовательно, эффективной.

Талант и труд — неразделимые понятия. И именно к этому труду — настойчивому, постоянному — должны с самого же начала приучать себя студенты, собирающиеся посвятить себя искусству.

Как мудро и глубоко верно звучит мысль выдающегося советского актера и режиссера С. М. Михоэлса о том, что режиссуре научить нельзя, режиссуре можно научиться. В самом деле, можно развить то, что имеется в зародыше. И иногда даже самый квалифицированный педагог не сможет «внедрить» в своего ученика то самое необходимое и существенное, что отличает человека искусства от других людей.

Воспитание театральных кадров — дело нелегкое. Воспитывать надо не только специалистов, но и граждан. Характеристика «инженеры человеческих душ», данная писателям, может быть отнесена в равной степени и к актеру. И только тот актер может нести свою великую воспитательную (а не только развлекательную) миссию, который сам является чистым и честным, внутренне красивым гражданином советской эпохи.

Огромное значение в деле воспитания актеров имеет правильный подбор репертуара. Не всякая, даже

очень идейная и полноценная в художественном отношении пьеса (или отрывок из пьесы) может удовлетворить педагога и студентов. Нужна такая пьеса, которая бы отвечала потребностям данного курса и работа над которой могла бы носить лабораторный характер и меньше всего толкала бы на какие бы то ни было сценические эффекты. Недаром репертуар в институте имеет свое специфическое название — учебный. Тщательный отбор учебного материала — самое, на мой взгляд, основное в воспитании актера и режиссера. И часто случается так, что именно в институте будущему актеру предоставлена эта счастливая возможность выбора и подбора роли. Прошли годы, а в институте до сих пор помнят С. Канчели и М. Чахава в ролях Кей и Керол в пьесе «Время и семья Конвей» Д. Пристли, Г. Сагарадзе — Вагина («Дети солнца» М. Горького), Е. Кипшидзе — Мирандолину («Хозяйка гостиницы» К. Гольдони), Г. Гегечкори и Эр. Манджгаладзе — Нила и Тетерева («На дне» М. Горького) и многих других выпускников института, которые сейчас являются гордостью грузинского театра и для которых роли, сыгранные в институте, навсегда остались в их актерской биографии как роли значительные и заслуживающие серьезного внимания.

Театральный институт имени Руставели существует уже свыше двадцати лет. Он подготовил кадры для всех театров Грузии, в том числе и для абхазской и осетинской трупп, для кино. Многие из них занимают сейчас ведущее положение в грузинском искусстве. М. Чахава первой из выпускников института удостоилась

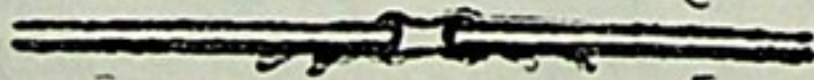
звания народной артистки республики. Среди заслуженных — М. Тбилили, Н. Апакидзе, С. Канчели, Т. Тетрадзе, Е. Кипшидзе, Л. Абашидзе, Н. Чхеидзе, Г. Гегечкори, М. Гегечкори, Эр. Манджгаладзе, К. Махарадзе — всех не перечесть! Главным режиссером Горийского театра работает Л. Иоселиани, режиссером театра имени Руставели — М. Туманишвили, директором театра имени К. Марджанишвили — Ак. Двалишвили — все трое заслуженные деятели искусств.

Выпускники института — театроведы работают в редакциях газет и журналов, на радио и телевидении, в музеях и на киностудии. А некоторые из выпускников — Б. Николашвили, Н. Урушадзе, Б. Кобахидзе, К. Махарадзе и другие — сами являются педагогами Театрального института.

Что и говорить! За двадцать лет институт сделал большое и нужное дело. Об этом свидетельствуют факты, которые, как говорится, налицо. Но институт может сделать еще больше.

В минувшем году первые студенты были приняты на отделение музыкальной комедии. В этом году открывается отделение киноактеров. В перспективных планах — создание отделений сценаристов, драматургов, а также актеров эстрады.

Работы — непочатый край. Для ее осуществления есть все необходимое — хорошие кадры педагогов, способная молодежь, неутомимая энергия и энтузиазм всего коллектива института. Нужно немного: помощь в создании того важнейшего фактора, без которого немислима нормальная работа, — учебного театра.

Зураб Чумбуридзе

Зураб Чумбуридзе систематически печатается в республиканских газетах и журналах. Первая статья «Литературный язык и речь персонажей» опубликована в 1951 году. Книга «Некоторые вопросы языка и стиля» издана в 1956 году.

Рассказы молодых

Уже не раз отмечалось, что грузинская проза ныне вступила на путь подъема. Отставание — довольно продолжительное — успешно преодолевается. Созданы романы — значительные по своей идейно-тематической устремленности, больше появилось рассказов, новелл, повестей. И, что очень важно, подавляющее большинство этих произведений рисует нашу современность. Жизнь героев нашей литературы стала не просто более полнокровной, но и более интересной для читателя, конфликты — более жизненными, а следовательно, — убедительными. Одновременно с этим, или, вернее, вследствие этого, грузинская проза приобрела многосторонность и многоплановость, которых еще в недавнем прошлом ей заметно не хватало: известно, что внимание грузинских прозаиков сосредоточивалось, вплоть до последнего времени, на жизни грузинской деревни (мы отмечаем факт, не касаясь теперь его причин), ныне же читатель имеет несколько значительных по объему, хотя и различных по

своим идейно-художественным достоинствам, произведений о рабочем классе. Грузинские писатели спускаются в шахты и стоят у доменных печей, и, если раньше музу их питали хлеб и виноград, теперь вдохновляет ее и сталь Рустави, и уголь Ткварчели, а вернее всего, люди, которые производят эти необходимые стране вещи. Это хорошо, хорошо для самой музы и для писателей, а главное, для тех, кому они все, в конечном счете, служат, — читателям, народу. Труд физический, видоизменяясь, превращается в разновидность труда умственного. Если в грузинской классической прозе интеллигент был преимущественно представителем дворянства, не занятым производительным трудом, то в современную прозу люди интеллигентного труда входят как участники великой стройки наших дней.

Один из характернейших признаков подъема грузинской прозы — появление в ней ряда новых имен. Молодые прозаики в большинстве своем принесли в грузинскую лите-

ратуру свежесть видения действительности, подняли новые темы, создали новые образы и, что хочется подчеркнуть особо, обнаружили в своих произведениях пристальный интерес к человеческой психологии, к «диалектике души» своих героев.

В числе наиболее «активно действующих» молодых писателей в первую очередь следует назвать Реваза Инанишвили, Отия Иоселиани, Ростома Бежанишвили, Мераба Элиозишвили, Отара Деметрашвили, Гурама Рчеулишвили, Арчила Сулакаури, Илью Руруа, Эдишера Кипиани — некоторых из них, впрочем, можно отнести к числу «молодых» лишь условно.

Уже первые шаги этих авторов на поприще литературы привлекли внимание читателей и критиков, стали предметом оживленных дискуссий — как на всякого рода совещаниях, так и в печати. Понятно, что мнения при этом не только не всегда совпадали, но зачастую и попросту сталкивались, и все же одна мысль разделялась единодушно — молодежь в грузинскую прозу пришла способная, смелая и ищущая. Правда, русский читатель не мог пока познакомиться с произведениями этой молодежи так широко, как он имеет возможность сделать это по отношению к творчеству писателей среднего и старшего поколений. Но отдельные произведения названных нами авторов переведены на русский язык и опубликованы, некоторые же из молодых писателей уже выпустили первые сборники своих рассказов в переводе на русский язык, и эти сборники заслужили положительную оценку. Перейдем, однако, к конкретному разбору...

Первым из этих молодых прозаиков к Декаде грузинского искусства и литературы в Москве выпустил свой сборник рассказов в переводе на русский язык Реваз Инанишвили. В адрес сборника — назывался он, по заглавию одного из рассказов, «Натела», — было сказано на обсуждении в Москве немало добрых слов, были и критические замечания, которые автор, по-видимому, принял во внимание, ибо последующие его произведения отмечены большей зрелостью мысли и заметным ростом мастерства.

Приобщение этого молодого писателя к творчеству состоялось в «Пирвели схиви» («Первый луч») — так называется литературный альманах студентов Тбилисского университета, вот уже более десятка лет выпускаемый членами его литературного кружка. Опубликовав здесь свои первые рассказы, Реваз Инанишвили прямо со студенческой скамьи поехал в Самгори — здесь осуществлялась вековая мечта грузинского народа об орошении засушливых степей, раскинувшихся буквально «под боком» у Тбилиси. На стройке начинающий писатель встретился со множеством людей, и именно они, разные, непохожие, но единые в главном — в понимании своих жизненных целей — и стали героями его лучших маленьких рассказов. Литературные успехи Р. Инанишвили оказались настолько заметными, что заставили кое-кого усмотреть здесь какую-то тайну. И тайна здесь действительно существует, заключается она в том, что писатель изучал жизнь не только по книгам (хотя и это нужно!), и не в качестве наблюдателя, собирающего материал (случай, так сказать, типичный), а как участник той работы, тех человеческих деяний, которые он взялся описывать. Вместе с тем, нельзя не заметить, что масштабы стройки, ее главные производственные конфликты в рассказах Р. Инанишвили почти не отражены. Объясняется это, в основном, по-видимому, тем, что интересы писателя лежат в сфере чисто психологической, камерной, и хорошие люди и пути, которые они для себя избирают, конфликты, так сказать, внутренние — вот основная тема его творчества.

Возьмем, к примеру, рассказ Р. Инанишвили «В сторожке». Герой его, старик-сторож Никола, знакомится случайно с приехавшим на строительство Самгори инвалидом. Инвалиду трудно найти себе подходящую работу на стройке, требующей напряженного физического труда. Решив, что работа сторожа подойдет инвалиду более всего остального, Никола «уступает» ему свое место.

Этот рассказ невелик — в нем всего две или три страницы, но он поэтичен, ибо писателю удалось раскрыть характер, внутренний мир советского человека — Николы.

Стихия Р. Инанишвили — короткие рассказы. Именно в них чувствует он себя всего свободнее. Нетрудно заметить, что главное внимание писатель уделяет не повествованию, а показу людей и событий. Следует обратить внимание и на такое обстоятельство, характерное для писателя на нынешнем этапе его творчества: в рассказах Р. Инанишвили вы не встретите необычайных, исключительных событий. Автор рассказывает о повседневном, привычном, герои его не делают ничего из ряда вон выходящего. Но он показывает своих героев в таком освещении, так раскрывает перед нами характеры этих людей, что в результате внушает читателю какое-то очень теплое чувство к ним.

Вот рассказ «Старый Ягор». Герой его — школьный сторож Ягор чем-то сродни Николе (герою первого из разобранных здесь рассказов). Но действует или, скорее, чувствует Ягор в обстоятельствах еще более обыкновенных. В школе, где он работает, по вечерам готовятся к экзаменам два студента. Парни как-то сразу вошли в жизнь доброго старика — со все растущей симпатией наблюдает он за юношами и очень хочет, чтобы студенты выдержали экзамен как следует. Однажды он приносит для них из дому бережно хранимые чурчхелы, но студенты не пришли ни в этот вечер, ни в другие. Сдали, видимо, экзамены и забыли о школе и старике. Как будто и нельзя упрекать за это юношей, да писатель и не делает этого... Но тем сильнее звучит в этом рассказе призыв к чуткости и деликатности чувств, к доброму отношению к людям.

Сказанное, разумеется, не означает, что писатель достиг вершин мастерства, что ему нечему учиться, а критику нечего больше пожелать ему. Напротив, и слабости, и недостатки, порой, к сожалению, достаточно громко заявляют о себе в его рассказах. Представляя молодых грузинских прозаиков русскому читателю, мне, естественно, хотелось больше уделить внимания тем чертам их творчества, которые делают их произведения незаурядным явлением в современной грузинской про-

зе. Но и при этих обстоятельствах нельзя, говоря о Р. Инанишвили, не сказать о том, что порой его увлечение «обычным», «неприметным», становясь иной раз для молодого писателя самоцелью, приводит его к мелкотемью, и это, в свою очередь, лишает подобные его рассказы обобщающей силы. Порой писатель вплотную подходит к той грани, когда кажется, что он вот-вот повторит сам себя. А это — серьезная опасность, всегда подстерегающая автора, решившегося ограничить себя узким кругом тем, «обычных» в самом опять-таки узком значении этого слова.

В лучших же рассказах манера письма Р. Инанишвили — реалистическая, стиль — лаконичный, фраза — гибкая, эластичная и, что важно, не носит на себе следов искусственности — болезни, которой страдают произведения некоторой части нашей литературной молодежи.

Благодаря этим чертам своего творчества, как отмечал не так давно на страницах «Литературули газеты» критик С. Чилая, писатель следует традициям грузинской классической прозы, внося в то же время в эти традиции что-то новое. Это новое обнаруживает себя в большей поэтизации предметов и явлений, в их лирической окраске.

Не лишним здесь будет заметить, что большой лиризм, поэтичность в обрисовке людей и явлений, лаконизм и отчетливо выраженная ритмичность фразы — качества, сближающие современную прозу с поэтическим эпосом, свойственны творчеству не одного только Р. Инанишвили. Они проявляются, разумеется, по-разному в произведениях и других грузинских прозаиков.

Рассказ молодого писателя Мераба Элиозишвили «Зурначи» отличается тонким психологическим рисунком. Мастерски выписаны автором образы одряхлевших стариков-зурначей, вызывающих и жалость, и симпатию читателей. Хорош язык рассказа, весьма колоритны найденные писателем детали. Не следует, однако, думать, что именно старики, которым действительно здорово повезло в творчестве иных молодых писателей, являются постоянными героями их произведений. Правда,

бывает так, что рассказ о своих сверстниках порой меньше удается автору, но тут вопрос, по-видимому, не только в знании жизни, но и в более слабых литературных традициях. Сколько написано грузинскими писателями о людях, завершающих свой жизненный путь, и как сравнительно мало есть у нас по-настоящему хороших книг о трудовом героизме, да и просто о жизни нашей молодежи. А трудовой героизм — он проявляется по-разному, а «просто жизнь» порой оказывается необыкновенно сложной штукой, и вот попробуй, опиши ее. Поэтому, хотя другой рассказ М. Элиозишвили — «Я пришел в шахту» слабее «Зурначей» по своим художественным качествам, именно он представляется мне весьма важным для творчества молодого писателя. В самом деле, грузинская литература в большом долгу перед рабочим классом своей страны, и всякая попытка хотя бы чуточку уменьшить этот долг, то есть написать произведение, в котором главная роль принадлежит именно его представителям, — это работа, достойная поощрения. Тем более, что автору удалось показать, пусть, правда, не во всем одинаково ярко, дружный шахтерский коллектив, в который был принят вчерашний школьник.

Молодые писатели (в том числе и не названные в этой статье) нередко выступают с очерками. Очерк М. Элиозишвили «Дорога длиною в тысячу километров» представляет собой попытку познакомить читателя со скромными героями зимних пастбищ — чабанами, от умения, распорядительности и очень часто смелости и отваги которых зависит судьба тысяч и тысяч овец, а следовательно, благосостояние колхозов. Интересная композиция, национальный колорит, а главное, увлекательные дела героев этого очерка делают его интересным для многих читателей.

Иной мир раскрывается в рассказах молодого писателя Отара Деметрашвили. Он любит свой город — родной Тбилиси, любит верных ему жителей — тех, чье душевное богатство, не будучи облачено в тогу громких слов, не бросается в глаза, но обнаруживает себя в главном —

в поступках. Им, этим простым и скромным труженикам, и посвящает Отар Деметрашвили цикл своих рассказов, под названием «Моя улица». Иногда кажется, что о событиях, которые в них происходят, мы уже слышали. Но тут уж ничего не поделаешь — такова жизнь. Много происходит на свете сходных историй, но ни одна не повторяется. Так и в рассказах О. Деметрашвили внимательный читатель легко увидит, как в разработку даже шаблонного сюжета писатель привносит что-то свое. В качестве примера можно взять уже опубликованный на русском языке рассказ «Красные яблоки». Сюжет его не отличается особой оригинальностью: студент Гиго влюбился в свою однокурсницу Медико — худенькую, по-мальчишески остриженную и по-девичьи острую на язык. Но Гиго передали, будто Медико, увидев его впервые, смеясь, сказала, что из него может получиться хороший мясник. Вот почему за все пять лет совместной учебы Гиго не сказал ей ни слова о своем чувстве. Уже на последнем курсе, сдав зимнюю экзаменационную сессию, Гиго неожиданно простудился и заболел. Друзья сказали об этом на вокзале Медико, уезжавшей в деревню на каникулы. Бросив все, она помчалась к больному Гиго. Этот поступок выдал девушку — ведь теперь стало ясно, что она и сама любит Гиго. Ну а на него это внезапное прозрение повлияло лучше всяких лекарств.

В этой истории нет, разумеется, ничего оригинального — подобные сюжеты не раз использовались писателями. Отличие рассказа О. Деметрашвили в том, что история эта увиденна глазами старушки-соседки Пело. Она и рассказывает читателю эту историю, но так, что мы узнаем не только о любви Гиго и Медико, но и о самой Пело — сердечной и доброй женщине.

В цикл «Моя улица» входят и такие рассказы О. Деметрашвили, как «Журавль» и «Ближайшие соседи». Мы вправе считать их наиболее удачными произведениями молодого писателя. Радуют в них с большой любовью обрисованные портреты степенного мастера дяди Амвросия и его дочери Кетино, тихого стеснитель-

ного хирурга Гиго и некоторых других. Эти люди запоминаются читателю. Интересен и язык рассказов, порой насыщенный своеобразным лексиконом старых тбилисских «мастеров».

Выше мы говорили о том, что молодые писатели смело берутся за темы, связанные с жизнью рабочего класса Грузии. Не найти среди них, пожалуй, никого, кто так или иначе не отозвался бы на них в своих рассказах. Отия Иоселиани, писатель молодой и безусловно одаренный, создал цикл рассказов «Девушки с автозавода», посвященный молодым кутаисским автомобилестроителям.

По форме своей рассказы эти приближаются к миниатюре. Написаны они просто, как говорится, без затей, но пересказать сюжет хотя бы одной из них очень трудно: ведь главное, чем они воздействуют на чувства читателя, — это их светлая поэзия, их тонкий, мягкий подтекст.

Именно поэтому, на наш взгляд, и оказалось возможным на материале одного (или, лучше скажем: пока одного) из рассказов О. Иоселиани — «Домик на косогоре» создать киноновеллу («Поезд идет»). А рассказ «Беги и строгий инженер»? Беги — это рабочий автозавода, строгий инженер — это девушка. Она любит его, а он и не подозревает об этом, усматривая в ее внимательности лишь мелочную придирчивость. Сознаем, что наш грубый пересказ ни в малейшей степени не передает прелести этой маленькой новеллы, ее поэтичности, мягкого, чуть лукавого юмора и целомудренной чистоты.

В минувшем году вышел в свет сборник рассказов Ильи Руруа — «Прозрение». Наиболее удачными в нем следует признать рассказы «Моя сестра», «Безутешное чувство», «Оттуда и отсюда» и, в особенности, рассказ «Цикара», в котором оригинально используемый сказочный мотив помогает автору лучше передать мысли и чувства вполне реальных людей — наших современников. Лучшие рассказы Ильи Руруа характеризуют ясный, светлый юмор, непринужденность повествования. В то же время — и это нужно отметить — писатель нередко впа-

дает в мелодраматизм, в преувеличения и вместо сочувствия к своим героям вызывает в читателе недоверие к ним. Илье Руруа так же, как Отия Иоселиани, следует больше работать над языком, этим, по выражению М. Горького, «первоэлементом литературы», неустанно шлифовать и отделявать его.

Трудно назвать такого грузинского писателя, который не писал бы и для детей. Молодые писатели деятельно продолжают эту хорошую традицию. Из немалого числа произведений, написанных ими для детей, в первую очередь хочется назвать «Мальчиков из Икалто» Ладо Мрелашвили и «Родник Лазаря» Акакия Гецадзе.

«Родник Лазаря» — это первое прозаическое произведение Акакия Гецадзе, начавшего свой творческий путь с поэзии. Время действия рассказа — Великая Отечественная война, место действия — грузинская горная деревушка, а главный герой рассказа — это старый коммунист, колхозник Лазарь. Он из числа тех людей села, к мнению которых не просто прислушиваются, которым не просто доверяют. Нет, такие люди — словно бы олицетворенная совесть села. И для людей, не разобравшихся в том или ином вопросе, позиция такого вот человека очень часто является решающей. Раз этот человек думает или делает так, значит, это хорошо, это честно, это справедливо. Вот таким человеком и является герой рассказа Акакия Гецадзе — коммунист Лазарь. Другой его герой — мальчишка, убегающий на фронт от злой мачехи. Воины тепло принимают заболевшего мальчишку, но он слишком мал, чтобы остаться с ними, и Лазарь забирает его. Возвратившись в село, он делает все для того, чтобы жизнь паренька теперь пошла по нормальному руслу. Таково, вкратце, содержание этого рассказа, местами, к сожалению, слишком сентиментального и к тому же растянутого. Но автору удалось очень важное — образ Лазаря достоверен и убедителен, более того, он вызывает глубокую симпатию в читателе как взрослом, так и юном.

В «Мальчишках из Икалто» Ладо Мрелашвили рисует, в основном,

картины жизни деревенских ребят: вот они усердно трудятся, помогая колхозникам собирать урожай, вот играют, вот спорят между собой, а вот (и это, к сожалению, нередко бывает) дразнят своего хромого товарища. Писатель не навязывает своего мнения, но так ведет повествование, что юный читатель прекрасно понимает, что хорошо, а что достойно осуждения, и, как говорится, делает для себя определенные выводы. Достоинство рассказа — язык, точный и образный. Это столь необходимое достоинство ярко проявилось и в первом прозаическом опыте Л. Мрелашвили — отрывках из романа «Прыжок оленя», опубликованных в 1956 году на страницах молодежного альманаха. Роман в целом посвящался сельской молодежи, в опубликованных отрывках писатель начал откровенный разговор о той «плесени», с которой можно и надо бороться. Разговор этот не был продолжен, и об этом тем более нельзя не пожалеть, что этой плесени писатель хотел противопоставить передовиков-комсомольцев — костяк колхозной молодежи.

Именно короткий рассказ и есть тот жанр, в котором добились наибольших успехов молодые прозаики. Это понятно, ибо большое полотно требует и значительно большего жизненного опыта, и большей творческой зрелости. Однако и сейчас можно предположить, что у ряда

молодых прозаиков есть все данные, чтобы в не таком уж далеком времени взяться за написание повести, романа. Само собой разумеется, что выполнение этой задачи, далеко не простой и для опытного мастера, потребует многого от молодого писателя. Выше мы говорили, что порой кое-кого из наших молодых писателей угрожает захлестнуть мелко-темье, перед другими — реальная опасность повторить самих себя, перед третьими — впасть в слезливую сентиментальность. Но все эти опасности не страшны, если есть дарование, есть знание жизни, есть мастерство. Какой же вывод следует из всего этого? Думается, что даже наш беглый анализ рассказов молодых грузинских прозаиков убедил читателя в том, что они — люди способные, более того, есть среди них и по-настоящему талантливые, с которых много спрашивается уже теперь и еще больше спросится в дальнейшем. Но вот знание жизни у многих из них ограничено лишь знанием некоторых ее сторон. Быть в гуще жизни — не наблюдателем, а участником ее великих дел, другом и со товарищем тех, кто обрабатывает землю, строит города, создает станки, — вот что делает молодого автора писателем, а его книги — хлебом насущным для советских людей, которые, осуществляя мечту человечества, воздвигают величественное здание коммунизма.

Гурам Асатиани—кандидат филологических наук; с 1955 года в республиканских и центральных журналах был напечатан ряд его критических статей — «Творческие уроки Маяковского и молодое поколение грузинских поэтов», «Поэзия и современность» и др.

Дружба, взаимообогащение...

*Грузино-русских строк отряды
В примерном встретились бою.*

Н. Тихонов

Дружба поэтов России и Грузии имеет свою богатую летопись. Начало ее восходит еще к первым десятилетиям XIX века, к трагической хронике единой семьи двух замечательных писателей прошлого столетия — Александра Чавчавадзе и А. С. Грибоедова.

Уже тогда величественная природа Грузии, древняя культура грузинского народа, его яркий национальный характер, богатая история и поэтические легенды вдохновляли многих русских поэтов. «Кавказу, — писал В. Белинский, — как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиной...»

В дальнейшем, вплоть до нашего времени, многие русские поэты обращались к Грузии, как к источнику вдохновения. Это было одной из причин, определивших то плодотворное творческое содружество русских и грузинских поэтов, которое, став своеобразной традицией, получило свое наиболее яркое развитие в нашу, советскую эпоху.

В первые же годы после установления Советской власти в Грузии традиция эта нашла свое выражение в близости Маяковского и его литературных соратников с грузинскими писателями, а также в глубокой привя-

занности к Грузии и ее поэтам Сергея Есенина.

Есенин был первым русским поэтом нашей эпохи, который дал яркое поэтическое воплощение своей любви к грузинской поэзии и выразил те новые отношения, которые сложились между русскими и грузинскими поэтами после победы Октября. В своем известном стихотворном послании «Поэтам Грузии», с искренней теплотой вспоминая об этой далекой стране, Есенин говорит о том, что в наши дни, когда сломлено ненавистное самодержавие, «сжимавшее все лучшее за горло», каждый поэт «в племени своем, своим мотивом и наречьем» призван воспеть лучшие человеческие чувства, любовь и дружбу народов. И как своеобразный поэтический запев, звучат повторяющиеся в его стихотворении взволнованные строки об этой любви:

Поэты Грузии!
Я нынче вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший добрый час!
Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Так поступает Йетим Гурджи —
Следуйте его примеру.

«Кончив петь, — пишет Н. Вержбицкий, — старик пригласил нас сесть на ковер. Он сдержанно выразил удовольствие, узнав, что среди его гостей находился известный русский поэт. Достал из угла большой глиняный кувшин с вином, налил всем и сказал:

— Встреча двух поэтов — это встреча стали с кремнем. Она рождает свет и тепло! Я плохо знаю русский язык, но язык поэзии — один повсюду. Прошу моего брата прочесть что-нибудь!

И он еще раз чокнулся с Есениным.

Тот встал, долго молчал и наконец запел: «Есть одна хорошая песня у соловушки...»

Сергей кончил, опустился на ковер и залпом выпил стакан.

Хозяин стоял, опустив голову.

— Не надо печали! — вдруг воскликнул он и ударил ногою в дверь. — Посмотрите, как хорошо на свете!..»¹.

В этих непосредственных словах старого тбилисского ашуга, как и в его подкупающей своей простотой и задушевностью песне, много именно той народной мудрой жизнерадостности и бодрого духа, которые особенно были нужны в то время Есенину.

На наш взгляд, все это также в какой-то мере сказалось на «Персидских мотивах». Правда, и в этом цикле очень много привычной Есенину грусти, но здесь она кажется гораздо более легкой и просветленной, чем, например, в таких стихах того же 1924 года, как «Мы теперь уходим понемногу» или «Этой грусти теперь не рассыпать». И, что самое главное, — в восточных стихах Есенина начинает преобладать мотив душевного обновления, который звучит в начальных строках первого же стихотворного цикла:

Улеглась моя былая рана,
Пьяный бред не гложет сердце мне...

Было бы, конечно, неверно думать, что Грузия принесла полное исцеление душевному недугу Есенина. Но в его творчество она внесла своеобразную, свежую струю.

¹ См. «Звезда», 1958 г., № 2. Н. Вержбицкий. «Встречи с Сергеем Есениным».

Однако сама грузинская действительность Есенину представляется прежде всего в ее классической литературной окраске, как край, навеянный «загадочным туманом», страна печальных песен и красавиц.

В Грузии Есенина больше всего пленяет дикая, экзотическая красота ее природы, та самая «кавказская экзотика», которой другой русский поэт — Владимир Маяковский, почти одновременно с Есениным обратившийся к теме Кавказа, объявил открытую войну.

Стихотворение Маяковского «Владикавказ — Тифлис», напечатанное в том же 1924 году в тбилисской газете «Заря Востока», содержит в себе принципиально новое для русской поэзии освещение этой темы.

И если в упомянутом несколько ироническом и исполненном веселого озорства произведении грузинская действительность (как историческая, так и современная) увидена и понята гораздо глубже, у этого есть свои причины.

Как известно, Владимир Маяковский родился в Грузии и даже считал себя грузином:

Только
нога
вступила в Кавказ,
Я вспомнил,
что я —
грузин.

«Может быть, — пишет один из известных биографов Маяковского В. Перцов, — то чувство простора, независимой силы и громадных масштабов, которыми полна его поэзия, Маяковский вынес уже от первых впечатлений бытия».

В формировании ранних поэтических представлений Маяковского, как и вообще в становлении его как поэта, значительную роль сыграла не только природа Грузии, среди которой он рос, но, в известной степени, и сама грузинская поэзия.

Как известно, Маяковский — ученик кутаисской гимназии — был свидетелем и в какой-то степени участником революционных выступлений грузинских трудящихся. В своей автобиографии поэт пишет, что в то время для него «стихи и революция как-то объединились...» Эти слова поэта относятся, в частности, и к популярнейшим в Грузии 1905 года стихам известного грузинского поэта-

демократа Иродиона Эвдошвили «Друзья, вперед», которые Маяковский запомнил на всю жизнь и, по свидетельству современников, часто повторял наизусть.

С той же поры запомнил Маяковский и другое грузинское стихотворение, в котором воспевается подвиг Арсена Джорджиашвили (об Арсене Джорджиашвили упоминается и в стихотворении «Владикавказ — Тифлис»).

В своих воспоминаниях о Маяковском Симон Чиковани, который был особенно близок с ним, пишет: «Я часто слышал, как Маяковский наизусть произносил эти стихи (Ир. Эвдошвили и песню про Арсена Джорджиашвили — Г. А.), слышал высказываемое им восхищение грузинскими революционерами»¹.

Тициан Табидзе, знавший Маяковского еще по кутаисской гимназии, вспоминал: «Маяковский в Кутаис приехал из Багдада, где его отец был лесничим. Маленький Владимир рос среди крестьянских детей... Грузинский язык он в детстве считал родным языком. Поэзию же, по его словам, впервые почувствовал в стихах Иродиона Эвдошвили. В то время Иродион Эвдошвили был очень популярным поэтом в кругах революционной молодежи»².

Знакомство с грузинской демократической поэзией не могло пройти бесследно для юного Маяковского.

Несомненно, что поэт, позже своим творчеством революционизировавший сознание представителей целых поколений грузинских писателей, в свою очередь испытал очень большое и в известном смысле решающее воздействие той передовой поэзии, которая была рождена революционными бурями в Грузии 1905 года.

Будучи уже знаменитым поэтом, Владимир Маяковский несколько раз — в 1914, 1924, 1926 и 1927 годах — посетил Грузию.

По свидетельству тбилисских друзей Маяковского, в последний свой приезд сюда он много говорил о грузинской поэзии, читал грузинские стихи, часто вспоминал детство, Ку-

таиси, родное село, признавался, что мечтает съездить туда...

Воспоминание о родной деревне вошло в поэзию Маяковского вместе с мотивом неисполненного долга, который беспокоил его до конца жизни:

Я в долгу...
перед вами,
багдадские небеса.

Однако и то сравнительно немного, что он написал о родном крае, оказалось столь ярким и интересным, пленяющим своей новизной, что можно с полным основанием говорить о «грузинской теме» в творчестве Маяковского.

Стихотворения Маяковского «Владикавказ — Тифлис» и «Тамара и демон» положили начало особой традиции в русской советской поэзии.

В разное время тема Советской Грузии вошла в творчество многих замечательных русских поэтов.

Близость Маяковского и Есенина с грузинскими писателями была первым закономерным проявлением единства и солидарности двух литератур.

Но сегодня, говоря о дружбе поэтов России и Грузии, мы имеем в виду не только единство в помыслах, но и самое разнообразное по своему содержанию творческое сотрудничество, большую работу, проделанную представителями двух братских литератур.

Многие русские поэты неразрывно связали себя с историей современной грузинской поэзии. Нельзя, например, всесторонне судить об общесоюзном резонансе лучших произведений поэтов Советской Грузии, не учитывая той огромной творческой работы, которая была проделана Н. Тихоновым, П. Антокольским, Н. Заболоцким, Б. Пастернаком, Л. Мартыновым, М. Лозинским, В. Державиным, С. Спасским, А. Кочетковым, А. Тарковским и другими — целой плеядой поэтов, сделавших поэзию грузинского народа достоянием многомиллионных читателей нашей Родины. В наши дни эта замечательная традиция нашла свое продолжение в творчестве представителей и более молодого поколения русских поэтов: А. Межирова, М. Луконина, Н. Гребнева, И. Снеговой, Е. Николаевской, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной и др.

¹ Газ. «Литература да хеловнеба». Тбилиси, 1950 г., № 27.

² Т. Табидзе. «Встречи с Маяковским». В книге «Статьи и очерки», Тбилиси, 1957 г., стр. 136 (на грузинском языке).

ской классики, а стремлением ее в ряде случаев придать стихотворению тот или иной колорит, добиться определенной стилизации с помощью образов поэтического арсенала грузинской классической литературы.

Однако я не могу согласиться с В. Огневим, когда он говорит: «В «Разговоре с чинамарией в День победы» А. Каландадзе обращается к таким, например, образам: враг «лежит, пораженный справедливой и меткой стрелой», «тут степенно пройдет Никора, и воскреснет за ним борозда». Ясно, что ни стрела, ни традиционный бык с жалкой бороздой одного лемеха не являются сегодня уже реалистическими образами. Это чистая условность. «Формула» поэзии. Символ. «Я тебя увенчаю короной, я тебе жемчугов надарю». Если не ошибаюсь, теперь и короли уже редко носят короны — тяжело, негигиенично. Не движут современный стих, я думаю, и традиционные назывные восклицания, типа «Ты такое глубокое, небо грузинское...», «Снег аджаро-гурийских гор, моих гор родных. О, какой там большой простор, какой чистый родник!», «О, родина песен и лета!» и т. д. Видимо, эти застольные восклицания, сами по себе уместные, требуют, однако, образного развития темы. В стихах А. Каландадзе они иногда ограничивают течение мысли, как камень, свалившийся в реку...».

Надо прямо сказать, что в оригинале не упоминается ни о какой «справедливой и меткой стреле» — это, видимо, вольность переводчицы; не говорится и о жемчугах, и тем более, о королевской короне (в оригинале: «Я надену на тебя красивый венец...»), а о венке, должно быть, из листьев или цветов... Что касается «назывных восклицаний», по моему, они вовсе не восходят к традиционным особенностям одного какого-либо народа и в данном случае имеют мало общего с застольными восклицаниями, о которых говорит В. Огнев. Я хочу быть всего лишь объективным, утверждая, что стихотворения «Ты такое глубокое, небо грузинское» и «Снег аджаро-гурийских гор» являются наиболее совершенными и колоритными в творчестве грузинской поэтессы. Но если они не «звучат» в переводе, в этом надо винить не автора и не переводчицу, а педантично составленный подстрочник.

Для того, чтобы всесторонне показать творчество такой интересной поэтессы, как Анна Каландадзе, всем строем и глубиной своих чувств и настроений отражающей богатство и красоту духовного мира человека, нельзя не остановиться на стихотворении «Я стою на грани двух миров», не вошедшем в сборник «Летите, листья». Оно выделяется среди других своей философской направленностью. В этом талантливом произведении опи-

сано то время дня, когда солнце уже зашло и на землю падают лишь его бледные косые лучи. В это время человек прощается еще с одним прожитым днем и, естественно, у него «сердце замыкается». Поэтесса словно говорит этим стихотворением: хотя грустные думы и овладевают нами в этот предзакатный час, жизнь продолжается — в косых лучах заходящего солнца «резвятся воробы»...

В эту жизнь, в родную страну поэтесса влюблена страстно, самозабвенно. Читая ее произведения, мы испытываем огромную благодарность к тому многообразному и прекрасному, чем нас одаряет жизнь.

Этим чувством проникнуты и исполненное поэтического трепета стихотворение о маленькой «беззащитной персиковой ветке», и глубоко взволнованное стихотворение «Что я? Я свирель!» — эта своеобразная поэтическая повесть о радости творчества. Вот маленький отрывок из нее в переводе Б. Ахмадулиной:

О, бабочек взлеты и слеты!
Может быть, я ошибаюсь.
То слезы,

но добрые слезы.

Я плачу
и улыбаюсь.

Я выросла в поле,
где среди травинки
капли росы навешаны.

Я веточка,
полная зеленых кровинки,
срезанная невеждами.

Я —
этого воздуха обитательница,
не страшась ничего.

Я —
плачущая обладательница
сердца твоего.

И, наконец, публицистическая лирика поэтессы, позволяющая судить не только о ее поэтической, но и гражданской зрелости. Здесь, в первую очередь, надо назвать стихи о Ленине («Ленин в Эйслебене», «Шапка Ленина», «Я вижу Владимира Ленина» и др.), написанные с любовью и подкупающей искренностью; стихотворения, в которых созданы запоминающиеся образы Зои Космодемьянской, Назыма Хикмета, корейской матери и других. И хотя этих произведений нет в книжке, о которой идет речь в данной статье, читатель, закрывая сборник лирических стихотворений Анны Каландадзе, вправе надеяться, что поэтесса и впредь будет так же взволнованно и поэтично, но еще более глубоко передавать в своих новых стихах высокую правду человеческих чувств, могучую поступь современности.

Г. КАНКАВА

ПУТЬ К ЗРЕЛОСТИ

Один из рассказов Эдишера Кипиани называется «На склонах Тенебоури». Так же озаглавлен и весь сборник, в который он включен. Думается, что сделано это не случайно, хотя название «На склонах Тенебоури» вовсе не отражает как нечто

«среднее арифметическое» содержание книги в целом. Но рассказ, название которого вынесено на титульный лист сборника, в нем один из наиболее значительных. Он свидетельствует о том, что писатель все больше и глубже задумывается над жизнью, все меньше увлечен курьезными совпадениями и случайными хитросплетениями жизненных ситуаций, обыгрываемых в ряде его новелл.

Это отнюдь не осуждение последних. Ведь у каждого жанра свои законы, свои задачи и возможности. Поэтому нельзя требовать от короткой новеллы в одну-две странички широкого показа жизни, сложных и противоречивых характеров. Острота сюжета, неожиданный финал, искусно обыгранная деталь должны выражать то или иное явление жизни так же, как в капле воды отражается сияние солнца. Для этого необходимо своеобразное мастерство, особый характер дарования.

Именно в этом жанре пробовал свои силы Эдишер Кипиани; и мы знали его преимущественно как автора коротких рассказов и новелл. Вспомните его «Сказку», «Музыкальный момент», «Однажды вечером», «Признание», «Весна пришла...». Каждый из них заключен в рамку, где «концы сходятся с концами».

На чем построен, к примеру, «Музыкальный момент»? Инженер-изобретатель погружен в свои мысли. По дороге домой у него родилась новая интересная идея. Неожиданно его выводит из задумчивости машина, чуть не сбившая его с ног. Владелец машины — молодой человек по фамилии Кайшаури смущен, растерян, а пострадавший глубоко возмущен случившимся. Больше всего его огорчило это происшествие потому, что из-за него он забыл об овладевшей им идее. Но вечером, дома, он услышал передаваемую по радио музыку... Когда в оркестре восторжествовали скрипки, в комнате словно зашелестел ветер. И Давид — так звали инженера — вспомнил, что он ду-

Эдишер Кипиани. «На склонах Тенебоури». Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1959 г.

мал о естественной вентиляции крытых легковых машин в летнее время, о новой конструкции окон. В это время концерт закончился, и диктор объявил, что транслировалась Первая симфония молодого композитора Реваза Кайшаури — того самого, который чуть не наехал днем на Давида. И музыка Кайшаури помогла Давиду восстановить в памяти идею об усовершенствовании вентиляции машин...

Нет смысла пересказывать другие новеллы. Они, в основном, построены на том же принципе несколько искусственного и надуманного обыгрывания вещей и явлений, который порою не позволяет автору поднять идею, вытекающую из них, до больших нравственных высот, как это и случилось в новелле «Однажды вечером».

Но в ряде рассказов Э. Кипиани уже появляются более сложная композиция, более полная обрисовка героев, как, например, в рассказе «Когда скончен последний урок» (несмотря на некоторые его недостатки и художественные несовершенства). Так написаны и некоторые другие рассказы, включенные в сборник. Это, прежде всего, «Вечный двигатель» и «Цапля», в которых писатель пытается делать более широкие обобщения.

И, наконец, те рассказы, которые так же, как и «Цапля», но на другом местном материале, открывают перед нами новую сторону дарования писателя. В них он почти полностью отказывается от привычной манеры письма, и мы узнаем нового Эдишера Кипиани — теперь уже автора многоплановых рассказов, где действуют живые люди, повествование течет естественно и плавно...

Вернемся к рассказу «На склонах Тенебоури». Перед нами проходит жизнь одного горного села, мы знакомимся с разными людьми, сталкиваемися в остром конфликте. Для их обрисовки автор пользуется разными красками. Он то ироничен и беспощаден, когда разоблачает темные дела Датико и Аслана, то лиричен и мягок, когда описывает встречу Джумбера с Нуну.

«— Нуну, — тихо окликнул ее Джумбер, так, чтобы сидевшие у ручья не могли расслышать. Нуну остановилась, но даже не взглянула на Джумбера. Она нагнулась, сняла с ноги тапочку, делая вид, будто вытряхивает из нее песок. Потом бросила тапочку на траву и быстро сунула в нее ногу. Джумбер подошел к ней.

— Ну как ты, Нунука? — шепнул он.

— Обижена на тебя, — прошептала Нуну.

— Знаю, но ведь простишь?

— Прощу! — по-детски кивнула головой Нуну и смутилась».

Сколько здесь юношеской чистоты чувств и как точно подмечены детали, верна интонация! И в этом же рассказе, где нет ничего нарочитого ни в сюжете, ни в языке, ни в выборе подробностей —

вдруг искусственный, бьющий в лоб финал. «Джумбер покраснел, даже разозлился и неожиданно обнял Нуну, прильнул к ее губам и замер». Казалось бы, тут и следовало остановиться. Вся предыдущая сцена их объяснения логично и закономерно завершена. Но автор продолжает упорно ставить точки над «и»: «Выпавший из рук девушки фонарик покотился по траве и упал в воду, но не потух. Подобно отблеску луны, луч выглянул из воды, которая быстро струилась и бурлила, как кровь в жилах молодых влюбленных».

Как досадно читать эти строки, в которых писателю не хватило чувства меры и дурная литературщина взяла верх над художественным вкусом. Но если уж так случилось, отчего редактор, работавший над книгой, не помог автору, не указал на его промах?

К сожалению, подобный конец в рассказах сборника «На склонах Тенебоури» не единичен. Ведь и глубоко человеческий рассказ «Цапля», являющийся своеобразным откликом на курские события, грешит тем же. Для чего нужно было заставлять Краниха, поднявшегося до больших человеческих высот, доставать из бабушкиного сундука свои детские бутсы, целовать их и плакать над ними, а затем думать о детях, которые не станут, как он, калеками из-за ужасов войны? Ведь это сильно снижает значение рассказа, вносит в него ненужную сентиментальность и дидактизм, своей искусственностью и надуманностью вызывает обиду за рассказ, который без этого финала намного выиграл бы в идейном и художественном отношении, мог стать лучшим в книге.

Но мы отвлеклись в сторону. Итак, речь шла о рассказах, написанных в совершенно иной манере, чем, предположим, «Признание», которым открывается сборник (его, пожалуй, следует считать наиболее удачным по своей четкости, цельности и завершенности среди других новелл).

Условно объединим эти рассказы в третью группу, которую «возглавляет» «На склонах Тенебоури». Сюда можно отнести — «Дедушку Луку», «Теплую зиму», «Гигию и Бачуку», «Петушка в облаках», хотя все они, конечно, не равноценны и по значимости темы, и по исполнению.

Весь рассказ «Дедушка Лука» ведется от имени ребенка. Именно потому со многим в нем нельзя согласиться. Вряд ли уместен здесь эпизод, когда дедушка Лука сечет своего внука. Вернее, дело даже не в том, что он сечет его, а в том, как он это делает.

«Дедушка... спокойно сказал:

— Ступай, сорви мне гранатовый прутик. Осторожно сорви, руки не поцарапай.

Я всегда любил выполнять поручения дедушки...

И сейчас я с радостью побежал за прутиком. Прутик дедушке понравился, он даже похвалил меня... Я с нетерпением ждал, какое применение найдет дедушка прутику. «Может, он хочет сделать мне новый пояс? Или дедушка собирается в лес, и прутик нужен ему, чтобы погонять скот?» — подумал я, как вдруг раздался свист, и прутик обжег мне ноги.

— Мама-а! — взвыл я от боли и подпрыгнул, словно ужаленный. Все произошло так неожиданно, что я даже подумал: может, дедушка случайно хлестнул меня. Но нет! «Ж-ж», — снова свистнул в воздухе прут, больно хлестнув меня по ногам.

— Я тебя проучу! Ты у меня запомнишь! Будешь еще ломать виноградные лозы, сукин сын? — кричал дедушка».

Судя по тому, что говорит сам автор, именно таким путем дедушка Лука привил мальчику уважение к труду, внушил ему любовь к себе и к родному селу. Это, по меньшей мере, звучит неубедительно...

Этого нельзя сказать ни о «Гигии и Бачуке», ни о «Петушке в облаках». Оба рассказа — о мальчишках. Об их стремлении к настоящему делу, о страстном желании быть полезными взрослым, об овладевшей ими дерзкой мечте... В этих рассказах бьется чистая детская душа и, возможно, больше, чем в других, присутствуют приметы времени.

Но так или иначе, несмотря на промахи и недочеты, а может быть, даже благодаря им, легче судить по книге «На склонах Тенебоури» о поисках их автора, проследить его путь, отметить творческий рост.

Он проявился, как уже говорилось, не только в новой манере письма, способствующей более полному и верному изображению действительности, не в одном лишь отказе от эффектных приемов, а порой даже надуманных ситуаций. Мужающее дарование писателя привело его на более оправданный путь отображения жизни, тесного контакта с ней. Ведь не случайно именно благодаря этим рассказам расширился горизонт его видения жизни, пополнился список тем, которые он разрабатывает.

Теперь уже не только город и горожане (притом исключительно интеллигенция) объект изображаемого писателем. Новое колхозное село и простые сельские труженики уверенно шагнули на страницы его книги. Повевало дыханием полей, в рассказы властно ворвалась наша сегодняшняя жизнь.

И, как это бывает в жизни, в рассказах появились не только хорошие люди, так называемые положительные герои, но и типы отрицательные, и люди колеблющиеся, формирующиеся, преодолевающие в себе дурные качества. Возникли конфликты подлинные.

Ведь Аслан и Датиго в рассказе «На

склонах Тенебоури» — тунеядцы, люди нечестные. Но дочь того же Аслана — замечательная девушка, честная, трудолюбивая. Вот вам и конфликт. А ведь он еще осложнен ее чувством к Джумберу.

Или «Случай на концерте», пусть еще слишком «лобовой». Беспощадно разоблачен в нем бездельник Леван. Леван — искусный танцор. Эту свою способность он надеется использовать для того, чтобы избежать работы на плантациях, продержаться в колхозе, а затем, получив справку о трудовом стаже, поступить в институт, из которого он вынужден был уйти, так как сильно запустил учебу. Но колхозники разоблачают его на глазах у девушки, ради которой, видимо, он и затеял все это...

И даже в рассказе «Гигия и Бачука», повествующем о ребятах, решивших помочь колхозу — перетащить на дальнюю мельницу зерно для помола, нашелся один — Бачука, который старается схитрить, избежать труда. Его затея не удалась — мальчишки во главе с Гигией по-своему расправляются с ним и ставят на место этого маленького лентяя и подхалима.

Но рядом с Асланом, Датико и Леваном книгу населяют прекрасные, благородные люди, такие, как старый актер Ношреван и пожилой учитель Шалва, все свои силы и знания без остатка отдающие на пользу общему делу (рассказы «Вечный двигатель» и «Когда окончен последний урок»).

Так же, как они, большинство других героев рассказов Эдишера Кипиани — люди высокого интеллекта, богатого духовного мира, красивых и благородных чувств. И учительницу Дарью Михайловну («Верность»), и стариков из «Теплой зимы», и супругов из рассказа «Весна пришла» характеризуют именно такие качества. Это вполне закономерно, если учесть, что все творчество Эдишера Кипиани в своих самых различных проявлениях в конечном итоге посвящено решению тех или иных моральных проблем, которые сейчас, в преддверии коммунизма, важны более чем когда-либо.

Поэтому выпуск книги на русском языке, благодаря чему значительно расширился круг ее читателей, — дело нужное и полезное. Но оно стало бы явлением еще более радостным, если бы сборник «На склонах Тенебоури» был издан и отредактирован значительно внимательней. Тогда не прошли бы в нем досадные неточности, ненужные подробности.

К чему, например, такая деталь в рассказе «Цапля»:

«— Две бутылки шнапса! — сказала Хильда.

Краних достал с полки бутылки, а она, бросив быстрый взгляд в зеркальце, стерла платком помаду с губ и схватила их».

Не получив никакого развития, эта подробность с помадой повисла в воздухе, отяжелив рассказ, отвлекла внимание читателя от главного.

А в рассказе «Петушок в облаках» такая языковая небрежность переводчика: «...Мишико успел набить **полон рот** земляникой». Очевидно, все-таки лучше и правильнее было сказать «**полный рот**».

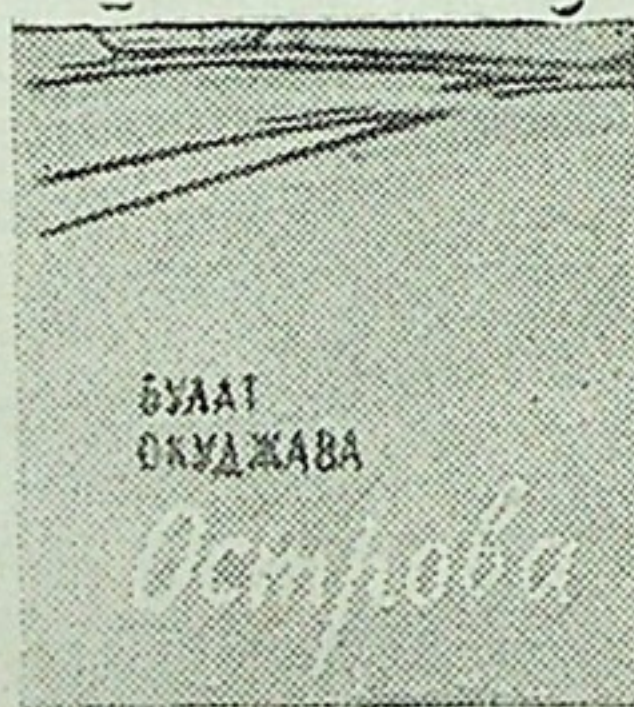
Безусловно, более требовательный подход к творчеству писателя, углубленная и тщательная работа над редактированием его произведений, особенно переведенных на другой язык, пошла бы на пользу и книге, и переводчикам, еще не всегда умеющим точно передать дух оригинала, и ее автору, продолжающему совершенствовать свое мастерство, все более зрело размышлять над окружающим его в жизни.

Л. ДОЛИДЗЕ

ВЗРАЩЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Много ли нужно человеку,
идушему по земле?
Веселая дорога, брод через реку,
да картофель в неостывшей золе,
да ночного леса упрямый рокот...

Вот в этом вольном ритме, перебивающемся непринужденно и спокойно, в этом негромком «рассказывании», в этой задушевности, как при разговоре с глазу на глаз, и таится внешняя прелесть поэзии Булата Окуджава. Да еще одно: пленительная музыкальность, наполняющая изнутри этот с виду простой разговор — недаром многие стихи Окуджава, положенные поэтом на музыку, поют сейчас по Москве...

Но любопытно: все это — внешняя «разговорность», внутренняя музыка — были свойственны и первой книжке стихов Окуджава, которую в 1956 году он, тогда сельский учитель, выпустил в Калужском газетном издательстве.

А книжку, можно сказать, не заметили. Почему же заговорили о нынешней его книжке, об «Островах»? Такая же маленькая, даже без обязательной для поэтического сборника поэмы, без многозначительного деления на циклы — просто полсотни сти-

Булат Окуджава. «Острова». Издательство «Советский писатель», Москва, 1959 г.

хотворений да пятнадцать строк об авторе, — и покоряет.

Покоряет потому, что облик лирического героя, едва намеченный в первом сборнике, теперь выразился ясно и чисто. Потому что все стихи — на одном дыхании, выплеснулись из души. Потому что судьба лирического героя Окуджава — это судьба целого поколения.

Когда грянула и покатила на восток война, на фронт пошли те, кого прокалил огонь гражданской, пошли те, кто в юности обмороженными руками копал котлованы первенцев пятилеток. Это были кремневые люди, война была их очередным подвигом: железо и в огне железо. Но рядом с ними встали юноши двадцатых годов рождения, те, что еще вчера били в пионерские барабаны и пели о революционной войне в Испании, а теперь должны были остановить немецкие танки. Фронт формировал их души — такого обжига не знали в юности даже их старшие братья.

...Так вот она — передовая!
В ней ничего нет страшного,—

но едва подумал — как пули запели вокруг: «дым сражения, окружение, гибнет, гибнет мой батальон»... И вот он: первый, еще детский, испуг, перемешанный с песней о красивом подвиге:

Мне немного лет...
гибнуть толку нет...
я еще дозоров не выстоял...
я еще ни разу не выстрелил...

Эти юноши заменили павших. Они завершили войну, завершили войну мужчинами. Стальной панцирь солдатской выдержки одел их души. Но под панцирем, наверное, навсегда остался тот первый мальчишеский протест против бесчеловечности войны, и нежность ко всему живому, и обостренное чувство справедливости, и выросшее отсюда чуткое внимание к человеческому достоинству. Песня о войне обернулась для семнадцатилетнего паренька суровой реальностью; война испытывала бойцов на истинную прочность, она научила поэта беспощадно вглядываться в людей, под внешним, под примелькавшимся искать истинную всему цену. Не отсюда ли в стихах Окуджава эта сдержанность в выражении чувств, эта «сниженность», эта боязнь пышной, громкой фразы?

А пули?

Пули были, били часто,
Да что о них рассказывать,—

война.

И не отсюда ли — этот нравственный максимализм, требовательность к человеку и боль, когда человек, пусть незаметно, пусть вполне благопристойно на

вид, роняет свое достоинство? Как в этой миниатюре:

Бывает так, бывает так:
лежит на улице пятак,
едва-едва заметный
простой кружочек медный.
А человек... Да, человек!
внезапно остановит бег
и до земли поклонится,
как будто переломится.

Булат Окуджава пишет о сегодняшних московских улицах и дворах. Нет, ему не чужды ни державное течение «Невы Петровны», ни «дымная» Кура, спешащая под Верийский мост сквозь осыпанный белой акацией Тбилиси... Но душа его все же там, где «двор наш арбатский капелью залит», где ползет по Москвереке буксирный пароходик, где сверкают лужи на Краснопресненской заставе, — в тех старых московских районах, откуда двадцать лет назад уходили на войну мальчики в шинелях. В том, с какой любовью пишет Окуджава эти тихие переулки, есть, может быть, и отзвук испытанной им когда-то мальчишеской тоски по дому: «над кострами развешат шинели и домашнее что-то, щемящее запоют». Эти дворы и дворики — извечный символ мелкого городского мещанства — наполняет поэт новым смыслом, и новой традицией, и новой романтикой. Романтикой той неистребимой жизни, за которую гибли сверстники. Поэт пишет полушутливо:

...Да, живут донкихоты!
Я касаюсь в толпе их руки.
Да, я слышу — с рассветом
Гремят башмаки вдоль реки...

Вы чувствуете, как «сбивает» он пафос, какие земные башмаки и руки у этих героев, какая теплая, чуть ироническая улыбка улавливается даже в словечке «донкихоты». И какая любовь к новым, молодым, живым жителям города:

...Да, взирают из окон,
да, глядят,
как над городом вечер синееет
нежданный...
В переулке Глубоком,
как столетие назад,
дульцинеи
жаждут
свиданий.

Поэзия Окуджава выражает духовный облик выращенного войной поколения, о котором по-своему писали Ю. Бондарев, Гр. Бакланов, Ю. Нагибин и другие. Есть огромная человеческая цен-

мость в духовном облике этого советского поколения. Есть огромный смысл в том, что всей своей судьбой оно опровергает судьбу буржуазного «потерянного» поколения, у которого война сожгла мосты впереди. Иной мир, иные люди. Из московских дворишек Булата Окуджава открывается новый жизненный путь. Герой уходит в него просто, буднично, уходит прямо «из жактовской лиловой тесноты». Но мы знаем, какая душевная

стать за этой будничной простотой, за этой сдержанностью, за этой суровостью:

Дорога начиналась от порога.
Пока ночная птица не молчит,
прощайте же! Пока рассвет синее,
прощайте же! Знать, что-то есть
сильнее,
Чем сбитые на сливках калачи.
Л. АННИНСКИЙ

Москва.

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН (ответственный секретарь),
М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 4 августа 1960 г. 7 печ. лист.+2 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 130

Тираж 8.000

УЭ 03540

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ბარია ვოსტოკა“

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб

0

200-

